

О. И. Побережнюк • В. Л. Побережнюк

БИХАРСКАЯ МОЗАИКА

Серия
основана
в 1957 году

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт востоковедения

О. И. Побережнюк
В. Л. Побережнюк

БИХАРСКАЯ МОЗАИКА

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1991

ББК 63.3(5ИД)
П41

Редакционная коллегия

*К. В. Малаховский (председатель),
Л. Б. Алаев, Л. М. Белоусов, А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков,
Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда, Н. А. Симония*

Ответственный редактор

Л. Б. Алаев

*Утверждено к печати редколлегией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Побережнюк О. И., Побережнюк В. Л.

П41 Бихарская мозаика.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.— 251 с.: ил. (Рассказы о странах Востока).
ISBN 5-02-017159-X

Авторы книги — советские специалисты, несколько лет проработавшие в Индии на строительстве металлургического комбината в Бокаро. Их записки — это впечатления людей, впервые попавших в незнакомую экзотическую страну, с доброжелательным интересом относящихся к традициям и нормам индийской жизни, очарованных богатством и многогранностью культуры индийского народа.

п $\frac{1805030000-068}{013(02)-91}$ 90-91

ББК 63.3(5Ид)

ISBN 5-02-017159-X

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1991

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Поезд замедлил ход. Послышался стук, и в дверях вагона показалось улыбающееся лицо не спавшего всю ночь проводника.

— Дханбад! — торжественно сообщил он и исчез.

Нас охватило волнение — через несколько минут мы ступим на землю, где предстоит прожить несколько лет. За затемненными окнами вагона тянулись рисовые поля. Неожиданно пейзаж изменился, замелькали терриконы и канатные дороги, по которым медленно ползли груженные углем вагонетки.

Совсем рядом находился Дханбад — центр добычи угля. К этому времени солнце уже должно было взойти, но за окном стояло хмурое утро. По земле стелился туман, смешанный с дымом. Показались пригородные постройки. Они походили на крестьянские хижины. За ними потянулись дома, построенные еще в колониальный период.

Наконец поезд остановился. Вокзальная суeta и шум действовали на нас ошеломляюще. Вдоль вагонов двигался продавец чая. В одной руке он держал огромный чайник, горлышко которого старательно затыкал куском газеты после того, как наливал очередную чашечку чая. В другой — стопку глиняных чашек. После употребления их тут же выбрасывают, и на платформе валяются груды черепков. Через регулярные промежутки времени продавец чая гортанным голосом кричал «Ча!». Кругом сновали босоногие мальчишки — продавцы газет. Они выкрикивали названия газет, и их голоса тонули среди призывов чистильщиков, зазывающих клиентов. Трусцой бежали носильщики, ловко маневрируя между огромными тюками и мешками. В «кафе», устроенном прямо на платформе, дым от нескольких земляных печей, которые топились каменным углем, резал глаза. Здесь можно выпить чашечку чая или кофе, отведать сла-

достей, купить сигареты. К пассажирам и встречающим приставали нищие — в этой суеде они надеялись заполучить свой «бакшиш». Крыши платформ и вагонов отражали искаженные звуки объявлений на хинди, в которых едва можно было уловить лишь название нашего поезда «Калка-Мейл». С огромных афиш на всю эту кутерьму спокойно взирали, ослепительно улыбаясь, обольстительные кинозвезды в роскошных сари и киногерои в элегантных белоснежных костюмах, изображенные на фоне тропических пейзажей и старинных дворцов.

В автобусе, ожидавшем нас на площади, мирно дремали солдаты-охранники. С нашим появлением они тут же проснулись и быстро подхватили сложенные в проходе выдавшие виды винтовки. Одетые в красные рубашки носильщики, ловко балансируя, доставили в автобус багаж. Они не катили его в тележках, не держали в руках, а слегка покачиваясь, несли на головах. Получив оплату и «бакшиш», они снова кинулись на перрон, где замешкались еще несколько пассажиров. На привокзальной площади вереницей выстроились такси с желтыми крышами. Реклама призывала останавливаться в Бокаро только в гостинице «Блю даймонд» («Голубой бриллиант»).

Тут появился представитель завода.

— Меня зовут Шарма,— медленно растягивая слова, мягким голосом произнес он.— Мы ждем вас с вечера, ведь поезд опоздал на восемь часов. Водитель тоже устал, поэтому дорога займет не менее двух часов.

Услышав, что говорят о нем, водитель, уже выруливавший автобус с привокзальной площади, с улыбкой заметил:

— Скоро будем в Бокаро!

Солдаты охраны тоже улыбались. Чувствовалось, они радовались, что длительное ожидание наконец окончилось. Автобус катил по улице, быстро набирая скорость.

— Пока на дороге машин нет,— сказал Шарма.— Ведь еще очень рано. Может быть, доберемся до места быстро.

Вдоль довольно широкой центральной улицы Дханбада стояли старинные дома. Их архитектура представляла собой смешение классического английского стиля с индийским традиционным. Колонны и лепные украшения, открытые деревянные жалюзи на окнах, просторные, вытянутые вдоль фасадов веранды, закрытые кружевным орнаментом железных решеток, располагались симметрично. Когда-то дома были оштукатурены и покрашены в светлые тона. Они могли бы иметь весьма привлекательный вид, если бы не были так запущены. Стены покрывал слой пыли. Очень

плотно он лежал на выступах. Во многих местах штукатурка осыпалась, обнажая каменную кладку стен. Самое удручающее впечатление придавали улице бесконечные ряды обтянутых грязным брезентом лавок, которые примостились между проезжей частью и домами. В них уже началось движение. Люди, кутаясь от холода в темные застиранные тряпки, разводили огонь в глиняных земляных печах.

— Этот город стоит на трассе Ранчи — Калькутта. Тут всегда интенсивное движение, — говорил нараспев Шарма. — Вдоль дороги тянутся мастерские, где можно отремонтировать буквально все: от велосипеда до грузовика. А вот и храм.

Откровенно говоря, ничего похожего на храм в этом убогом нагромождении шатров из брезента заметить было невозможно.

— Здесь и *кантинов*¹ много! Водители обычно останавливаются здесь, чтобы отдохнуть и выпить чаю. Тут очень жарко, особенно в апреле — мае, а сейчас сентябрь, и все еще продолжается *мансун*².

Снова прозвучало слово, характерное только для этой страны. Нигде, кроме Индии, дожди, приносимые муссонным ветром, не называют мансуном. Но когда речь заходит о мансуне, сразу возникает ассоциация с индийскими тропическими ливнями или с сезоном дождей.

— Вчера, например, трижды лил дождь. Видите, как мокро вокруг.

Действительно, мокрым было все. На стенах некоторых домов виднелись пятна и подтеки. Хмурое утро отражалось в огромных лужах и, казалось, не предвещало ничего хорошего. Вдоль дороги стелился удушливый дым от печей *кантинов*, смешанный с запахом подгоревшего масла. Каким будет новый день? Что нас ждет впереди? Неужели это та самая Индия — страна чудес, о которой мы столько читали, куда так стремились и которая уже предстала перед нашим взором деловой и светской столицей Дели, с толпами туристов, всемирно известными памятниками, роскошными магазинами и запруженными транспортом улицами?

— Скажите, Дханбад похож на Бокаро? — поинтересовались мы.

¹ *Кантин* — так в Индии называют места, где можно перекусить на скорую руку. Индийцы ловко заимствовали это слово из английского языка, и оно уверенно вошло в бытовой лексикон, означая одновременно и столовую, и привокзальную или придорожную харчевню.

² *Мансун* — период муссонных дождей.

— Совсем нет,— Шарма приосанился, и речь его стала еще более певучей.— Бокаро — новый современный город. Там живут только работники завода. А Дханбад похож на Час, который расположен неподалеку от Бокаро. Мы проедем через него, и вы это увидите сами. В Бокаро все дома новые. Есть большие торговые центры. Но город еще строится.

Его слова несколько успокоили нас, а приветливость и стремление поддержать разговор, несмотря на бессонную ночь, не могли не вызвать симпатию. Солдаты уже давно перестали следить за разговором и мирно дремали, облокотившись на винтовки.

— Почему нас встречали с охраной?

— На всякий случай. Дорога длинная. Приехать вы должны были вечером, и нам пришлось бы путешествовать глубокой ночью. Наш путь лежит через леса и горы. Там могут напасть дакойты.

И снова прозвучало сугубо индийское слово. Так здесь с незапамятных времен называют разбойников.

— Разбойники?! И такое случается?

— Да. С давних времен дороги Бихара ночью опасны для путешественников.— Шарма был явно доволен эффектом своего рассказа.— Народу много, и каждый, как может, пытается обеспечить себе существование. Между Дханбадом и Часом есть район, где действует одна из банд. Конечно, полиция с ней борется, да и администрация нашего завода тоже старается делать все возможное. Ведь это основная дорога, связывающая Бокаро с восточной частью страны.

— Днем тоже ездят с охраной?

— Нет, днем дакойты никого не беспокоят. Они спят или, возвращая себе крестьянское обличье, мирно трудятся на полях. Днем надо бояться водителей, перевозящих грузы на дальние расстояния. Видите грузовики?

Прямо на проезжей части, возле одного из придорожных кантинов, стояли два грузовика. Их кузова буквально распухли от невероятного количества грузов, и объехать их не представлялось никакой возможности. Наш автобус остановился.

— Как только водители грузовиков позавтракают, мы тут же тронемся в путь,— объяснили нам.

— Почему они не съехали с дороги?— поинтересовались мы.

— Да с таким грузом это просто невозможно сделать. Грузовики частные, и водители стараются не только быстрее

доставить товар, но и привезти его как можно больше. В результате они практически не способны маневрировать. Можете себе представить, какую опасность представляет такой грузовик на трассе! Много их гибнет на дорогах Индии. Часто, чтобы сэкономить время, водитель гонит машину без остановки. Понятно, нужно спешить, ведь это его хлеб. Иногда водитель засыпает за рулем, тогда катастрофа неминуема.

Ожидание затягивалось. Мы стали разглядывать яркие надписи и рисунки на заднем борту грузовика.

Тем временем помощник нашего водителя по пояс высунулся из окна и зычным голосом прокричал водителю, что дорога свободна. Любопытно было наблюдать за его работой. При выезде из Дханбада он сидел у открытого окна и покрикивал на велорикш, которые, по его мнению, недостаточно быстро уступали нам дорогу. И делал он это довольно спокойно и доброжелательно. Теперь, когда автобус шел на обгон, он приступил к своим самым главным обязанностям: свесившись из окна, отчаянно стучал рукой по борту, тем самым давая знать водителю, что обгон проходит благополучно. Одновременно он следил за встречным транспортом, за тем, чтобы колеса автобуса не съезжали с узкой дорожной полосы, и сообщал, когда задний борт минует обгоняемые грузовики. Вскоре он крикнул, что водитель может занять место в левом ряду (движение здесь левостороннее). «Операция» закончилась благополучно, и мы с пониманием обменялись с помощником знаками приветствия. Он был очень горд собой и тем, как своевременно сумел продемонстрировать свое мастерство.

Грузовики остались позади, и наше внимание снова приковали к себе окрестности. Мы уже давно миновали Дханбад и подвесные дороги с угольными вагонетками. Сквозь туман проступали аккуратные террасы рисовых полей. Кое-где виднелись склоненные над ними фигурки крестьян. В основном — мужчин.

В тех местах, где трасса проходила через деревни, автобус бросало и сильно трясло на каких-то поперечных валах. Приближаясь к ним, водитель старался сбрасывать скорость. Валы были похожи на выпуклые шрамы, избородившие асфальтовое полотно.

Шарма с готовностью возобновил разговор:

— Это местные жители так борются с водителями-лихачами. Дорожная полиция практически отсутствует, и поэтому люди, стремясь обезопасить детей и скот, сооружают подобные барьеры, чтобы как-то ограничить скорость

несущегося мимо транспорта и обострить внимание водителя.

Возле колодцев толпились женщины, в руках у них были ослепительно отполированные медные кувшины. По их позам и тому, как они кутались в сари, стараясь закрыть голову и руки, чувствовалось, что им холодно. Они не спешили наполнять свои сосуды водой. Увлеченные обменом новостями, женщины, кажется, забыли, что их ждут дома дела.

За окнами замелькали красивые озера, покрытые зарослями лотоса. Цветы выстилали водную гладь причудливым ковром.

Все, что мы увидели в Дханбаде и его окрестностях — тяжелое от туч небо, стелющийся туман, едкий дым, — шло вразрез с представлениями об этой стране. Образы из книг и фильмов отступали на задний план. Реальность имела более суровые и жесткие очертания. Вспомнились слова Р. Киплинга: «Умей мечтать, не став рабом мечтаний»...

Теперь дорога пошла через скалистые горы.

— Вот проедем горы, мост, джунгли и скоро прибудем в Бокаро, — сообщил Шарма.

Горы со скудной растительностью поднимались все выше и выше. Дорога тоже уходила вверх. Сделав крутой поворот, она вывела нас к мосту.

— Нам повезло, — с облегчением вздохнул Шарма. — Кажется, мост проедем спокойно. Движение по нему одностороннее, и сейчас открыто наше направление. Если бы двигался встречный ряд, мы могли бы прождать здесь неизвестно сколько времени. А именно на этом берегу в скалах и находится самое неблагонадежное место. Разбойники появляются тут чаще всего.

Автобус трясло на мосту, который, по словам Шармы, строили еще англичане. На первый взгляд боковые металлические конструкции были в весьма хорошем состоянии, но дорожное покрытие состояло из уложенных поперек деревянных балок. Как только их касались колеса, они вздыбливались и громыхали. Движение напоминало скверно задуманный захватывающий аттракцион. Под мостом ревела взбухшая от дождей река Дамодар.

— Здесь это единственный мост? — спросили мы.

— Скоро построят новый, — сказал Шарма. — А пока этот мост — наша беда. Если на нем застрянет какая-нибудь машина, а бывали случаи, когда они и проваливались, то завод оказывается отрезанным от центра дистрикта, то есть Дханбада, на довольно длительное время. А закрыть мост на ремонт нельзя, потому что объездная дорога нахо-

дится в еще худшем состоянии. В штате не хватает средств на ремонтные работы. Вот, с большим трудом выделили деньги на строительство нового моста. Скоро он будет готов, и вы по нему поедите.

Тем временем мы уже почти миновали мост. Невероятная тряска подходила к концу. На правом берегу выстроилась длинная очередь встречных машин. Дорога гладкой лентой уходила вдаль.

Воображение, пробужденное сказками Киплинга, рисовало джунгли непроходимыми дикими пальмовыми лесами, переплетенными мощными щупальцами лиан, наполненными разными дикими зверями и удивительными птицами. На деле оказалось, что в Индии так называют любой лесной массив. Приземистые и корявые лиственные деревья, растущие на красноватой глинистой почве, и были джунглями, о которых говорил Шарма. Около двадцати минут автобус мчался вдоль просматривавшихся насквозь лесных посадок.

— Скоро окончится мансун и наступит зима, — возобновил беседу Шарма. — Начнется листопад, зацветут деревья и розы. Пожалуй, это самое красивое время года в здешних местах.

— Вы тут родились?

— Нет, я родился и вырос на Юге, в Бангалуре — самом замечательном индийском городе. Климат там приятный, много парков, уютных коттеджей, красивых многоэтажных домов. Основная прелесть Бангалура — все-таки климат. Там не бывает слишком жарко или очень холодно. В старые времена англичане отправляли в Кашмир свои семьи на жаркий период года. Но если они жили в Бангалуре, где круглый год приятно, они этого не делали никогда. Последние годы даже С. Рерих стал реже выезжать в Гималаи. Может, годы берут свое, но почти все время он проводит именно в Бангалуре. Я никогда не уехал бы оттуда, но с моей профессией там нечего делать, потому что спрос в основном на специалистов по компьютерам, авиационной или атомной промышленности. Но вся моя семья осталась там.

— А в Бокаро вы давно работаете?

— Да, почти пятнадцать лет.

— Значит, вы — ветеран Бокаро!

— В какой-то степени, конечно, но надеюсь, что скоро уеду отсюда. Хотелось бы получить повышение по службе, а в Бокаро я достиг «потолка». Подожду еще года два и попробую перевестись на завод в Визагхапатнаме. Вы что-нибудь о нем слышали?

— Но ведь, кажется, контракт на его строительство еще не подписан? Вполне вероятно, что Советский Союз будет участвовать в его создании.

— Думаю, что это так. Вы помогли нам построить уже два первоклассных металлургических завода — в Бхилаи и Бокаро. Вот только на вторую очередь цеха холодного проката на нашем заводе правительство Морарджи Десаи подписало контракт с американцами. Большой просчет! Сейчас это самый отстающий объект завода. А если новый завод в Визагхапатнаме будут строить русские, многих инженеров и рабочих Бокаро направят туда. Новый объект — новые перспективы!

Вскоре на горизонте показались очертания гигантского завода.

— Видите, вот и наш красавец! — гордо объявил Шарма. — А город пока не виден.

На подъезде к Часу мы заметили стаю крупных обезьян, которые смело направлялись в город.

— Это место называется «Обезьянья роща». Здесь обезьян видят чаще всего. Они спешат в город, чтобы чем-нибудь полакомиться. Они и в Бокаро забегают.

— А змеи здесь есть?

— Конечно! — Этот вопрос явно удивил Шарму. — Но они не очень опасны. Главное — случайно не наступить на змею. Кстати, сейчас из-за дождей они покинули норы и весьма активны. Обычно мы стрижем траву вокруг дома, чтобы змеи не могли в ней прятаться.

— А что делать, если змея все же нападет?

— Человеку оказывают медицинскую помощь, а змею, если поймают, сажают в пустую бочку и кормят молоком до тех пор, пока не выяснится судьба пострадавшего. Если человек умирает, то змею убивают, а если он остается живым, ее отпускают на свободу.

Было очевидно, что участь змеи заботила Шарму больше, чем здоровье пострадавшего.

Автобус уже мчался по Часу. В придорожных лавках кипела бойкая торговля. Основными товарами были фрукты, овощи и цветы. Однако цветы не такие, как у нас. Это были оранжевые и желтые бархатцы, набранные в гирлянды для украшения божеств в храмах. Наполняя воздух пряным ароматом, они свисали с прилавков, пышными горами возвышались на плетеных соломенных подносах.

Проехали мастерскую гончара. Горшки и кувшины были сложены в глубине двора и занимали почти все свободное пространство. Гончар и его помощники трудились над при-

чудливыми изображениями божеств. Приближалась Дурга-пуджа — один из самых красивых религиозных праздников Бихара и Западной Бенгалии. Для его проведения нужны тысячи скульптур для временных храмов, которым предстояло возникнуть на улицах и базарах, в парках и на площадях. У гончаров работа кипела днем и ночью. Заготовки, еще не покрытые ярким рисунком и одеждами, сушились вдоль дороги. Смешно торчали их головы и руки, застывшие в самых неожиданных позах.

Миновав своеобразную галерею, автобус выехал на главную улицу Нового Часа. Здесь уже не увидишь брезентовых шатров. Первые этажи двух- или трехэтажных зданий были заняты под магазины, мастерские и аптеки.

— Это частные дома. Обычно семья владельца живет на верхних этажах, — рассказывал Шарма.

Границей Часа служила небольшая река. Под мостом слева, в воде, стояло несколько огромных грузовиков. Их яростно драили полуобнаженные люди. С не меньшим энтузиазмом мальчишки терли бока буйволов, залегших в воде у другого берега. Животные невозмутимо терпели эту процедуру, блаженно посапывая. По другую сторону моста догорало два костра. В небольшом отдалении расположились мужчины.

— Кремируют умерших, — пояснил Шарма. — Это единственная река в Часе и Бокаро. Конечно, каждый стремится кремировать родственника на берегу священного Ганга, особенно в Варанаси. Но это стоит больших денег — не все могут позволить себе такие расходы.

Когда мы миновали мост, Шарма показал рукой в сторону большого парка. Сквозь деревья просматривался скромный особняк. Это была резиденция директора металлургического завода в Бокаро. Резиденция — государственная и переходит новому директору. Назначением последнего занимается правление Корпорации государственных металлургических заводов. В распоряжении директора имеется самолет и небольшой аэродром, примыкающий к резиденции. Директору приходится часто выезжать в Патну — столицу штата, а также в Калькутту и, конечно, в Дели. Самолетом он значительно экономит время. Аэропорта в Бокаро нет, а ближайший расположен в Ранчи.

Когда мы миновали резиденцию и миниатюрный аэродром и наш автобус сделал еще один поворот, перед нами возник гигантский щит, на котором было написано, что Бокаро — город стали — приветствует нас.

Так завершалось путешествие во много тысяч километров, длившееся почти неделю. Оно привело нас из Москвы в

город индийских металлургов и строителей, которому суждено было на несколько лет стать нашим домом.

Широкие чистые улицы, окаймленные рядами развесистых деревьев, делили его на сектора. Дома здесь новые, и Бокаро, действительно, не имел ни малейшего сходства со старыми маленькими провинциальными городками.

— Как и завод, наш город молодой и быстро растущий, — рассказывал Шарма. — Сейчас здесь живет более полумиллиона жителей. Это администрация завода, инженерный состав, рабочие и их семьи. В зависимости от выполняемой работы и занимаемой должности они живут в разных секторах. Справа — одноэтажные дома, рассчитанные на две семьи. Это первый сектор, где проживает старший инженерный состав.

Возле удобных коттеджей, окруженных садами и подстриженными газонами, стояли гаражи. Балконы и плоские крыши украшали вазоны с цветами. Сразу вспомнилось, что в каждой индийской семье любят цветы. Обычно за ними ухаживает хозяйка дома. Цветы не только украшают жилище, но и дают представление о характере и воспитании вырастившей их женщины. Это древняя прекрасная традиция индийского эстетического воспитания. Цветы придавали каждому дому своеобразие, индивидуальность. На противоположной стороне улицы располагались дома другого сектора, жителями которого были квалифицированные рабочие.

В следующем секторе участки возле домов напоминали не ухоженные сады, а крестьянские усадьбы. Возле хлипких деревянных пристроек-сарайчиков дремали привязанные буйволы, на дороге бродили домашние козы.

— Здесь обитают неквалифицированные рабочие. Они приехали сюда из близлежащих деревень, — говорил Шарма. — Никак не могут избавиться от крестьянской психологии. Видите, сколько скота содержат! Но администрация завода не возражает. Зарплата у них небольшой, а маленькое хозяйство помогает прокормить семью. Конечно, это портит вид города, и запах, как в хлеву, но ничего не поделаешь. Может, во втором поколении они смогут перейти на городской образ жизни, а пока они благодарны правительству за то, что обеспечены постоянной работой. Ведь проблема занятости стоит в стране очень остро. И такой завод, как наш, дает средство к существованию десяткам тысяч людей. Мы создали людям прекрасные условия для существования. Они могут не только приобрести квалификацию, но и повысить ее. Вы сами в этом убедитесь. При заводе работает

большой центр по подготовке кадров. Многие инженеры и техники прошли стажировку в Советском Союзе.

Городской парк весьма напоминал ботанический сад. В глубине его двигался состав детской железной дороги. Мелькнула вывеска с надписью «Ташкент».

— Это название одной из станций. Детишки любят кататься на своем поезде, чувствуют себя самостоятельными, взрослыми. Парк очень красивый, советую побывать в нем как можно раньше, особенно когда зацветут розы. Примите участие в выставке цветов и благотворительной ярмарке. Их там устраивают.

На большом поле возле парка мы увидели современное здание из стекла и бетона. Оно чем-то напоминало ажурный куб.

— Это наша городская библиотека. Ее созданием занимается отдел, в котором я работаю,— с гордостью поведал Шарма.— Мы выписываем и покупаем каждый месяц тысячу, а иногда и больше, книг. Поле вокруг библиотеки не всегда пусто. Это место проведения самых массовых праздников. Здесь проходят представления «Рамаяны», съезды разных партий, на этом месте организуют фейерверки, выставки, представления шапито. Посмотрите на дома вдали под высокими деревьями. Там вы будете жить. Деревья посадили первые советские специалисты, которые начинали строить завод. Теперь деревья подросли. Окрепла и наша дружба. Здесь уже побывало много русских. С ними хорошо работать. Добрые и сердечные, они и подскажут, и объяснят, и помогут найти решение самой сложной технической проблемы. Были случаи, когда даже кровь давали для индийцев! У нас много общего и в характере, и в задачах, которые решаем.

Проехав большой госпиталь, автобус прибыл в наш сектор. Путешествие было окончено. Начинался новый этап в нашей жизни.

Впечатления первого дня запомнились нам особенно четко. Предстояло еще много путешествовать, знакомиться с Бокаро и его окрестностями, с его тружениками, делить с ними и будни и праздники, много работать, открывать для себя свою Индию, обретать новых друзей, увидеть не воображаемую экзотическую страну, а реальную и еще более прекрасную и экзотическую, чем ее официальный парадный портрет. Нас ждала Индия контрастов, древних памятников, современных достижений, добрых и талантливых людей.

КРАСАВЕЦ-ЗАВОД

Шарма назвал завод красавцем. Трудно было не согласиться с ним. Крупнейший в Азии металлургический завод поражал не только масштабами. Он гармонично вписался в абсолютно равнинную местность. Своими высотными корпусами и трубами завод словно рвался ввысь. Он красив всегда: и на фоне багряных закатов, и в мягких лучах восходящего солнца, и на ночном небе, подсвеченном отблесками разливаемой стали.

Городские секторы удалены от завода. Создателям проекта комплекса завода и города удалось найти такое местоположение для жилых районов, что на них никогда не выпадают вредные осадки. Зато какие неудобства причиняет жителям Бокаро построенная англичанами ТЭЦ! К заводу она имеет косвенное отношение, но город постоянно помнит о ней. Когда дует северный ветер, высокие столбы дыма, вырывающиеся из ее труб, стелются над землей, засыпая Бокаро черной едкой пылью. Северный ветер обычно поднимается к вечеру. Пахнет копотью, от дыма болят глаза, и кажется, что в них впиваются тысячи иголок.

Каждое утро улицы Бокаро заполняют потоки велосипедов и автомобилей. Они стекаются на главную улицу, ведущую к заводской проходной. Поток автомобилей значительно редее, проносясь мимо заводоуправления, учебного центра и конструкторского бюро, которые находятся намного ближе к городу, чем сам завод. Продолав еще несколько километров, сбавив скорость, поток велосипедистов исчезает в арках проходной, где охрана завода, все те же brave солдаты, пропускает смену на заводскую территорию. Проходную украшают два транспаранта. Один гласит: «Добро пожаловать», а другой напоминает: «Завод зависит от рабочих, а рабочие от завода».

Рядом с проходной стоит небольшой памятник строителям Бокаро. Это фигуры людей с лопатами, кирками в руках и грузовыми корзинами на головах в натуральный рост — напоминание о миллионах чернорабочих, которые выполняют здесь основные строительные операции. Их положение — одна из наиболее тяжело разрешаемых проблем.

Сколько раз сжималось сердце при виде полуобнаженных людей, которые в жару копают землю, замешивают раствор, прокладывают идеально гладкие ленты дорог. А сколько среди них женщин! Стройные и худенькие, они скорее напоминают хрупкий тростник, чем чернорабочих. Их грациозные фигуры слегка покачиваются под тяжестью ноши на головах. Женщины переносят в корзинах землю и камни, вес которых иногда достигает тридцати килограммов. Часто приходилось видеть их грудных детей, которые были заботливо устроены где-нибудь в тени, неподалеку от места работ. Трудясь под проливными дождями и палящими лучами солнца, они довольствуются луковицей и горсточкой вареного риса или фасоловой похлебкой.

Первые впечатления от вида нищих, калек и детей, собирающих милостыню в Дели, на вокзалах и базарах, возле храмов, отступают на задний план при мысли об участии *халаси* — чернорабочих. Ведь нищенство по-прежнему остается в Индии профессией, хотя правительство Республики проводит специальную программу по его искоренению. Стали редкими случаи, когда в бедных многодетных семьях одного из детей умышленно калечат в младенчестве, чтобы он мог собирать хорошую милостыню. Теперь каждый ребенок может ходить в школу, получить профессию и тем самым разрушить извечный уклад традиционного наследования социального и имущественного положения. Один из наиболее популярных индийских журналов, «Индия тудэй», часто печатает материалы, разоблачающие нищих-профессионалов. Они переодеваются, гримируются и не только меняют внешность, но и успешно имитируют всяческие увечья, даже могут изобразить страшную проказу. Эти люди появляются в самых различных уголках страны. Их капитал, заработанный сбором подаяния, как правило, превышает состояние предпринимателя средней руки.

Положение халаси-чернорабочего ни в какой степени нельзя сравнить с положением нищего. Оно намного хуже. Речь идет о людях, готовых трудиться. Но они не имеют профессии.

Это обедневшие крестьяне, которые бросили род-

ные места и ушли на заработки в те районы, где начинается строительство какого-то объекта. Их тяжелый труд можно облегчить с помощью современной техники. Но тогда эти люди лишатся работы. А современная техника в Индии есть: и отечественная и иностранная. Искусственно замедляя ее внедрение, правительство тем самым помогает миллионам беднейших семей. В то же время для них создаются учебные центры, где любой может получить новую профессию.

Индийцы всегда гордятся своей работой. Нам никогда не приходилось видеть их неопрятными или грязными на рабочих местах. Мы любовались, глядя на поток велосипедистов, вливающийся в проходную завода. Густо напозаженные и аккуратно причесанные головы рабочих поблескивали на солнце. На них были надеты чистые рубашки и брюки самых невероятных светлых тонов — от ослепительно белого до радостно розового или голубого. Эти наряды были бы более уместны для поездки на праздник или ярмарку. А ведь они спешили на свои рабочие места — в цеха и к доменным печам, конвертерам и прокатным станам. На свежих, чисто выбритых лицах мелькали знаки, оставленные рукой брахмана, который благословил их на трудовой день. Волнистые поперечные линии, нанесенные белой краской, красные «солнышки» на лбах осеяли им путь на завод. Жилистые ноги энергично крутили педали тысяч велосипедов, ловко обгоняя в заторах менее подвижные мотоциклы, мотороллеры и автомобили, на которых ехали инженеры. К восьми часам ворота проходной полностью поглощают утреннюю смену и на дороге становится безлюдно и тихо. Лишь изредка появится бродячая корова, да в тени дремлют продавцы сигарет. Движение возобновляется около полудня. Только теперь к заводу катят уже не работники предприятия, а те, кто доставляет обед.

На заводе много кантинов, но большинство работающих предпочитают домашнюю пищу. В Индии бок о бок уживутся несколько религий и имеется так много религиозных и кастовых запретов, связанных с приемом пищи, что одно меню не может удовлетворить всех. Индусы бывают вегетарианцами и невегетарианцами, они никогда не употребляют говядину, зато мусульмане ни за что не станут есть свинину.

Есть «чистые» вегетарианцы и «не совсем чистые», которые употребляют в пищу рыбу и яйца. Брахманы вообще не могут есть в присутствии людей из низших каст. Индусы из многих каст приступают к еде только после того, как убедят-

ся в том, что она приготовлена человеком, относящимся к сго касте. Эти ограничения и породили такую профессию, как доставщик домашних обедов.

Как можно догадаться, обед доставляют не на машинах, а на вездесущих велосипедах. На руле обычно красуется добрая дюжина металлических термосов с ручками. Доставщику нелегко управлять перегруженной машиной, приходится приподниматься и давить на педали весом тела. Обеды везут не из столовых, кантинов или ресторанов. Они приготовлены заботливыми руками жен рабочих.

Во второй половине дня из проходной начинают появляться рабочие, закончившие утреннюю смену. А в секторах их уже поджидают детишки. Они бросаются навстречу уставшему и запыленному отцу, бегут за ним несколько шагов, а затем вновь возвращаются к своим привычным занятиям: запускают воздушных змеев, гоняют мяч или предаются излюбленной игре в крикет. Крикет, пожалуй, самый популярный спорт в Индии. Мальчишки поклоняются звездам крикета с почтением, достойным всего пантеона индуистских богов. А в вечерние часы игры на колючей траве доставляют им великую радость и будят надежды и мечты об овациях болельщиков и кубках на национальных турнирах.

К вечеру из окон домов и дверей магазинов, уже открывшихся после длинного обеденного перерыва, несутся мелодии и песни из популярных кинофильмов. Женщины подают ужин. С пастбищ тянутся стада буйволов. Их погоняют мальчишки-пастухи, которым тоже хочется поскорее сбросить с себя ответственность тяжелого, длинного трудового дня.

На заходе солнца небо заливают багряные тропические краски. Они интригуют, все становится совершенно нереальным из-за странного освещения. Деревья и дома напоминают декорации, а свет, падающий на лица людей, делает их похожими на театральных героев. Тени исчезают. Ветер стихает, и природа замирает. Все делается драматично-спокойным и возвышенным. Становится прохладнее, а воздух делается чище. Но все это длится недолго. Проходит всего несколько минут и ...солнце гаснет, потушенное прикосновением к горизонту. Из отдаленных храмов доносятся звуки молитвы и звон колокольчиков. Они переплетаются с популярными мелодиями и слагаются в причудливую какофонию. Небо темнеет. Зажигаются звезды, которые так не похожи на звезды в Москве. Они ближе и ярче, а на Юге просматриваются созвездия южного полушария.

«ПОСЛЕОБЕДЕННЫЙ КЛУБ»

Совещания в департаменте строительства всегда проходили шумно. Здесь не было безразличных, потому что решалось будущее завода. Сначала заслушивали отчеты о выполненной работе и давали объяснения, почему какое-то задание не выполнено, затем начиналось обсуждение. Разгоралась дискуссия. Она прекращалась лишь после того, как вмешивался Нараян. И не только потому, что именно он находил оптимальное решение. Просто в момент, когда все увлекались спором, он обычно поднимал вверх руки, призывая всех к тишине. Нараян обращался к коллегам с улыбкой. Он чем-то был похож на известную деревянную фигурку «хэппи мэн» («счастливого человека»). Друзья так и называли его «хэппи мэн». Как-то так получилось, что всегда после его призыва разговор принимал конструктивный характер. Невысокого роста, полный, с гладкими чертами лица и небольшим животиком, Нараян всегда улыбался и излучал обаяние. Он так заразительно смеялся, что всем вокруг становилось хорошо. Уважали его и как большого специалиста. Как всегда, после обеда мы приходили к нему в кабинет, чтобы подготовить протоколы предстоящих совещаний. Собирались там и его коллеги. Эти «сходки» Нараян называл «послеобеденным клубом». Действительно, все основные вопросы решались утром, а после обеда в индийских офисах наступала своеобразная сиеста.

В «послеобеденном клубе» было интересно. Здесь обсуждали заводские новости и разные слухи, узнавали о предстоящих перемещениях и новых назначениях. Для этих людей такие новости имели большое значение — в Индии на предприятиях государственного сектора повышение в должности происходит в порядке очередности, в зависимости от стажа работы, и следующая должность должна быть обязательно выше, с большим окладом и новыми привилегиями. Часто приходилось слышать жалобы, что инженеров на строительстве затирают, в то время как эксплуатационники, которые пришли на завод вместе с ними, делают карьеру. Некоторые с надеждой ждали момента, когда подвернется возможность перевестись на новый завод в Визагхапатнаме. Но перевод в то же время означал также и переезд. Тут собрались индийцы из разных районов страны. Завод

спаял их воедино, несмотря на этнические, конфессиональные и кастовые различия, стал новым домом. Правда, душой они оставались в родных местах, там, где жили их родители, друзья, а нередко жены и дети. Но даже те, кто пустил свои корни в Бокаро, не могли скрыть грусти, когда речь заходила о родных местах. На все праздники и в отпуск они всегда стремились уехать домой, а когда возвращались, то не было конца рассказам о встречах и впечатлениях. С юмором вспоминали люди дорогу — многим приходилось путешествовать сутки или двое в один конец и делать, если не несколько, то хотя бы одну пересадку. Пересадку на индийской железной дороге, особенно когда путешествуешь с семьей и большим багажом (постельными принадлежностями, термосами, подарками), а билеты дают лишь право на вход в вагон, но не обеспечивают места, описать невозможно, это нужно испытать самому. После такой поездки обычно больше никуда не хочется ехать, но у индийцев велика тяга к путешествиям. Особенно тянет их домой, в родные места.

В «послеобеденном клубе» мы узнавали и о возможных забастовках. Знать это было полезно — нам нужна была эта информация, чтобы сообразить, какие ворота будут блокированы, выбрать, по какой дороге возвращаться домой, чтобы не оказаться в толпе демонстрантов, через которую просто-напросто не проехать. Порой забастовки принимали вовсе немирный характер. Одно время в течение нескольких месяцев завод лихорадило в связи со скандальным делом по поводу пропажи большого количества конвейерной ленты. В этой истории был замешан один из руководителей завода, рабочие стали требовать, чтобы его сместили с должности.

Почти каждый вечер рабочие устраивали демонстрации. Они собирались у ворот главного административного здания и шли по главной улице к сектору, где находились дома руководства завода, тем самым они парализовывали движение в городе. Страсти умело накаляли профессионалы выкрикиватели лозунгов. Этим людей нанимали организаторы выступлений. Зычными, хорошо поставленными голосами они кричали в микрофоны:

— Жи Эс мурдабад! («Долой главного инженера!»)

Многотысячная толпа дружно подхватывала:

— Мурдабад, мурдабад!

Она устремлялась по улицам, блокируя не только дом главного инженера, но и несколько прилегающих районов. В такие дни с завода приходилось выезжать через лагерь, где находились казармы заводской охраны, и окольными путями добираться домой.

Но и в «послеобеденном клубе» не всегда знали обо всем. Порой вспыхивали волнения, которые никто не мог предвидеть. Однажды забастовала заводская охрана, хотя именно она должна быть самым надежным стражем порядка, образцом организованности и дисциплины. Как-то утром ворота при подъезде к главному административному корпусу оказались наглухо закрытыми. Вместо привычного охранника с длинными пышными усами, который каждое утро приветствовал нас при въезде, возле ворот стоял армейский офицер с двумя автоматчиками в пятнистых комбинезонах. Офицер не пожелал давать никаких объяснений, но открыть ворота категорически отказался.

Пришлось ехать к проходной. Там нашим взорам предстала совершенно противоположная картина — обычно тщательно охраняемые ворота, через которые ни одна машина не могла проехать без осмотра, были настезь распахнуты. Вместо охраны возле джипа с безоткатным орудием и санитарной машиной зеленого цвета с красным крестом на борту стояли солдаты в таких же пятнистых комбинезонах и равнодушно смотрели на проезжавшие мимо машины. Лишь через несколько часов удалось выяснить, что произошло на самом деле.

Оказывается, солдаты заводской охраны давно уже жаловались, что на их мизерную зарплату невозможно содержать семью. Но мало кто задумывался над проблемами этих людей. Они всегда были на посту, и к этому все привыкли, никто не интересовался их судьбой, и поэтому считали, что у них все благополучно. Но когда их место заняла армия и прокатился слух о ночной стрельбе и расправе над охраной, это не только всколыхнуло город и штат, но и озадачило центральное правительство.

Охрану набирали в основном из обедневших крестьян. Холостые жили в казармах, а семейные — в одном из наименее благоустроенных секторов, там, где возле домов паслись буйволы и козы. Их обеспечили формой и дали жалованье — оно было меньше, чем у неквалифицированного рабочего. Они не получали премии, надбавки «на дороговизну», им не платили сверхурочных. Эти люди просили, настаивали, но администрация завода не торопилась удовлетворять их требования, потому что на них смотрели как на силу, поддерживающую порядок, и не ожидали с их стороны активных действий.

Возможно, толчком к их забастовке послужили выступ-

ления частей Центральной резервной полиции в разных районах страны и даже в Дели, которые, кстати, были быстро подавлены с помощью войск. Для рабочих завода эта забастовка оказалась неожиданной и необъяснимой — охрана существовала совершенно обособленно, мало кто знал, как они отстаивали свои интересы, и рабочие их не поддерживали. Администрация вела переговоры с представителями охраны, даже пообещала пойти на уступки и увеличить жалованье. Но вместо того чтобы подписать соглашение, начальник охраны ночью вызвал армейский батальон из Ранчи. Охрана заняла оборону в казармах, захватив арсенал с оружием, но армия взяла верх, восставших разоружили и арестовали. Был убит майор, который пытался уговорить охрану добровольно сложить оружие, а во время штурма погибло восемь охранников.

События получили большой политический резонанс. После расследования большинство солдат освободили. Им повысили жалованье, а генерала, начальника охраны, за отсутствие гибкости и необоснованный вызов войск сместили. О событиях долго еще напоминали шрамы от пулеметных очередей на здании административного корпуса и дыры в стене казармы от снарядов безоткатных орудий.

В БОКАРО ОТКРЫВАЕТСЯ КИНОТЕАТР

Иногда во время послеобеденных встреч Нараян и его друзья говорили о стажировке, которую они проходили в Советском Союзе. Рассказывали о городах, которые им довелось увидеть, о непривычных для них зимах, вспоминали смешные эпизоды из жизни в СССР. Им, вегетарианцам, трудно было приспособиться к блюдам нашей кухни. Когда в столовой они брали тарелку супа, в котором плавал кусок мяса, индийцы пытались объяснить, что мяса они не едят, — тогда на раздаче мясо из тарелки зынимали и им давали «вегетарианское» блюдо.

У Нараяна любили поговорить и о кино. Сначала мы без интереса слушали эти разговоры, потому что индийцы с увлечением обсуждали фильмы, которых мы не видели. В Бокаро в то время показывали фильмы только в «Бокаро-клубе» на одном сеансе в неудобное для нас время, а допотопный кинотеатр «Шейла» находился далеко от нас, в Старом Часе. Но вот в Бокаро рядом с торговым центром появился кинотеатр. Его современные легкие формы гармонично вписались в структуру города, и жители гадали,

какое ему дадут название. Оно долго сохранялось в тайне — буквы на фасаде здания были плотно затянуты белой тканью.

Лишь в день открытия мы узнали, что новый кинотеатр построили три брата-сикха. Сикхи вообще активные члены городской общины. Много сил отдавали они развитию города, организовывая различные благотворительные мероприятия. Построив большой кондиционированный кинотеатр для города, сикхи вызвали и уважение и зависть некоторых жителей Бокаро, оказавшихся менее предприимчивыми и не такими дальновидными.

На церемонии открытия нового кинотеатра братья в праздничных тюрбанах поднялись на сцену и объявили его название. Белая ткань на фасаде соскользнула вниз и город узнал о рождении «Деви». На сцену выкатили инвалидное кресло, в котором сидела очаровательная девушка с парализованными ногами. Эта была Деви, сестра сикхов. С тех пор и стоит в Бокаро кинотеатр «Деви» как памятник братской любви к сестре. А возле него с утра до позднего вечера толпятся люди в ожидании сеанса, вьются бесконечные очереди перед зарешеченными окнами касс. Без решеток здесь не обойтись, ведь страсти кипят не только на экране — поклонники кинозвезд часто действуют весьма энергично, чтобы заполучить заветный билет на сеанс.

С появлением в городе «Деви» в «послеобеденном клубе» у Нараяна стали строить планы, как приобщить нас к индийскому кино — ведь фильмы демонстрировались лишь на местных языках. Однако способ все-таки был найден — кто-нибудь из наших знакомых первым смотрел фильм, рассказывал содержание, и только после этого мы с остальной компанией отправлялись в «Деви». Это были незабываемые выезды. В кино отправлялись как на праздник. Обычно это происходило во второй половине дня, когда спадала жара и все домашние дела были сделаны. Не докучала даже примитивность сюжетов мелодрам — их восполняли красивые артисты, игравшие на фоне великолепных пейзажей, чудесная музыка и ритмичные танцы. Так мы открыли для себя мир индийского кино. С грустью думали о том, как бездарно отбирают для советского кинопроката индийские фильмы, которые дают такое неверное представление о киноискусстве, да и тиражированы они на плохой пленке. Конечно, мы смотрели не все фильмы подряд, а лишь те, которые рекомендовали наши друзья.

Как-то утром по пути на завод мы увидели у касс «Деви» огромные очереди, напоминавшие демонстрацию. У Нарая-

на нам объяснили, что в тот день в «Девы» будет демонстрироваться фильм «Великий Могол».

Индийцы спросили, смотрели ли мы этот фильм. К сожалению мы даже не слышали о его существовании, хотя фильму более двадцати лет. Судьба его необычна. В 50-е годы это был фильм-банкрот, а в 80-е он стал давать рекордные сборы. С фильмом связано имя знаменитого актера Притхвираджа Капура, отца Раджа и Шаши Капура, так хорошо известных советским зрителям. Притхвирадж Капур был продюсером, режиссером и исполнителем главной роли Акбара — Великого Могола. Имея за плечами многолетний опыт работы в кино, обладая талантом, Капур обратился к самой яркой странице индийской истории. Ему хотелось создать киноленту, которая по величавости была бы достойна блеска могольской эпохи. На роли отбирали звезд, шили костюмы той эпохи, строили в декорациях целый город — Фатехпур Сикри. Притхвирадж Капур не жалел ни фантазии, ни средств. И в результате «Великий Могол» оказался самым дорогим фильмом в истории индийского кино. Вдохновенная работа мастера стала итогом его жизни, но у зрителей «Великий Могол» при жизни Притхвираджа Капура успеха не имел. Кинотеатры пустовали, критики злорадствовали, создатель фильма тяжело воспринял свое поражение. В те далекие 50-е годы большинство сюжетов заимствовалось из индийской мифологии, на экранах мелькали кровожадные летающие демоны, чрезмерно добродетельные герои, и зрители были не готовы к восприятию исторической драмы.

Прошли годы, и фильм, опередивший время, теперь считается самым кассовым. Он снят в черно-белом варианте, но каждый кадр, как старинная гравюра, многопланен и объемен. Зал замирает в сценах конфликтов Акбара с сыном Салимом. Создатель огромной империи, великий воин Акбар не может простить сыну духовную слабость, его увлечение вином, наркотиками, но основа конфликта — любовь Акбара и Салима к прекрасной танцовщице. Военные походы, поединки боевых слонов переплетаются с драматическими любовными сценами, вспыхивают яркими красками отдельные цветные эпизоды.

После просмотра мы еще долго вспоминали события, отраженные в «Великом Моголе», спорили, горячились, но в конце концов все согласилось, что это лучший исторический фильм, сделанный в Индии.

УТРЕННИЕ ГАЗЕТЫ

Разносчики газет появлялись в офисе рано утром, и заказанные газеты и журналы ложились на стол в отсутствие хозяев кабинета, так что ко времени послеобеденной встречи все уже знали их содержание и обменивались мнениями о новостях. Эти встречи помогали нам лучше разобраться в хитросплетениях жизни страны, узнать имена новых лидеров, названия возникающих партий и ориентацию политических группировок, выяснить, как расшифровываются сокращения, которыми пестрели заголовки газет. Даже забавные расшифровки брачных объявлений, а они печатаются целыми страницами всеми крупными газетами, причем отдельно страницы для женихов и невест, помогали нам лучше узнать интересные стороны жизни индийцев.

Несмотря на лаконичность и множество сокращений, объявления не так просты, как может показаться на первый взгляд, и несут много информации. Оказывается, по названию подкасты можно определить, что речь идет о женихе-брахмане с Юга страны, из семьи с древней родословной, который ищет невесту с большим приданым, но в объявлении, конечно, об этом не говорится, размер приданого подсказывает престижность семьи. Фразу «Каста не имеет значения», говорили нам, не следует воспринимать буквально — семья, давшая объявление, готова рассмотреть предложения претендентов, стоящих немного ниже их подкасты. Предложение «Вдова 16 лет ищет мужа» означает, что девушка в раннем возрасте была выдана замуж (сейчас детские браки официально запрещены), затем ее жених, которого она даже не помнит, умер, но девушка считается вдовой, так как при совершении брачного обряда родители носили их на руках вокруг священного огня и брахман освятил этот союз.

НАРАЯН ВСПОМИНАЕТ

Однажды, когда мы сидели в кабинете Нараяна, в очередной раз погас свет и отключился кондиционер. Еще продолжался сезон дождей, и во время грозы часто срабатывала автоматическая система защиты. Нараян встал, раздвинул шторы, открыл окно и в комнату хлынул теплый, влажный воздух — на улице потоками лил тропический дождь. Ярko вспыхивали молнии, но между вспышками стояла абсолютная темнота, хотя была середина дня. Нараян дол-

го молча смотрел в окно, потом негромко сказал, что дождь всегда напоминает ему детство. С легкой грустью вспоминал он о юных годах и, казалось, забыл, что находится в комнате не один. Он родился и вырос в деревне Шатабдиара на берегу Ганга, возле Патны. Эта деревня ничем почти не отличается от других.

Нараян неторопливо рассказывал о родном глинобитном доме под соломенной крышей, стоявшем рядом с храмом Вишну, о соседях, большом баньяне в центре деревни, под которым собирались старики на совет и где в норе, под корнями, жила большая кобра. Как ни странно, его самым любимым временем года был мансун, когда становится прохладно и тяжелые капли смывают с жестких листьев толстый слой пыли и можно бродить по саду, срывая спелые плоды манго, любоваться радугой в дрожащих на ветвях каплях воды. Электричества в деревне не было, и спать ложились с наступлением темноты. Засыпали под монотонный шум дождя, как под звуки колыбельной мелодии. Отец Нараяна был врачом и много ездил по дистрикту.

— Когда я подрос, — рассказывал Нараян, — отец позволял мне иногда сопровождать его. Помню, тогда я сделал для себя большое открытие: не только в родной Шатабдиаре судьба крестьянина зависела от капризов природы, а повсюду засуха несла голод, муссонные дожди — наводнения, снова голод и эпидемии. Врачей мало, а эпидемии холеры и оспы оставались постоянными спутниками наводнений.

Штат, где построен завод, в Индии считался наиболее отсталым. Его жители всегда поклонялись таким примитивным божествам и духам, как Кхермата — богиня земли и деревни, Махраи Деви — богиня холеры, Ситала Деви — богиня оспы, Нагдео — кобра и Бхинса Сур — буйвол. В каждой деревне были свои гончары, ткачи, прачки, водоносы, уборщики мусора, плотники, которые делали плуги, кузнецы, ковавшие лемехи для этих плугов, кожевники, которые обрабатывали кожу, делали ремни и шили сандалии. Профессию никто не выбирал, она предопределялась кастой, к которой принадлежал человек. Не приходилось выбирать и уклад жизни.

Каждая деревня представляла собой как бы древнее индусское государство в миниатюре, где обязанности и вознаграждение, которое часто получалось натурой, были так жестко закреплены, что никто не осмеливался заняться делом, предназначенным для других каст. Не могло быть и речи о соревновании или конкуренции между людьми одной касты. Даже если крестьяне меняли веру, приняв хрис-

тианство или ислам, все равно они сохраняли принадлежность к касте и обязанности в ней. Первые перемены в деревенских традициях появились после строительства железных дорог. Крестьяне увидели такие предметы цивилизации, как керосин, фабричные ткани и зонтики.

Землю здесь обрабатывают теми же методами, что и две тысячи лет назад. Крестьяне-арендаторы не имели ни прав, ни гарантий. Арендатор получал от землевладельца-заминдара семена и волов на время посевных работ. После сбора урожая крестьянин должен был вернуть семена с процентами, а кроме того, отдать в качестве арендной платы не менее трех четвертей урожая. Крестьянское счастье зависело от случая — ведь урожай мог погибнуть от засухи или наводнения, его могли уничтожить насекомые-вредители или животные — дикие свиньи, обезьяны, слоны.

Глинобитная хижина крестьянина оценивалась в две-три рупии. Еще две-три рупии в год он тратил на одежду для себя и жены и рупий пятнадцать на еду. Крестьяне этого района Бихара жили в плену невежества, кастовых предрассудков, суеверий и страхов. Они боялись диких зверей в джунглях и людей из других деревень, плохих примет и предзнаменований, старались не оказаться застигнутыми ночью вдали от дома и опасались банд вооруженных разбойников—дакойтов. Прimitивный образ жизни резко отличал их даже от жителей других районов Бихара.

— Отец мечтал,— продолжал Нараян,— чтобы я тоже стал врачом, но мне хотелось добиться чего-то большего, чтобы не просто облегчить физические страдания людей, а изменить их жизнь. К цели меня мог приблизить только диплом технического института. Еще тридцать лет назад такие планы называли бы честолюбивыми, и все мои мечты разбились бы об условности кастовой системы, о вековые традиции наследования профессии. Помогло то, что, когда я заканчивал школу, отца перевели на работу в Патну. Семья и сейчас там живет. Врачом стал старший брат, а я после школы уехал в Ранчи и поступил в единственный в штате инженерный колледж. Бихар хоть и большой штат, но и в наши дни в нем мало высших учебных заведений. Инженерный колледж в Ранчи котируется довольно высоко. Я постарался окончить его с отличием и поступил в Бомбейский технологический институт. А дальше вы уже все обо мне знаете.

Действительно, еще во время одной из наших первых встреч с Нараяном мы узнали, что как раз в то время, когда он заканчивал институт в Бомбее, между нашими

странами был подписан договор о строительстве в его родном штате крупнейшего в Азии металлургического завода. Отклонив заманчивое предложение поступить в известную частную фирму, он добился назначения на строящийся завод и, пройдя стажировку в Советском Союзе, теперь занимал пост старшего инженера в одном из ведущих отделов завода.

Мы слушали интересный рассказ Нараяна, и он переносил нас в какие-то иные места, где люди живут по другим законам, в серых буднях средневековья. Мы были благодарны заунывному дождю за окнами офиса, сумраку в кабинете, которые создавали особое настроение и помогли Нараяну выглянуть из-за привычной маски «счастливого человека» и поделиться с нами своими сокровенными мыслями и чувствами. Тот мир, в который этот человек уходил своими корнями, нам был знаком лишь через стекла мчащегося автомобиля. А ведь там живет бóльшая половина страны! Судьба свела нас с ним, но как много молодых энергичных индийцев, похожих на него, работали рядом. Люди одной судьбы, новое поколение преобразователей были повсюду. Это они с любовью и с огромным желанием строили завод в Бокаро. Смелые и инициативные, взялись они за переустройство своей древней страны. Успехи их деятельности можно видеть в Бокаро на каждом шагу. Многое уже сделано ими, и столько же еще предстоит сделать. Но нельзя уже представить, что Бокаро, спланированный индийскими архитекторами, стоит на месте множества допотопных крохотных деревушек. Современный, благоустроенный, гармоничный Бокаро совершенно выпадает из общего ряда городов глубинки Индии. Здесь каждая семья имеет дом или квартиру.

Сотрудники завода и члены их семей бесплатно обслуживаются в огромном госпитале и получают там лекарства. Дети бесплатно учатся в начальных школах, им бесплатно выдают два комплекта школьной формы, они бесплатно обедают в школе. Плата за жилье — самая низкая в стране и составляет 7,5 процента зарплаты работающего. Поэтому удобства дома всегда соответствуют зарплате жилья — чем выше пост, тем больше дом и тем дальше от завода он находится. В этом же характерная индийская особенность: город отражает социальную иерархию завода. В отличие от типичного провинциального города тут нет сточных канав и извилистых переулков, лабиринтов запруженных людьми улиц, лежащих

и тени коров и бродячих собак, мусора и обычных зловоний, шумной торговли у придорожных лавочек. В каждом секторе есть благоустроенный торговый центр. Здесь никто не слоняется без дела и не увидишь зевак, сидящих на корточках или спящих на тротуарах людей. В этом городе живут бихарцы и люди, приехавшие из разных уголков страны. Бок о бок работают члены разных религиозных общин и каст. И в основном все они принимали жизненно важное для себя решение, когда вырывались из рутины установленного веками порядка, решались овладеть новыми для себя и для всей нации профессиями. Это касается и крестьян, которые в силу тех или иных обстоятельств вынуждены были оторваться от земли, и людей общей с Нараяном судьбы. В Бокаро нет равнодушных, нет безразличных. Здесь всех волнуют одни и те же проблемы и каждый старается исполнить долг и не только в пределах своего нового дома — Бокаро, но и по отношению к соотечественникам.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ

Как-то утром вскоре после нашего приезда посыльный принес сообщение о предстоящем концерте в «Бокаро-клубе». Новость вызвала в офисе большое оживление. Имя танцовщицы индийцам было хорошо известно. Оргкомитет клуба решил пригласить ее для участия в благотворительном концерте. Собранные деньги передавались в фонд помощи пострадавшим от наводнения в Бихаре.

Районом стихийного бедствия в том году стала долина реки Ганг, которую индийцы с давних времен почитают как самую священную реку, ласково и любовно величая ее «Мать-Ганга». Ганг протекает в северной части штата, и его воды наполняют жизнью тысячи гектаров земли Бихара, давая средства к существованию миллионам жителей деревень в долине. К нему на восходе солнца обращают свои молитвы правоверные индусы. Но когда наступает сезон дождей, «Мать-Ганга» из кормилицы и святыни превращается в необузданную и всепоглощающую силу, приносящую неисчислимые страдания и бедствия, жертвами которых становятся главным образом деревни, а подчас и города.

Сезон дождей начинается в июне и длится до сентября. Значение мансуна в жизни индийцев так велико,

что к его приходу начинают готовиться задолго, еще в конце недолгой теплой, по нашим понятиям, зимы. С середины февраля ртутный столбик термометра постепенно ползет вверх. Каждый день приносит повышение температуры на один-два градуса, и в апреле уже устанавливается устойчивая жара, когда земля и стены домов не успевают остывать даже по ночам. Солнечные лучи выжигают посевы, земля трескается, листья на деревьях становятся тяжелыми от наслоившейся пыли и твердыми, как картон. Изнывающие от жары животные ищут спасения в тени. Люди также изнемогают от жары и начинают еле двигаться, речь замедляется.

Все разговоры так или иначе сводятся к приходу мансуна — не опоздает ли в этом году, будут ли дожди достаточно обильными. Уже в мае начинают с надеждой поглядывать на небо, выискивая глазами первые облака, которые принесут живительную влагу, а вместе с ней и спасительную прохладу. Страна следит за приближением мансуна, ведь если мансун задержится хотя бы на неделю или две, последствия затронут не только крестьян, но и все население. Так случилось в Бихаре и нескольких центральных штатах на следующий год, когда выгорели посевы, пропал урожай, пересохли колодцы и упал уровень воды в водохранилищах, от жажды погиб скот, даже двигатели автомашин не выдерживали, перегревались и водители старались ездить ночью. Основные индийские газеты, такие, как «Таймс оф Индия», «Индиан Экспресс», «Стэйтсмэн», кроме сообщений из районов засухи печатали карты-схемы, показывающие движение муссона.

Его начало, когда первые тяжелые капли падают на иссохшую землю, охлаждая и наполняя ее влагой, напоминает драматическую, но обязательно счастливую развязку в сложном нагромождении сюжетов и конфликтов индийского кинофильма, когда добро побеждает зло, счастливо складываются судьбы героев и они танцуют и поют, подставляя свои лица дождю. Так же радостно приветствуют приход мансуна и в действительности. Пересохшие реки наполняются водой, пробуждается к жизни природа, буйно зеленеет трава, листья становятся нежно-изумрудными, зреют плоды манго, нежатся в разлившихся лужах буйволы, выползают на свет разбухшие дождями змеи. Но радость от первых сбивающих температуру дождей постепенно сменяется тревогой. По мере того как насыщается влагой земля, взбухают

реки и маленький, невинно журчащий ручеек превращается в грозный, ревуший поток, уничтожающий посевы, сносящий дома и опоры линий электропередачи, мосты и участки дорог. Большие реки становятся предметом особого внимания. Те же газеты начинают печатать печальную статистику: сколько людей погибло и сколько осталось без крова в результате наводнения, сколько деревень смыто с лица земли, какова площадь сельскохозяйственных районов, пострадавших от разлива рек.

В тот год наводнение было одним из наиболее разрушительных. Пока газеты уточняли, сколько лет Индия не знала подобного разгула стихии, северная часть Бихара была объявлена районом бедствия. Власти штата обратились к центральному правительству с просьбой оказать помощь. В район наводнения направили войска и спасательные отряды, а по всей стране началась кампания по сбору средств для пострадавших. Большая роль в ней принадлежала прессе. Фотографии лагерей беженцев, затопленных деревень, переполненных госпиталей заняли центральное место на страницах газет. С целью создания фонда помощи пострадавшим от наводнения газеты прибегли к интересному приему: редакция вносит, например, пять тысяч рупий и обращается к читателям с призывом последовать этому примеру, а газета обязуется печатать на первой странице имена всех читателей, чьи пожертвования составят двадцать или более рупий. Таким образом, в течение нескольких последующих недель публикуется подробнейшая информация о ходе сбора средств, помещаются бесконечные списки благотворителей с указанием суммы произведенного взноса.

Тогда участие в создании фонда принимали не только газеты, но и многие частные и государственные предприятия и фирмы. Крупнейшее предприятие государственного сектора, металлургический завод в Бокаро, естественно, участвовало в этой кампании.

В офисах и цехах завода часто можно было встретить людей с голубыми бантами на груди и значками «Фонд помощи пострадавшим от наводнения». Они беседовали с рабочими, составляли длинные списки сделавших пожертвования. Их голубые банты и шкатулки, куда складывались полученные купюры и монеты, стали естественными и привычными атрибутами рабочего дня.

Вот в какой обстановке администрация и обществен-

ность завода пригласили для участия в благотворительном концерте в Бокаро одну из самых замечательных танцовщиц Индии. Билеты выглядели весьма внушительно и стоили дорого. Их распространяло правление «Бокаро-клуба». Подготовкой зала и встречей гостей занимался специально избранный оргкомитет.

Безусловно, такое событие — редкость для провинциального городка, и в тот вечер не надо было спрашивать дорогу к клубу — машины, мотоциклы и мотороллеры двигались в одну сторону. Дорога перед клубом превратилась в огромную автостоянку, а у входа устроились со своими тележками торговцы горячими жареными орешками. По празднично украшенному клубу сновали члены оргкомитета — они встречали зрителей, показывали им места, поэтому каждый чувствовал себя желанным и важным гостем. Когда мы вошли в зал, перед нами предстал наш друг «хэппи мэн», как всегда улыбающийся и готовый оказать нам внимание от лица организаторов концерта, о чем свидетельствовал бант в виде цветка, в центре которого была надпись «Оргкомитет», изящно прикрепленный к синему блейзеру. Очень занятый и важный, Нараян торопился проверить, как идет подготовка к концерту — танцовщица готовилась к выступлению уже более часа и скоро должна была появиться на сцене. В переполненном зале взгляд легко находил знакомые лица индийских коллег, с которыми уже приходилось встречаться на работе. Первые ряды партера предназначались для руководства завода и иностранных специалистов, далее были места для среднего инженерного состава, а «галерку» занимали младшие инженеры, мастера, рабочие и владельцы магазинов. Мужчины обменивались приветствиями, а женщины в нарядных сари усаживали детей. Шум голосов смешивался со звуками модной мелодии из нового кинофильма. Обстановка была торжественной.

Наконец на сцене появились музыканты. С интересом посматривая в зал и разглядывая публику, они, тихо переговариваясь, настраивали инструменты. Шум стих, как только зазвучали первые такты музыкального сопровождения, а появление танцовщицы заставило совершенно забыть о переполненном зале. Она исполняла танец в стиле катхак. Быстрые пируэты, сложные вращательные движения ног, костюм, грим, украшения, выражение лица и телодвижения были языком танца. Танцовщица рассказывала какую-то прекрасную историю. В рассказе сосуществовали материальное и духовное, чувственное и философское, богатства

многосторонней человеческой природы. Казалось, она плетет искусное полотно переменчивых настроений и чувств. Она владела залом и, отвечая на его настроение, обращалась к зрителям, увлекая их ярким рисунком своего повествования. В свете прожекторов сверкал золотисто-красный наряд, блестели украшения, в вихре вращений мелькали грозди жасмина, каким-то чудом удерживающиеся в темных волосах красавицы. Шиколотки ног были схвачены широкими браслетами с маленькими бубенчиками в несколько рядов. Постукивая пятками об пол, танцовщица создавала изощренные ритмические рисунки и переходы. Звон бубенчиков придавал особое, необъяснимое очарование каждому удивительному пируэту. Казалось, ей все подвластно. Точность жестов и движений, гармоничность и чувство равновесия, спокойствие и насыщенность действия буквально завораживали.

Во время перерыва, достаточно длинного, для того чтобы зрители могли выпить по чашечке чая и обменяться новостями, к нам подошли Нараян с женой Раджни. Глубокие складки розового шелкового сари подчеркивали ее стройную фигуру, гладко зачесанные волосы, собранные в тяжелую косу, украшали такие же цветы жасмина, как у танцовщицы, на лбу юной дамы красовалась кокетливая тика розового цвета в тон сари. Нараянам хотелось узнать, понравился ли нам концерт и все ли танцы понятны.

— Иностранцы всегда с трудом воспринимают индийские танцы, — сказала Раджни. — Чтобы понимать их, нужно знать язык танца, индуистские гимны, поэмы, мифологию. Многочисленность богов индуистского пантеона, множество легенд, связанных с ними, затрудняют восприятие для неподготовленного зрителя. Танец — это форма почитания бога. В одной древней книге говорится, что почитать бога в танце — значит воплотить все желания и открыть путь к спасению. Обряд танца совершается ради блага людей, а вечно стремящийся к совершенству одерживает победу над всеми тремя мирами. Танец угоден богам, и сами боги были лучшими танцовщиками. Вы знаете изображение Шивы-Натараджа, короля танца? Шива исполняет свой космический танец на площадке для кремации, олицетворяя космическую энергию бога и символизируя мужское начало. Вера и ревностное служение божеству столь же характерны для индийского танца, как и техническое мастерство танцора, и повествовательное содержание самого танца. Знаете, — продолжает жена Нараяна, — мы учимся танцевать с детства. Когда ребенка начинают приобщать

к индуистской традиции, когда его душа и тело гибки, чисты и послушны воле учителя, наступает время обучения танцу. Подрастая, человек осваивает не только технику танца, но и классическую поэзию, философию, перед ним открывается устремленность души к божественному. Он получает глубокое знание души, ее девяти сущностей. К ним относятся любовь, сострадание, радость, гнев, отвага, страх, отвращение, покой и удивление. В танце исполнитель передает эти сущности при помощи выражения эмоций на лице и телодвижениями, называемых бхава. Конечно, профессиональным танцовщиком или танцовщицей становится не каждый, ведь это профессия определенных каст, но в семьях из высших каст детей тоже учат искусству танца, как и обряду молитвы, чтению, игре на музыкальных инструментах, рисованию. Профессиональная танцовщица обучается восемь или даже двенадцать лет. Она перенимает тонкости музыки и приемы танца от гуру. Если талантливый гуру имеет способную ученицу, его знания и умения передаются из поколения в поколение без искажений и упущений.

Обучение искусству танца основывается на принципах, изложенных в трактате «Натья шастра». Существует легенда о том, что в век, когда среди людей царила суэта, бог неба Индра однажды пожаловался богу-творцу Брахме на то, что четыре Веды, в которых собраны все существующие знания, непонятны простому человеку. Индра просил создателя дать людям пятую, легко доступную Веду, и Брахма создал науку о драматическом представлении. Чтобы донести ее до простых смертных, Брахма поведал теорию драматических искусств мудрецу и любимцу богов Бхарате, а тот написал трактат под названием «Натья шастра».

— Историки считают, — сказал Нараян, — что «Натья шастра» — совместное произведение нескольких ученых, и датируют его вторым веком до нашей эры.

— Но вопрос об авторстве второстепенен, — продолжала Раджни. — Главное, что, согласно «Натья шастре», в танце находит выражение душа любой сущности. Важно, что танец приносит послушному плоды справедливости, дисциплины, служит сдерживающим началом для строптивых и непокорных, дарит несведущим мудрость, страждущим — терпение, правителям — усладу, честолюбивым — выгоду. В сущности, танец выражает дела и поступки человечества.

— Совершенно верно, — согласился Нараян. — Ведь если разобраться в хитросплетениях мифов, которые лежат в основе танца, становится ясно, что они служат лишь художественным обрамлением для общечеловеческих истин!

— В «Натья шастре» говорится, что танец — вершина искусств. С этой истиной легко согласится любой человек, потому что танцор должен чувствовать ритм и мелодию как музыкант, драму как актер, форму как скульптор, линию как художник. Когда наблюдаешь эстетически правильные, геометрически точные и выверенные позы, которые принимает танцовщица, когда следишь за движениями ее головы, шеи, глаз, рук и ног, трудно представить, каким жестким ограничениям и правилам она должна следовать. Важнейшие классические нормы танца неизменны, точнее, невозможен отказ от них, талантливый танцор их может лишь интерпретировать. Например, исполнитель собирается показать сценку: вы влюблены в Шиву, великого бога, или изобразить Шиву, уничтожающего демонов, или Шиву с трезубцем в руках. Можно представить Шиву, подставившего голову Ганге, чтобы та спустилась на землю. Это выглядит так, — и Раджни, не вставая со стула, вытянула одну руку над головой, параллельно земле, а второй рукой сделала движение, изобразив широкую дугу волнистым, струящимся жестом. При этом ее рука легко качнулась вперед-назад.

— Существует так много способов воссоздания Шивы в танце, — она показала еще несколько движений и сопровождающую их мимику.

Было видно, что каждый жест отработан до автоматизма и выполняется с естественной легкостью — ведь она получила образование в университете Шантиникетон, где девушки изучают литературу и музыку. Правда, еще в детстве родители начали учить ее искусству танца. Но желанная и настойчивости недостаточно для овладения техникой танца, нужен тонкий вкус, способность к импровизации и деньги, ведь за уроки надо платить, кстати, и музыкантам тоже. Чем известнее имя учителя, тем дороже его уроки, а если родители решают, что их дочь станет танцовщицей или кинозвездой, которые, как правило, тоже блестяще танцуют, авторитет и слава учителя часто становятся залогом ее успешной карьеры.

Нараян гордо поглядывал на нас, одобрительно покачивая головой. Ему было приятно, что Раджни так легко вела беседу с новыми знакомыми. Он был доволен и программой концерта, который помог организовать, откликом со стороны зрителей, атмосферой в зале. Ведь в деревне под Патной прошло его детство, а название этого древнего города на берегу Ганга часто мелькало в те дни на страницах газет — именно в районе Патны наводнение приняло особо угрожающие размеры. Нараян, который сам неоднократно

переживал трагедию наводнения, радовался, что смог помочь землякам.

Но Раджни думала, что мы еще мало знаем о ее супруге, и снова вступила в разговор:

— Когда мы поженились, у нас почти ничего не было. Завод выделил нам участок для строительства дома и предоставил кредит на двадцать пять лет. Конечно, мы могли поселиться в одном из домов первого сектора, но хотелось иметь свой дом. Мой муж,— добавила она, нежно глядя на супруга,— сумел построить дом за четыре месяца.

— Строительство заняло 110 дней,— уточнил Нараян.— Я разработал график, следил за его выполнением и своевременной доставкой материалов,— как на совещании, по-деловому сказал он.

Мы почему-то были уверены, что Нараян живет в первом секторе, что соответствовало бы его должности. Оказывается, он обосновался в «кооперативной колонии», рядом с недавно построенной гостиницей «Блю даймонд». Эта гостиница была одной из достопримечательностей города. Ее архитекторам удалось удачно совместить лучшие решения современной архитектуры с традиционными индийскими формами. Как воздушный дворец она возвышалась над уютными коттеджами «кооперативной колонии». Славился «Голубой бриллиант» и своей кухней — здесь готовили лучшие индийские и европейские блюда. Считалось в высшей степени хорошим тоном пригласить друзей на обед в его экзотические залы или заказать там угощение для приема гостей дома. В «кооперативной колонии» кроме ведущих специалистов завода жили врачи, адвокаты, банкиры и владельцы мелких фирм, сотрудничавших с заводом. Врачи и адвокаты практиковали прямо на дому в специально оборудованных приемных на первом этаже своих особняков. Тем, кто поселился в «кооперативной колонии», завод предоставил участок на пятьдесят лет, после чего он мог бы забрать землю обратно, но заплатив за дом и остальные постройки уже по рыночной стоимости дома на момент выкупа.

Что такое недвижимость и как растет ее стоимость со временем, мы наглядно поняли, когда через несколько лет один из руководителей завода получил назначение (с повышением) на другой завод корпорации. Там соответственно его положению он получал дом, а квартиру в Бокаро, как принято в таких случаях, освобождал. Но у него был собственный дом в «кооперативной колонии», который не надо освобождать, но на время работы в другом месте он

ему был не нужен. Выход легко нашелся — одна из фирм, сотрудничавшая с заводом, хотела открыть свое представительство в Бокаро, но строить свое здание им не разрешали, а снимать номер в «Голубом бриллианте» было очень дорого. Фирма с готовностью согласилась платить за аренду дома вместе с мебелью, ведь со временем постройки дома цены возросли и месячная плата составила почти двадцать процентов общей стоимости дома.

— А сейчас, — добавил Нараян, — мы получили еще одну ссуду от завода на покупку машины и приобретем «Фиат», который выпускается в Мадрасе. Для нашей семьи такой машины достаточно.

Для индийцев автомашина, мотоцикл, мотороллер или велосипед действительно предмет первой необходимости — в Бокаро общественного транспорта нет. На улицах города можно увидеть только перегруженные междугородные автобусы, пассажиры которых устраиваются даже на крышах вместе с вещами, или школьные автобусы (по утрам они возят детей в школы, а после уроков домой). На работу и рынок, в клуб и кинотеатр, в гости и в госпиталь жители города добираются личным транспортом, а такси заменяют десятка два велорикш. Поэтому администрация завода предоставляет ссуду, размер которой зависит от занимаемой должности. Рабочие покупают велосипеды, а инженеры могут обзавестись мотоциклом, мотороллером или автомашиной. Потом несколько человек объединяются, договариваются между собой и по очереди возят друг друга на работу — бензин дорогой, а таким образом его уходит раза в три-четыре меньше и решается проблема поездок на работу.

Звонок, приглашавший на второе отделение концерта, прервал нашу беседу. Переодетая в другой костюм, танцовщица продолжила свою программу. Это были танцы головокружительной скорости, требующие почти сверхчеловеческой силы и выносливости.

Хотя выступление затянулось за полночь, ни один зритель зал не покинул до конца представления. Дети уже спали на коленях у родителей, не обращая внимания на взрывы аплодисментов.

Домой мы возвращались в приподнятом настроении, полные впечатлений от удивительного зрелища и встречи с Нараяном. Казалось, все еще звучат зажигательные ритмы, уносящие то к заснеженным вершинам Гималаев, то к знойным просторам Юга Индостана.

А за Бокаро, уже ставшего нам знакомым и понятным, лежала страна, окутанная легендами и тайнами,

близкая и непознаваемая, открытая и загадочная. Сколько путешественников и авантюристов, исследователей и энтузиастов пытались осмыслить и объяснить ее. И она всегда открывалась всем по-разному, в зависимости от того, что человек хотел в ней найти.

Что, собственно, знали мы о тех местах, куда забросила нас судьба?

НЕМНОГО О ШТАТЕ БИХАР

Мы оказались в самом сердце второго по численности населения и девятого по занимаемой территории штата Индии. У северной границы Бихара лежит еще более загадочный заоблачный Непал. Бихар подступает к нему бесконечной плоской равниной, по которой несут свои воды Ганг, Багмати и Гандак. Укрытый густыми лесами юг штата прорезают довольно высокие цепи гор. Это самый богатый природными ископаемыми штат Индии — здесь добывают уголь, железную и медную руду, серебро, марганец, бокситы, слюду и даже уран. Индийцы любят сравнивать Бихар с Донбассом и Руром. Для этого у них действительно много оснований, среди которых главным можно считать тот факт, что именно в Бихаре в 1907 году энтузиаст развития национальной промышленности Индии Джамшед Тата основал первый индийский металлургический завод. Здесь вопреки всем препятствиям, чинимым колониальной администрацией, начало биться индустриальное сердце будущей независимой Индии. Теперь рядом с заводами Таты работают промышленные предприятия, сооруженные при техническом содействии Советского Союза. Они не только выпускают продукцию на внутренний рынок, но и выполняют заказы для других стран.

На земле Бихара возникали и исчезали государства, происходили события, имевшие значение для всего субконтинента. Древнейшее на территории Бихара государство Магадха в VI—IV веках до нашей эры стало центром, вокруг которого шло объединение североиндийских государств.

Вслед за династией Маурьев, наиболее известным представителем которой был император Ашока, власть перешла к династиям Гуптов и Палов. Этот период вошел в историю как золотой век Магадхи. Когда в Индостан вторглись мусульманские завоеватели, Бихар вновь стал центром событий, которые определяли дальнейшие судьбы

субконтинента. Тут утверждался и начинал свой победный путь к делийскому престолу могущественный Шер Шах, который объединил Северную Индию, возродил Патну и создал свою столицу, о чем сегодня напоминают мощные стены крепости Пурана Кила в Дели. После смерти Шер Шаха Бихар завоевывает Великий Могол Акбар. В середине XVIII века бихарские просторы вошли в состав Британской империи. Проносились века, приходили и уходили завоеватели, чаще разрушая старое, реже создавая новое. В удивительных памятниках и географических названиях оставили свои следы вихри событий, прокатившиеся за тысячелетия над бихарскими землями.

Само название «Бихар» происходит от слова *вихара* — «буддийский монастырь». Ведь именно в Бихаре зародились две древнейшие религии — буддизм и джайнизм. Название места, где Будда достиг прозрения, — Бодх Гая, звучит призывно, как удар буддийского колокола. В Бихаре, заверяли нас, можно увидеть и понять настоящую Индию, а не ту, которая открывается взорам спешащих туристов. Но лишь в начале декабря, когда наступила зима с прохладными ночами и теплыми ветренными днями, нам удалось отправиться в эти труднодоступные для туристов места.

Так сложилось, что основные места, посещаемые сейчас туристами, с давних пор являлись центрами паломничества, связанными с какой-то одной, а иногда и несколькими религиями, распространенными в Индии, — индуизмом, исламом, буддизмом или джайнизмом. Это скальные храмы Эллары и Махабалипурама, пещеры Аджанты, храмы Кхаджурахо, гора Абу, Варанаси, Хардвар, Бхубанешвар. Они включены в туристические справочники. Кроме гостиниц для паломников — *дхармашал* там есть и обычные гостиницы, порой комфортабельные и дорогие, а иногда просто непритязательные — «Турист бунгало». Здесь открыты отделения туристического бюро штата, где можно получить проспекты, договориться об экскурсии, заказать автобус или машину. Центральному правительству или властям штата сравнительно легко развивать и превращать такие места в туристический центр — туда давно уже проложены дороги (как правило, они в хорошем состоянии). Эти районы с другими регионами страны связаны железной дорогой, и на время религиозных праздников сюда ходят специальные поезда. К этому еще можно добавить отношение индусов к большим рекам — Гангу, Годавари, Джамне. С давних пор эти реки окружены легендами, считаются священными, на их берегах периодически проводится фантастический рели-

гиозный праздник — *кумбха мела*. Его корни уходят в такое далекое прошлое, что прослеживаются лишь в легендах и мифах. Участие в них ортодоксальных индусов считается делом похвальным и благочестивым. Последнее время эти фестивали рассматриваются как крупное политическое и общественное событие. Если присутствие на таких религиозных праздниках было обязательным для древних правителей, то теперь в эти дни сюда съезжаются политические деятели, лидеры различных партий, министры штатов, часто даже премьер-министр и президент страны.

Нередко местом проведения съезда, симпозиума, серьезного совещания становится такой древний город на берегу священной реки, как Варанаси, и все прекрасно понимают, что проведение симпозиума — дело ответственное, но не менее важным является место его проведения, где участники на рассвете обязательно посетят древние гхаты и совершат ритуальное омовение в водах Ганга. Там, куда мы собирались, было все, кроме комфортабельных гостиниц и отделений туристических бюро. Эти глухие, но интересные места пока еще не известны туристам. Они — сокровища Бихара.

Мы хотели отправиться в путь рано, за несколько часов до восхода солнца. Но машина, к сожалению, опоздала на час. Водитель виновато оправдывался. Теперь его задача усложнилась — нужно было попасть на трассу Дели — Калькутта, проскочив узкие проселочные дороги до того, как выйдут на трассу тяжело груженые траки, «Черные принцы» и «Короли дороги».

Маленькие городки и деревушки мирно дремали в предрассветном сне. На полях низко стелился туман. То тут, то там виднелись кроны манговых деревьев. Над горизонтом, как редкий бриллиант, подвешенный в ночном небе на невидимой цепочке, сияла огромная звезда. Водитель притормозил, и машина выехала на освещенную площадку бензоколонки. Нужно было заправить автомобиль, так как дальше дорога шла по заповеднику.

ХАЗАРИБАГХ

Эта часть бихарских джунглей была превращена в Национальный парк Хазарибагх в конце 60-х годов. На двухстах квадратных километрах живут тигры, леопарды, гиены, медведи, красные волки, олени, косули, кабаны. Славится и птичье царство Хазарибагха: тут водятся попугаи, зеленые

голуби, цапли, фазаны, утки. Нам трудно было себе представить, что вместо зайца или лося на дорогу может выпрыгнуть тигр, и мы подтрунивали над водителем, который все твердил о тиграх.

— В заповеднике тигры есть!— настаивал водитель.

— Много?

— Не знаю сколько, но есть!— утверждал он.

Тем не менее сомнения не покидали нас. Все-таки конец XX века, времена кумаонских тигров-людоедов прошли, да и едем мы совсем близко от цивилизованных центров.

При въезде в заповедник мы увидели большой щит с надписью на английском и хинди: «Внимание! Вы въезжаете в заповедник. Остерегайтесь диких животных!», а внизу была нарисована свирепая морда тигра. Мы с ожиданием смотрели на дорогу, но тигр так и не появился. Свет фар спугнул нескольких пятнистых оленей, выхватил из пред-рассветной тьмы перебегавших дорогу шакалов с поджатыми хвостами и поблескивающими, как раскаленные угли, глазами.

Но Индия остается Индией. Через несколько месяцев в газете «Таймс оф Индия» появилось сообщение, что в дистрикте Хазарибагх тигр напал на женщину с двумя детьми, возвращавшихся с поля в деревню. Сообщалось, что местные жители стали чаще жаловаться на появление тигров, которых в Хазарибагхе теперь более сорока. Газета сообщала, что звери выходят за границы заповедника, сеют страх и панику среди крестьян, нападают на домашний скот, и обращалась к местным властям с требованием навести порядок — отловить или отстрелять тигров-людоедов.

Как-то на приеме в честь пуска нового объекта завода зашла речь об охоте. Один из участников разговора увлекался охотой на уток и рассказывал о последнем удачном выезде на озеро Топчакчи. Подошел начальник отдела внешних связей Панчалар с женой, послушал наш разговор и неожиданно спросил:

— Хотите поохотиться со мной на тигра?

Подобное приглашение, конечно, могло быть расценено нами в тот момент лишь как шутка. Но Панчалар был известен как человек серьезный и деловой. До приезда в Бокаро он работал в посольстве Индии в Москве.

— Где? В Ассаме или в Махараштре?

— Ну зачем же так далеко?! Хазарибагх совсем рядом. Я постоянно покупаю лицензию и каждую осень выезжаю туда на охоту со всем семейством.

Все еще расценивая приглашение как розыгрыш, мы поинтересовались, как будем охотиться — со слонов или с махана, специальной высокой платформы?

— Слонов у меня нет, я не махараджа. Охочусь на живую приманку. Буйвола брать дорого, поэтому покупаю свинью или козленка. Для охоты нужны нарезные ружья и мощные фонари. Фонари можно купить, а оружие для вас у меня есть.

— А как относится к охоте ваша жена? — поинтересовались мы.

— Вообще-то так охотиться весьма опасно, но ведь Панчалар хороший стрелок и опытный охотник. Только пусть больше не привозит домой шкуры и головы тигров. В них заводится моль, да и держать уже негде — так много их настрелял муж, — сказала миссис Панчалар.

На следующий год, осенью, после мансунов, вдохновленные рассказами Панчалара, мы поехали в Хазарибагх, но не на охоту, а на экзотическую экскурсию. Организовать ее было нелегко. Местное туристическое бюро получило разрешение на посещение от администрации заповедника и забронировало комнату в единственном охотничьем домике, который одновременно служит и гостиницей. Нам выделили проводника, но предупредили, что приехать нужно во второй половине дня, чтобы засветло подняться на махан.

Проводник встречал нас у съезда с основной дороги. Машину пришлось оставить возле домика. По тропе мы вышли к небольшому живописному озеру с песчаными берегами. Солнце еще не село, но высокие заросли джунглей поднимались стеной, окутывая все вокруг тенью и мраком. Лишь озеро словно сопротивлялось наступлению темноты. Его зеркальные воды светились, отражая небо в лучах заходящего солнца. Окутывающая темнота, странные звуки, доносящиеся из мрака, нервничающий проводник с огромным тюком за плечами, следы животных на песке заставили нас на какое-то время пожалеть, что решились заглянуть сюда. Карабкаясь по джутовой лестнице, мы забрались на махан. Его поднятая метров на десять платформа казалась безопасным раем. Проводник поднялся на махан последним. Подняв лестницу, уже в абсолютной темноте он принялся распаковывать свою поклажу. Звякали фонари и термосы с чаем. Это были единственные реальные и знакомые звуки в мистической какофонии погружающегося в ночь тропического леса. Проводник роздал одеяла,

шепотом предложил завернуться в них, устроиться поудобнее и замереть. Мы стали возражать — зачем нам одеяла, ведь не спать же мы сюда приехали! В ответ услышали все тот же шепот:

— Пожалуйста, говорите тише!

Несколько часов ожидания — и мы все поняли сами — одеяло спасало не только от ночной прохлады, но и от полчищ moskitov.

Мы тихо сидели, напрасно вглядываясь в густую тропическую ночь и различая лишь яркие южные звезды над озером. В кронах деревьев звезды путались с огоньками светлячков. Наконец долгое ожидание кончилось. Словно видя все в темноте, проводник время от времени подавал знак включать фонари. И тогда на мгновение мы видели берег и пришедших сюда на водопой пятнистых оленей, антилоп, диких свиней и даже нильгу — голубую антилопу с длинным хвостом. Попавшие в луч света животные недовольно мотали мордами, оглядывались, но не уходили. И всякий раз, выключив фонари, мы гадали, кого увидим в следующий раз.

Совсем рядом плакал шакал и кричали ночные птицы. Мы уже потеряли надежду, когда вдали послышалось рычание тигра.

— Тихо! — прошептал проводник.

Трудно сказать, сколько времени мы просидели, не двигаясь и затаив дыхание.

— Тигр, — прошептал проводник, и мы включили фонари.

Большой тигр стоял, повернувшись к нам боком и опустив морду в воду. Когда на него упал луч света, тигр поднял голову, ударил хвостом о землю и посмотрел в сторону махана. Очарованные, мы смотрели на властелина джунглей. Свет фонарей его раздражал. Рыча и ударяя хвостом о землю, тигр неторопливо повернулся, сделал несколько шагов и исчез в зарослях.

— Все, — сказал проводник, — сегодня он уже больше не придет. Но спускаться с махана пока нельзя, он может быть рядом.

Какое-то время мы еще сидели на махане, иногда включали фонари, чтобы еще раз взглянуть на животных у озера. Когда проводник решил, что встреча с тигром нам уже не грозит, мы спустились с махана и вернулись в бунгало. Оставив там фонари и одеяла, мы на специальном джипе, принадлежащем лесной охране, в течение часа колесили по джунглям. Окна джипа были

затянуты густой металлической сеткой, перед бампером укреплена прочная защитная решетка, а на капоте установлены дополнительные мощные фары. Езда в обычных машинах по заповеднику ночью категорически запрещена. Тигр больше так нам и не встретился — очевидно, его насторожил шум мотора и он ушел в заросли. Мы убедились, что тигры в Национальном парке Хазарибагх все-таки есть и встреча с владыкой джунглей, как и раньше, видимо, грозит человеку смертельной опасностью.

От той ночи, проведенной в Национальном парке Хазарибагх, нас отделял почти год. Она была еще впереди, а пока мы ехали по главной дороге, и шум автомобиля накладывался на голос джунглей, напоминающий звуковую палитру большого зоопарка. Казалось, павлины переговаривались с разбуженными рассветом лесными голубями. В их диалог вклинивались крики обезьян.

Стало светать. Чистый свод неба осветила заря, медленно бледнели и гасли звезды. А над дорогой все так же загадочно сверкала неизвестная звезда. Она исчезла в тот момент, когда первые лучи восходящего солнца озарили небо, обожгли оранжевым светом деревья и далекие склоны гор.

УГОЛЬНЫЕ КАРЬЕРЫ

Все чаще встречались возвращавшиеся с ночной смены шахтеры. Они устало брели вдоль дороги. Их покрытые угольной пылью жилистые, маленькие фигурки были очень похожи друг на друга. О том, что это шахтеры, можно догадаться лишь по каскам с лампочками, загрязненным тяжелым ботинкам, которые казались такими нелепыми на их голых ногах. В этой стране люди не привыкли носить закрытую обувь. Они чувствуют себя более удобно и привычно в шлепанцах или просто босиком. Ботинки, надетые в соответствии с правилами техники безопасности, словно гири на ногах, затрудняли каждое их движение. «Рабочая» одежда слабо вписывалась в устойчивые представления об одежде горняков. Она состояла лишь из шорт и майки, которая когда-то была белой, но уже давно пропиталась углем.

Медленное шествие изнуренных ночной сменой людей действовало удручающе. А когда внимание переключилось на окрестный пейзаж и селения горняков, показалось, что мы попали в другой век, другую страну, другой мир.

Здесь уже не видно зеленой травы и листвы, чистых озер и аккуратных дворишков. Все было уродливо и покрыто толстым слоем угольной пыли. Как гигантские шрамы, легли карьеры, разрезая когда-то живописные горы и долины. Казалось, земля распорота и вывернута наизнанку. В этой колоссальной ране копошились крошечные человечки, отбивая от пластов уголь, который тут же другие складывали в корзинки и по цепочке передавали друг другу. Да, здесь находятся основные залежи коксующихся углей. Добыча ведется в основном открытым способом и вручную. Отсюда тяжело груженные грузовики развозят уголь на крупные металлургические заводы. В нем нуждаются и тысячи маленьких частных коксовых батарей, расположенных вдоль основных дорог штата. Они шипят и пыhtят, выбрасывая черный дым и легкие облака пара. Строили их в начале века, и коксование угля ведется старым, примитивным способом, при котором теряются ценные побочные продукты, так необходимые химической промышленности. Но современные методы доступны лишь крупным заводам, обладающим новым оборудованием и совершенной технологией. А пока едкий дым от маленьких батарей стелется над землей и, смешиваясь с утренним туманом, образует такую завесу, что сквозь нее с трудом пробиваются яркие лучи южного солнца.

Сразу же за городом дорога ведет вверх, в горы, поросшие густым лесом. Красивые пейзажи перемежаются со старыми, заброшенными карьерами. В некоторых уже образовались озера, огромные провалы давно поросли кустарником и деревьями — земля старается забыть о нанесенных ранах. На фоне серых скал иногда, как огонь, вспыхивали деревья с крупными багряными цветами, напоминающими маки. На фоне голубого неба огромные старые деревья без листьев, казалось, были объаты огнем. Эти деревья называются «пламя леса». Посаженные в ряд, они создавали полную иллюзию лесного пожара.

ДЖИ-ТИ-РОУД, ИЛИ ВЕЛИКАЯ ДОРОГА

Впереди показался указатель: «Гранд Транк Роуд», направо — Калькутта — 280 км, налево — Дели — 870 км. Машина свернула налево, и мы выехали на одну из самых древних в мире дорог, которую здесь сокращенно называют «Джи-Ти-Роуд».

Еще в IV веке до нашей эры по этой дороге проследовал посол Селевкидов, наследников Александра Маке-

донского. В своих путевых заметках он отметил, что хорошее состояние дороги произвело на него большое впечатление. В III веке до нашей эры император Ашока установил вдоль нее колонны с эдиктами. По ней, поднимая облака пыли и наполняя окрестности криками погонщиков, бряцанием доспехов и грохотом колесниц, шли на Дели войска и боевые слоны Шер Шаха — могущественного и воинственного правителя Бихара. Позднее из Дели на восток продвигались армии Великих Моголов, завоевывая новые земли, расширяя границы великой империи. Когда наступил закат правления Моголов и распалось созданное ими государство, по этому древнему пути стали проникать на запад в глубь страны купцы Ост-Индской компании. В 1757 году после битвы при Плесси, в которой Роберт Клайв разбил войска наваба Бенгалии, а земли древнего Бихара оказались под контролем Компании, этим путем в Дели двинулись создатели новой империи.

Развесистые кроны смоковниц, живописно склоняющиеся над дорогой, вековые баньяны видели несколько поколений английских завоевателей. В паланкинах и верхом устремлялись они в необъятные просторы Индии. Страна прельщала многих авантюристов, офицеров и простых чиновников, которым в метрополии не удалось достичь положения в обществе или получить богатое наследство. В знатных многодетных английских семьях титул и состояние наследовал старший сын, а его братья, получив хорошее образование, вынуждены были сами заботиться о своем будущем. Индия сулила им надежду на легкое обогащение и быструю карьеру. Именно они и составили основной костяк колониальной администрации и армии. Паланкины несли в глубь страны и изнеженных бледнолицых англичанок, которые ехали в Индию в надежде устроить свою личную жизнь. Их молодость и красота быстро увядали в непривычно тяжелых условиях. Безжалостной была Индия к сыновьям и дочерям туманного Альбиона, взявших на себя тяжелое «бремя белых», многим из них не суждено было проделать обратный путь в Калькутту.

В наши дни «великая дорога» связывает центр страны с Западной Бенгалией и является частью Трансазиатской автомагистрали, соединяющей Турцию с Таиландом.

Перевозкой грузов, как правило, занимаются частные транспортные фирмы. Внешнее оформление больших грузовиков скорее напоминает художественную галерею, чем транспортное средство. Надпись над кабиной гласит — «частный перевозчик». Внутри кабины — синтез новогодней

елки и мини-храма: стекла обрамляют гирлянды и кисти из цветной фольги, панель и стойки украшены маленькими разноцветными лампочками, которые включаются при движении ночью. Все свободное пространство занимают изображения богов и святых, которые также подсвечиваются. Поверхности, доступные кисти местного умельца, кабина и борта буйно разрисованы слонами, павлинами, змеями, цветами лотоса и фигурками богинь, которые должны принести водителю удачу в трудных рейсах. Надписи сообщают, что машина имеет право беспошлинно пересекать границы определенных штатов, так как оплата уже произведена транспортным агентством.

Чаще всего на Джи-Ти-Роуд встречаются грузовики с разрешением передвижения по дорогам Западной Бенгалии, Бихара, Уттар-Прадеша, Пенджаба (Панджаб). Машины имеют и свои имена, раскрывающие, видимо, характеры водителей: «Король дороги», «Черный принц», «Хозяин дороги». На некоторых грузовиках можно прочесть патристический призыв: «Будьте индийцами — покупайте индийские товары!». На задних бортах мелькают буквы помельче: «Сигналь при обгоне!», «Тата», «Спасибо!». На многих грузовиках есть талисманы. Это блестящая подкова, прикрепленная к радиатору, или подвешенная на цепи туфля с загнутым носком. Среди нагромождения рисунков и надписей скромно значится цифра «70», устанавливающая максимальную скорость этого чудовища на колесах. Но водители не воспринимают ограничение всерьез. Для них время — деньги, а умение ездить быстро — престиж, и поэтому, вцепившись руками в рулевое колесо, они гонят и гонят вперед к своей цели, к получателю груза. В спешке они вроде бы забывают о перегруженном кузове, о возросшей парусности.

Но боги и талисманы не всегда приносят удачу. По пути часто можно увидеть опрокинутые машины посреди рассыпанных фруктов или тюков с товаром. Встречаются и более серьезные последствия — грузовики, смятые и разбитые при лобовых столкновениях или вылетевшие далеко за обочину.

Если водителю и его помощнику повезло и они остались живы, их положению все равно не позавидуешь. В тихом отчаянии, как беспомощные дети, они сутками ожидают помощь от агентства, охраняя изуродованную машину и поврежденный груз. Ведь машин технической помощи на трассе нет, на местных жителей тоже рассчитывать не приходится — крестьяне соберутся толпой, покачают со-

чувственно головами, да и разойдутся по своим делам.

Редко можно встретить одиноко мчащийся грузовик. Обычно водители собираются вместе и образуют колонны по пять-семь машин. Так двигаться безопаснее, и, если с кем-нибудь случится беда, помощь будет оказана быстрее. Среди водителей много сикхов. У них весьма экзотическая внешность — яркие цветные тюрбаны, черные бороды, которые никогда не знали ножниц, смуглая кожа и жгучие глаза. Это очень мужественные, смелые люди и прекрасные водители, но и они побаиваются дакойтов, которые часто беспокоят путешествующих по дорогам в этой части штата. Езда в колонне уменьшает вероятность неожиданных и малоприятных встреч.

В то утро Джи-Ти-Роуд жила своей привычной жизнью. Движение на трассе было напряженным. А в кантинах, примостившихся рядом с бензоколонками и авторемонтными мастерскими, растянувшись на чарпоях, в желанной тени деревьев отдыхали водители. Чарпой — это деревянная кровать с джутовой сеткой вместо матраса, на которой можно полежать за символическую плату. Придорожные кантины, деревни, небольшие городки с рынком на центральном перекрестке — все они так или иначе были связаны с дорогой.

Вид живописных деревень с глинобитными домами в окружении бамбуковых деревьев или банановых пальм стал привычным для нас с первых дней жизни в Бокаро. Вокруг завода было много крестьянских селений, откуда ежедневно приходили на строительство семьи разнорабочих-халаси. С буйволовой фермы в нескольких километрах от нашего сектора молочники приносили молоко. Совсем рядом были селения адиваси, куда мы ходили в теплые дни зимой, чтобы посмотреть петушиные бои. Соседство с большим заводом мало влияло на их образ жизни. Приветливые и гостеприимные, азартные во время петушиных боев, они были способны буквально в одно мгновение превратиться в воинов или просто в первобытных мстителей. Так случилось, когда в госпитале в Бокаро во время операции скончался больной из адиваси. В тот же день вооруженные луками и стрелами односельчане приступом взяли современные корпуса клиники и требовали выдачи хирурга, который, по их мнению, был виноват в смерти соплеменника. Много усилий потребовалось от администрации завода и госпиталя, прежде чем удалось охладить их воинственный пыл.

ДЕРЕВНИ, ДЕРЕВНИ...

Не изменили уклад жизни и облик крестьянина, живущего в районе Жи-Ти-Роуд, и вихри исторических событий на «Великой дороге». Как шутят сами индийцы, в жизнь деревни вошли лишь два новых предмета: велосипед и транзисторный приемник. Конечно, это не относится к таким штатам, как Харьяна и Панджаб, где появились кооперативы, в деревнях есть электричество, а на полях можно видеть тракторы вместо волов или буйволов. Здесь же, в деревнях Бихара, вплотную подступивших к дороге, жизнь течет так же, как и много веков назад.

Деревни расположены близко друг от друга. За окнами машины с калейдоскопической скоростью проносились сценки крестьянского быта. Шел обмолот риса. Повсюду люди были заняты одним и тем же делом. Повторяющиеся впечатления нанизывались, и со временем стало казаться, что мы едем по замкнутому кругу... На глиняных, чисто выметенных дворах был сложен собранный урожай. По нему кругами ходили два буйвола, привязанные к вращающемуся вокруг оси бамбуковому шесту. Глаза животных были завязаны. Женщины провеивали зерно, подбрасывая обмолоченный рис большими совками, сплетенными из рисовой соломы, и ветер очищал его от шелухи. Мужчины собирали солому от обмолота и бережно укладывали на высокую платформу в глубине двора, чтобы ее не могли достать коровы. Этой соломы должно было хватить до следующего урожая.

Мы наблюдали жизнь истинной Индии, страны, где большинство населения живет в деревнях и обрабатывает землю дедовскими методами. Мы всматривались в нее и понимали, что, как все путешествующие, едем мимо самого главного, без знания которого нельзя понять и почувствовать эту страну...

САСАРАМ

Вот и Сасарам — еще один провинциальный городок на нашем пути, на границе штата Уттар-Прадеш. Такие же маленькие двухэтажные дома, укрышки за металлическими решетками, бесконечные лавки, лотки, магазинчики, ржавые прессы для выдавливания тростникового сока, запах подогретого масла, смешивающийся с пряным ароматом специй, как и в других городах.

Но на главном перекрестке развернулась весьма нетипичная сценка — грузовик сбил корову. Водителю повезло уйти от погони, а возле умирающего животного собралась толпа возбужденных индусов. Вдали, в тени трехэтажной гостиницы «Трэвэлэрз Лодж», которая манила рестораном с кондиционерами, за толпой с интересом и не без злорадства наблюдали мусульмане. В таких случаях иностранцам лучше не задерживаться, и, отказавшись от мысли о завтраке, мы возле мечети свернули на немощеную улицу. Через несколько минут, поднимая клубы пыли, машина остановилась на берегу искусственного озера, в центре которого стояла огромная мусульманская гробница. Такого сюрприза, честно говоря, мы не ожидали.

Еще в Дели, гуляя по Старой крепости, или Пурана Киле, греясь на солнце у стен ее мечети, мы пытались представить себе, каким был великий афганец, по приказу которого возведены эти стены и бастионы. Немногие сохранившиеся в Индии крепости так ярко хранят величие и атмосферу средневековья. Нас удивило, что в Пурана Киле было пустынно. Обычно туристы наблюдают ее снаружи, прогуливаясь по дорожкам дельийского зоопарка, раскинувшегося у подножия крепости. Казалось парадоксальным, что от эпохи Шер Шаха (некоторые ученые сравнивают его даже с Акбаром) осталась лишь эта цитадель, что в ней мало посетителей, а вот Хумаюн, мало успевший при жизни, буквально находится в центре внимания всех гостей Дели, потому что его останки покоятся в прекрасной гробнице, которую построила его безутешная вдова. Видимо, под влиянием благородного величия Пурана Килы мы связывали Шер Шаха именно с Дели, мало задумываясь о том, где находится его усыпальница.

И вот она перед нами и не в столичном блеске, а в захолустной безвестности. Нас охватило чувство радости и смущения от неожиданного «открытия». Мы обрадовались, что встреча с Шер Шахом состоялась, и были несколько смущены, потому что не сразу узнали в облике Сасарама родину и последний приют человека, имя которого четыре века назад звучало таинственно и грозно, вселяло страх и обращало в бегство даже армии Великих Моголов.

Шер Шах Сур... Один из самых загадочных правителей Индии, происходивший из афганского племени сур, волей судеб родился именно здесь... Он прожил 73 года и всего лишь пять лет носил титул «Шер Шах». Вся Северная Индия, за исключением Ассама, Кашмира и Гуджарата, которые он никогда и не пытался подчинить, была завоевана

этим человеком. Дважды Шер Шах одержал победу в сражениях с войсками второго могольского императора — Хумаюна. Именно Шер Шах выдворил Хумаюна за пределы Индостана.

Он родился не в семье правителя, поэтому путь к престолу прокладывал себе сам. Его нельзя назвать хорошим сыном — отношения с отцом были весьма сложными. Создается впечатление, что и к женам он не был нежно привязан. История не сохранила свидетельств его особой заботы о детях. Вполне очевидно, что, используя близких людей для достижения своих высших целей, Шер Шах никого не любил и не ценил.

Он получил прекрасное по тем временам образование, но знания свои использовал не в интересах чистой науки, а в практических целях. При дворах всех делийских султанов ученым и мудрецам обычно покровительствовали. Шер Шах следовал этой традиции, но при его дворе не была создана ни одна выдающаяся работа. Покровительство воспевали, не заботясь о том, способствуют ли плоды просвещения созданию новых шедевров.

Он был ортодоксальным мусульманином-суннитом и молился пять раз в день, обращаясь в сторону Мекки, соблюдая рамазан — мусульманский пост. Шер Шах объявил священную войну раджпутским князьям-индусам. И тем не менее его политика в области религии была самой мягкой за весь домогольский период. Он не гнушался обществом индусов и не смотрел на них как на неполноценных людей, стараясь заручиться их поддержкой, а если в ответ получал неповиновение, жестоко расправлялся с непокорными.

С детства его обучили владеть всеми видами оружия. Это был крайне честолюбивый, но хладнокровный человек, в зависимости от ситуации он мог оставаться терпеливым или удивительно активным.

Как полководец Шер Шах — образец находчивости и коварства. Он никогда не вел войско в лобовые атаки и, заботясь о линиях обороны, предпочитал другую тактику — застать противника врасплох, заманить его в засаду и только тогда обрушить со всех сторон удары своих полчищ. Шер Шах создал прекрасную армию. Он держал в столице 150 тысяч кавалеристов, 25 тысяч пехотинцев и пушкарей, 300 боевых слонов. Такие же силы контролировали и провинции. Вместе с солдатами он был готов переносить тяготы походов, победы и поражения. Воины любили Шер Шаха и верно служили ему. Проводимые им кампании

отмечали быстрота передвижения и стремление к стратегическому превосходству.

Как все правители Дели, Шер Шах был деспотом и обладал неограниченной властью. Но в отличие от предшественников его можно было бы назвать по суровым меркам средневековья «благородным деспотом». Забота о солдатах и верных подданных ставила его на голову выше других правителей. Он ограничил власть министров, доверив им лишь выполнение своих указов. В завоеванных землях из казны выдавали пособия немощным и больным, выплачивали пенсии, устраивали благотворительные обеды. По-новому взимались налоги и подати. Их называли справедливыми, очевидно, потому, что стремление к справедливости было важной, если не главной чертой характера Шер Шаха, на личном опыте познавшего горечь неблагодарности и несправедливости своих бывших хозяев. Он любил говорить:

— Справедливость — самый прекрасный религиозный обряд, потому что его в равной степени признают и правители, и правоверные, и язычники.

Как только Шер Шах присоединял к своим землям новые владения, там начиналось строительство дорог. Главным его творением была Сарак-и-Азам, протянувшаяся на полторы тысячи километров. Это было возрождение «Великой дороги» — Джи-Ти-Роуд. Бенгалия оказалась связанной с Агрой, Дели и Лахором. Были проложены удобные пути из Агры в Бурханпур, Джодхпур и Читтор. Дорога соединила Лахор и Мултан. Вдоль дорог, связавших главные города, построили 1700 караван-сараев. В каждом была мечеть, где служили имам и муэдзин, устраивались помещения для отдыха и харчевни для мусульман и индусов.

Шер Шаху удалось создать действительно мощную империю с хорошо налаженным механизмом управления. Он обладал способностью не только строить имперские планы, но и осуществлять их. Не будет преувеличением сказать — все, что создавалось в дальнейшем Моголами, зиждилось на фундаменте, заложенном Шер Шахом. Его иногда сравнивают с Акбаром. Во многом это сравнение возможно. Но в отличие от Великого Могола Индия так и осталась для него лишь покоренной страной, и он никогда не любил ее, как человек любит землю, на которой родился. Шер Шах никогда не смотрел на местных жителей как на соотечественников. Соотечественниками для него были афганцы, которых он приглашал на службу, раздавал им земли и рассчитывал на их лояльность.

После смерти Шер Шаха созданное им государство на протяжении девяти лет возглавлял его сын Ислам Шах, разумный и деятельный правитель, способный с достоинством выдерживать даже скрытую ненависть и зависть более родовитых афганцев, состоявших у него в услужении. Ислам Шах скончался в 1554 году, а через год государство, изрядно ослабленное распрями вассалов, пало под натиском возвратившегося в Индию Хумаюна. Так окончился короткий, но яркий период правления династии Суров...

Хумаюн вернул когда-то утраченные владения, однако правил недолго. Однажды, торопясь на вечернюю молитву, он упал на мраморной лестнице библиотеки и разбился. Возможно, нелепая и негероическая кончина, осуждение за то, что был позорно изгнан из земель, завоеванных отцом, а может быть, и природное слабование, склонность к опиуму и наслаждениям снискали Хумаюну репутацию неудачника. Прославил он себя только тем, что, возвращаясь из изгнания, привел за собой персидских художников, которые создали могольскую школу живописи, гармонично соединив персидскую технику письма с элементами индусской культуры. Однако при всей любви к искусству Хумаюн успел при жизни издать указ о разрушении дворцов и павильонов делийской крепости Пурана Кила. Часть материалов была использована при строительстве гробницы самого Хумаюна, а остальные пошли на сооружение Шах Джаханом седьмого города Дели, Шахджанабада, или Старого Дели, как его называют в наши дни.

Гробницу Шер Шаха пощадили, и она затерялась на необъятных равнинах Бихара.

Мрачное высокое здание из серого камня с небольшими башенками по углам и приплюснутым объемным куполом отражается в водах искусственного озера словно портрет Шер Шаха, материализация его личности и характера. Идеальное проектирование достигло желаемого создателями эффекта: тут все прочно, надежно и гармонично. Гробница уверенно вырастает в мощную квадратную платформу и отражается на водной глади озера. Озеро скрыло от глаз основание платформы, как бы надежно спрятав неисчерпаемый источник душевной твердости и непоколебимости человека, чье тело там покоится.

Серый грубый камень, из которого сложены стены, гармония вертикальных и горизонтальных линий придают постройке строгий вид, напоминающий нахмурившегося и неприветливого Шер Шаха, который в желании оградить заветные помыслы, чаяния, да и саму душу от ненадежных,

не понимающих его и корыстолюбивых приближенных окружил себя большим озером, оставив лишь узкий, «контролируемый» мостик как единственную связь с окружающим миром. Двигаясь по нему к мавзолею, начинаешь остро ощущать его размеры и величие. А войдя в траурный зал и остановившись перед кенотафами (в гробнице захоронен не только Шер Шах, но и многие родственники и министры), задумываешься о бренности человеческой жизни и собственном несовершенстве.

По темным крутым ступеням мы поднимаемся на верхние этажи усыпальницы. Время от времени в глаза ударяет яркий свет из редких окон на площадках между лестничными пролетами. Снова на ощупь мы находим высокие ступени. Лестницы, встроенные внутри толстых стен, узкие, а своды над ними высокие. На темных переходах кажется, что над тобой бездонная вечность, покой которой нарушают мечущиеся в темноте летучие мыши. Толстые стены создают прохладу, но чем выше мы поднимаемся, тем труднее становится дышать — дыхание перехватывает от зловоний, поднимающихся над застойными водами озера, смешивающихся со специфическим запахом колонии летучих мышей и покрытых плесенью стен.

Но вот восхождение наконец окончено, и мы выходим на залитые солнцем галереи у основания купола. Отсюда открывается прекрасный вид на озеро. На берегу его женщины стирают белье, раскладывая для сушки на траве пестрые прямоугольники сари. Что-то светлое, радостное и очень земное исходит от этих женщин, для которых озеро у старой гробницы — лишь удобное место для стирки. За высокими деревьями возле берега раскинулся плоский Сасарам, словно разметав свои мелкие постройки для того, чтобы лучше была видна другая гробница, как две капли воды похожая на последнее пристанище Шер Шаха. Там покоится Ислам Шах.

По верхней галерее можно обойти вокруг купола и увидеть, как к мавзолею по мостику идут семьи мусульман. Они специально по такому случаю надели праздничные наряды и тем не менее в массе своей выглядят темными пятнами, потому что на женщинах вместо ярких сари черные или темно-коричневые одежды, а нижнюю часть лиц прикрывают черные вуальки.

Мы пришли к выводу, что Моголы были намного практичнее других мусульманских завоевателей. Они старались сохранить свое величие и после смерти — возле своих усыпальниц высаживали фруктовые сады, а не создавали

беспользные, требующие постоянного ухода искусственные озера. На протяжении жизни многих поколений фрукты из таких садов продавали, а деньги шли на поддержание гробницы в нормальном состоянии.

После трудного спуска мы вновь оказались в траурном зале. Вокруг кенотафов стояли люди. Подняв высоко головы, они прислушивались к звукам, которые неслись из-под купола, — звучали заветные мусульманские слова: «Алл-аа-ах Ак-баар!» («Аллах Велик»). Высокий худой старик, устремив руки вверх, по мере замирания звука вновь и вновь звонким молодецким голосом произносил эти слова, демонстрируя акустические свойства зала. Под звуки гаснущего эха мы в последний раз окинули взглядом усыпальницу и, преодолев длинный мостик, по которому навстречу шли удивленные нашим появлением мусульманские семьи и крестьяне-индусы, еще постояли на берегу, любясь старой гробницей и восхищаясь мастерством ее создателей.

Но время торопило в дорогу, день сулил новые, не менее яркие встречи и впечатления, а Бихар обещал открыть нам свои заветные, таинственные сокровища. Они не предстают в виде алмазных гор или затерянных кладов. Это селения и маленькие города, в которых и в наши дни живут обыкновенные люди, следующие традициям, полученным в наследство от седой древности. Именно они сияют, словно драгоценные камни, в историческом ожерелье Бихара.

БОДХ ГАЯ, ИЛИ ЗЕМЛЯ ПРОЗРЕНИЯ

Часа через два наша машина свернула на проселочную дорогу, повинувшись дорожному указателю. Казалось, мы вновь мчимся сквозь заросли Хазарибагха. Снова потянулись рисовые чеки. Монотонные пейзажи начинали утомлять. Неожиданно вдали над верхушками пышных деревьев показалась пирамида храма.

— Бодх Гая! — торжественно сообщил водитель.

Итак, впереди цель нашего путешествия — Бодх Гая, или Земля прозрения. Чем ближе мы подъезжали к ней, тем плотнее зеленые кроны скрывали храм, будто пытались спрятать оберегаемое сокровище, воспоминания о событиях, которые произошли здесь много веков назад. Настал момент, когда за густой зеленью полностью исчезли очертания храма. Теперь Бодх Гая была похожа на оазис среди

необъятных просторов полей. Машина сделала резкий поворот, и неожиданно из плена деревьев вырвался небольшой таиландский храм. Ярко-красная черепичная крыша с загнутыми вверх краями, обилие позолоты, свирепые драконы у входа, украшенные живыми цветами и готовые в любой момент сорваться с мраморных пьедесталов и преградить дорогу демонам зла, делали его похожим на сказочный дворец. Яркие лучи солнца играли на инкрустированных зеркалами стенах храма. Восторг неожиданно угас... Мы оказались возле ажурных ворот с табличкой «Перерыв на обед». Привратник, дремавший возле ворот, открыл глаза и, махнув рукой куда-то в сторону, сказал: — Маха Бодха! Там открыто.

Нам пришлось ехать еще несколько минут по тенистой улице, на которой стояло несколько храмов. Мелькали надписи: «Японский храм», «Китайский храм», «Тибетский храм».

И вот мы на небольшой площади перед главным храмом Маха Бодха. Она буквально оглушила нас шумом восточного базара. Шла бойкая торговля стеклянными бусами и браслетами, амулетами и статуэтками Будды. Спокойнее было там, где продавали более дорогие вещи: китайские пиалы из тончайшего фарфора с вкраплениями рисовых зерен, редчайшие монеты стран, исповедующих буддизм, японские фонарики, четки из сандалового дерева и круглых плодов дерева *сал*.

Здесь мы стали свидетелями довольно забавной сцены. Ее главными действующими лицами оказались японцы, которых прямо у автобуса со всех сторон окружали мальчишки. Они не просто предлагали, а требовали, чтобы их взяли в гиды. Мальчишки истошно кричали, словно решался вопрос их жизни или смерти. Растерянные японцы вежливо улыбались, но не двигались с места. Комизм ситуации усугублялся и тем, что ребята кричали на хинди, а японцы не знали даже английского языка. Мы сами чуть не стали «добычей» одного паренька, который тоже был не прочь «поработать» гидом. Так уж случается в этой стране, что в иностранцах видят лишь мешок с деньгами. Работающих по лицензии гидов в Бодх Гае нет. Об этом нас предупреждали члены «послеобеденного клуба». Дело в том, что туристы в Бодх Гаю не попадают, ведь она находится вдали от туристских маршрутов. А мальчишки в лучшем случае могут показать, куда идти. Здесь же все было ясно — мы стояли у ворот Маха Бодхи.

В отличие от других центров паломничества вход оказал-

ся платным. На билетиках было написано: «Желаем счастья и мира всем живущим на Земле, ваши деньги пойдут на содержание храма».

Квадратная в плане территория Маха Бодхи находится значительно ниже площади и окружена каменным забором. Внутренние склоны вдоль периметра выстилает шелковый травяной ковер. Да и сама площадка с храмом в центре напоминает хорошо ухоженный парк с аккуратными дорожками, несколькими большими деревьями и яркими кустами бугенвиллии. Темно-серый храм высотой более пятидесяти метров вырастает из квадратной платформы, постепенно сужается и заканчивается амалакой, которую венчает семь зонтиков (*дагоб*), символизирующих высшие миры, населенные богами, возглавляющими небесную иерархию буддизма. Повторяя по форме центральную пирамиду в миниатюре, по углам храма возвышаются четыре башни, придавая уравновешенность всей постройке.

По широкой каменной лестнице мы спустились вниз. Хотя до храма было еще далеко, дальше предстояло идти босиком, ведь под ногами уже была «Земля прозрения». Это самый священный кусок земли для буддистов всего мира. Именно здесь в середине I тысячелетия до нашей эры зародилось новое философско-религиозное учение, получившее название «буддизм» в честь своего основоположника Будды. Слово «Будда» означает «познавший истину», «просветленный». Жил ли действительно на свете человек по имени Будда? Этот вопрос остается открытым, но все чаще историки дают на него положительный ответ. В Бодх Гае, рядом с загадочными Гималаями, перед древними памятниками и выбитыми на камнях старинными текстами в краю мистицизма и мифов легенды и предания о возникновении буддизма кажутся рассказами о недавнем прошлом.

БУДДА

История, связанная с рождением Будды, окружена многочисленными легендами. Сын царя могущественного клана Шакьев Сиддхартха Гаутама появился на свет в 556 году до нашей эры в Лумбини, расположенной на юге Непала. Мудрецы, знатоки вед, обнаружили на теле новорожденного тридцать два счастливых знака:

Примет коротких у царя — четыре, а глубоких и широких — по три,

Примет же длинных — пять и столько ж тонких,
красных — на две больше.

Пуп, голос, добродетель — так нас учат —
Должны глубокими быть у мужчины,
А лоб, лицо и грудь приносят счастье,
Когда они достаточно широки.
Подмышки, грудь, затылок, нос и ногти,
А также рот высокими должны быть;
Короткими должны быть шея, ляжки;
Спина и лингам — добрые приметы.
Быть красными должны язык и губы,
Виски и руки, щиколотки, ноги,
А тонкими — суставы, зубы, кожа,
А также волосы и дланей пальцы.
Нос, обе челюсти, глаза и длани,
А также расстоянье меж сосцами
Должны быть длинными; они коротки
У тех, кто царствовать не призван роком.³

Еще до рождения ребенка его матери Махамайе приснился сон, будто в бок к ней вошел белый слон с шестью бивнями. Она полетела высоко над землей, а затем опустилась на огромную скалистую гору и увидела много людей, склонившихся перед ней. В тот момент, когда родился Гаутама, ярко сияла луна, а с неба сыпались цветы. Ребенок встал на землю и самостоятельно сделал первые семь шагов. При каждом шаге из земли, на том месте, где ступала его нога, вырастал цветок лотоса.

— Если мальчик останется дома, — сказали мудрецы, — станет великим правителем, а если сбреет бороду и волосы, оденет оранжевое одеяние, покинет дом и уйдет скитаться по свету, станет *архантом*, «просветленным», Буддой.

Отец всеми силами старался оградить сына от влияния внешнего мира, тем самым надеясь изменить его судьбу. Всего четыре раза Гаутаме удалось покинуть пределы дворца, и тогда он встретил дряхлого старика, покрытого язвами больного, похоронную процессию и аскета. Эти выходы буддисты называют «четыре великие встречи» и с ними связывают суть основных заповедей буддизма.

Когда Гаутаме исполнилось двадцать девять лет, он отказался от богатства, радостей мирской жизни, покинул дворец и под именем Шакьямуни («Отшельник из племени шакьев») стал аскетом. После семи лет странствий и размышлений Гаутама стал проповедником нового учения. Здесь, в Бодх Гае, просветление снизошло на него, когда он просидел сорок девять дней и ночей под смоковницей, размышляя о сущности добра и зла, жизни и смерти,

³Индийская средневековая повествовательная проза. М., 1982, с. 215.

ни истинного и ложного. Достигнув просветления, Будда вновь много путешествовал, проповедуя основные положения своего учения. Он умер в 476 году до нашей эры в возрасте восьмидесяти лет, и с того времени буддисты ведут свое летосчисление.

Новое учение оказало значительное влияние на жизнь индийского общества; увеличилось число вегетарианцев, люди начали воздерживаться от употребления крепких напитков, менее популярным стал ритуал приношения в жертву животных. Будда проповедовал новое учение людям независимо от того, к каким кастам они принадлежали, какое социальное положение занимали в обществе. Он отказался от санскрита, священного языка философских размышлений, и произносил проповеди на местном наречии. Общедоступность учения усиливала его привлекательность. Хранителями учения стали посвященные монахи, объединившиеся в общину (*сангху*). Со временем она стала привлекать к себе людей из разных стран, ищущих истину. Они пешком приходили в Индию и после многолетнего обучения в вихарах и церемонии посвящения в орден возвращались в родные края. Так буддизм стал одной из крупнейших религиозно-философских систем мира.

В древнем буддийском тексте «Дхаммапада» говорится, что истинный победитель это не тот, кто один победит тысячу людей, а тот, кто одержал победу над самим собой. Человек должен пройти длинный путь морального совершенствования, а слово Будды укажет ему дорогу. Однако следовать по этому пути каждый может только самостоятельно, а не благодаря достоинствам и достижениям других. Человек лишь с помощью своих собственных усилий способен достичь освобождения, прервать бесконечный цикл рождений и смертей. Будда указал только путь из мира страданий в мир бессмертия, когда в своей первой проповеди в Оленьей роще Сарнатха под Варанаси провозгласил «четыре благородные истины».

Первая истина: существование есть страдание, а рождение, болезни, смерть — лишь разные его формы.

Вторая истина: причиной страданий являются желания и привязанности. Желание само по себе губительно, так как никогда не может быть удовлетворено в полной мере и приносит неудовлетворение и разочарование.

Третья истина: желания можно подавить и таким образом прекратить страдания.

Четвертая истина: путь к спасению — путь просветления, «Благородный Восьмеричный Путь». Он складывается

из правильного воззрения, правильного стремления, правильной речи, правильного действия, правильного образа жизни, правильных поступков, правильной памяти и правильной медитации.

С тех пор прошло двадцать пять веков. Идеи буддизма распространялись по Индии, но вызывали сопротивление жрецов, проповедников религии индуизма. И все-таки победил индуизм, растворив буддийскую концепцию в своем учении, канонизировав Будду и провозгласив его девятым воплощением бога Вишну. В индуистских храмах и святых местах появились изображения Будды. Однако буддизм выжил, он ушел в другие страны.

ДЕРЕВО БОДХИ

Много поколений людей сменилось на Земле. Они рождались, желали, страдали, старались следовать заповедям Будды, пытались достичь спасения, и умирали. А огромная старая смоковница у стены Маха Бодхи — лишь пятое поколение дерева Бодхи и посажена в 1880 году. Дело в том, что, когда буддизм проник на Цейлон (Шри-Ланка), туда был отправлен саженец дерева Бодхи. Потом отростки от дерева на Цейлоне вновь привезли в Индию, а точнее, в Сарнатх, расположенный возле Варанаси, где в «Оленьей роще» Будда впервые огласил миру свое новое учение. Когда погибло дерево в Бодх Гае, на это место посадили отросток, взятый от дерева в Сарнатхе.

Ветви смоковницы расцвечены бесчисленными разноцветными ленточками и лоскутами, которые оставляют здесь паломники. На ветвях, куда только можно дотянуться рукой в надежде на исполнение самого сокровенного желания, люди привязывают пестрые знаки почтения перед главной святыней своей веры. Они надеются унести с собой заветный лист смоковницы. Но срывать листья — дело немыслимое, и паломники подолгу просиживают в ожидании, когда на землю упадет листок. К стволу смоковницы подойти нельзя, его окружает невысокая, но крепкая ограда.

Пока мы любовались синтезом живой святыни и памятника природы, появился охранник и, не говоря ни слова, широко распахнув калитку ограды, пригласил подойти к дереву. Всего три ступеньки... и вот пальцы коснулись корявого ствола. Он теплый, пахнет благовониями. Очевидно, его либо окуривают ароматическими палочками, либо омывают благоухающими водами.

Под деревом Бодхи, у стены храма — плоская каменная плита, украшенная резным орнаментом. Это и есть сохранившаяся часть знаменитого алмазного трона Ваджрасана, который установил император Ашока. Алмазов нет. Название следует понимать не буквально, а символически. Оно означает незыблемость и несокрушимость. Стоит Ваджрасана на месте, где, по преданию, сидел Гаутама.

Рядом с оградой, окружающей дерево, — каменные плиты с изображением ступней Будды. Размеры отпечатков в несколько раз превосходят человеческие. Это тоже символ. На плитах лежат цветы и лепестки роз. Снова появился охранник. В его старых, сморщенных и похожих на ствол дерева руках три опавших листа. Он протянул их нам.

Конечно, нам трудно было судить о том, что испытывают буддисты, приближаясь к самому почитаемому месту своей веры. Ведь мы были свободны от благоговейного трепета, волнений и условностей, которые налагает на человека обряд паломничества. Но мы могли видеть, слышать и чувствовать. После калейдоскопа впечатлений от долгого путешествия, шума базара на площади здесь было тихо и спокойно. Казалось, неведомый хранитель прикрыл дверь и отключил звук. А ведь от внешнего мира нас отделяла лишь широкая лестница. Нам показалось, что мы пришли в дивный парк. Все здесь было любовно ухожено, светло и радостно. А главное — никакого намека на мрачную религиозность. Как люди, которые впервые соприкоснулись с буддизмом, мы оказались совершенно неподготовленными к тому, что открылось за оградой Маха Бодхи. Тут столько света, какая-то сдержанность в окружающей обстановке, тишина и праздничная, торжественная свобода. Именно таким предстал перед нами мир этого уголка Земли — «Земли прозрения». Даже присутствие здесь людей, редкие удары в колокол не нарушали ощущения уединения, внутренней свободы и абсолютной тишины. Казалось, никто и ничто не может помешать пребыванию наедине с самим собой. Нам некуда было спешить, и мы опустили на траву в тени деревьев, чтобы не только лучше присмотреться ко всему вокруг, но и острее почувствовать Бодх Гаю.

По дорожке, ведущей к храму, медленно двигались японские монахи в оранжевых хитонах. Они сопровождали двух мужчин в европейских тройках. Здесь готовились к проведению очередного Всемирного конгресса буддистов. Гирлянды разноцветных шелковых флажков, словно солнечные лучи, протянулись от Маха Бодхи через всю территорию, опутав кроны старых смоковниц от наверхней ступ (их здесь было несколько десятков) до каменных стен ограды. Легкий ветерок едва шевелил их, наполняя жизнью и движением.

Монахи с гостями вошли в храм. Император Ашока в 250 году до нашей эры приказал построить его возле священного «дерева Бодхи», но неумолимое время и бурные события не пощадили древнее святилище. Современный храм Маха Бодхи был воздвигнут на развалинах постройки Ашоки. Стены нового храма покрыты барельефами с изображениями сценок из жизни Будды и бодхисаттв. Так буддисты называют богоподобные существа, которые достигли вершины совершенства и получили право погрузиться в нирвану, но не позволили себе этого из-за сострадания и любви к людям и стремления помочь им на пути к спасению. В раннем буддизме бодхисаттвой называли только Гаутаму до того, как он достиг просветления и стал Буддой. Позднее в буддийском пантеоне появилось множество бодхисаттв. В наши дни считается, что каждый мирянин может стать бодхисаттвой и отзываться на молитвы, помогать людям в преодолении страданий. Бесконечно повторяются сидящие и стоящие фигурки Будды и бодхисаттв на пирамиде Маха Бодхи. Изображения везде выделены цветом, голубой краской или позолотой. В лучах яркого солнца казалось, что стены покрыты темно-зеленой краской с перламутровыми разводами. Позы и канонические положения рук (*мудры*) имеют конкретные значения. Вот изображения *абхайя мудра* — предложение избавиться от страха, *дхьяна мудра* — медитация, *дхармачакра мудра* — поворот колеса Закона, или совершение молитвы. На нижних фризах, куда можно дотянуться рукой, Будду и бодхисаттв украсили тонкие, как вуаль, полосы светлой ткани, оставленные паломниками. Каждый отдельный барельеф — предмет их поклонения.

Сначала буддисты отвергали любую форму изображения Будды, и уже в более поздний период появилась легенда о том, как первое изображение Учителя было взято с его тени.

У Маха Бодхи были не только паломники, но и обыч-

ные посетители — индийские семьи, для которых Бодх Гая — место, связанное с историей их страны. Они медленно прогуливались по дорожкам, стараясь держаться в тени деревьев, о чем-то беседовали.

Было жарко. На южную стену Маха Бодхи ложились тени от столбов ограды Ашоки. Северная часть храма была в тени. Вдоль нее протянулась узкая платформа Чанкармана. Издали с трудом просматривались каменные цветы лотоса, которыми отмечены те места на земле, которых касались ступни Будды. По преданию, после прозрения Будда семь дней ходил по этой дорожке и под его ногами вырастали живые цветы. Там мы увидели непальских паломников. Мужчины шли впереди, а в некотором отдалении за ними следовали женщины в длинных темно-красных и черных шерстяных платьях и шапочках, украшенных необработанными кусками бирюзы. Камни повторяли цвет неба, и казалось, что капли неба упали на землю, ожили, чтобы расцвести мрак глубокой тени. Паломники двигались молча, не глядя по сторонам. Круг за кругом они совершали *парикраму*, обход храма. Согласно обычаю, они должны несколько раз обойти территорию, постепенно приближаясь к Маха Бодхе, прежде чем войти в него.

Появились японцы, которые только что выдержали осаду мальчишек в автобусе. Они улыбались, щурились глаза от ярких лучей солнца и бодро семенили в сторону каменной арки, к которой был подвешен главный колокол, подаренный в 1905 г. правителем Бирмы. Удар в колокол равнозначен произнесению молитвы, и японцы по очереди, с легкими поклонами, звонили в него. Выглядели они довольно забавно. Одеты в европейские одежды, они двигались, чуть сутулясь и немного сгибая ноги в коленях. На головах у них были надеты необычные шляпки-зонты от солнца. Яркие зонтики из нейлона крепились на голове так, как крепят на лампочку абажур. При ходьбе и поклонах зонтики смешно покачивались из стороны в сторону. Отзвонив в колокол, они направились в Маха Бодху.

Перед входом в храм молились два паломника. Поднимая руки над головой, словно пловцы перед прыжком в воду, они плашмя падали на специальные деревянные настилы, напоминающие пляжные лежаки, затем одним движением без помощи рук поднимались и, немного постояв, снова на них опускались. За ними безучастно наблюдали сидевшие в тени старик и мальчик лет семи. Для желающих помолиться тут же, рядом с ними, стояли прислоненные к стене настилы, отполированные тысячами тел.

В стороне от главной аллеи, уставив неподвижный взор на пирамиду Маха Бодхи, углубился в медитацию худощавый европеец в желтом хитоне. Очевидно, этот человек провёл здесь в этой позе уже не один день — его бритая голова, шея и руки были сильно обожжены солнцем, а изможденный вид привлекал внимание. Седой, коротко остриженный монах в бордовых одеждах участливо наблюдал за ним. Перехватив наш взгляд, лама приветливо улыбнулся и подошел к нам. Ему хотелось узнать, кто мы и откуда. Мы удивились, когда он протянул нам свою визитную карточку. На ней было напечатано: «Тензин Гейше, тибетский монастырь, Бодх Гая, штат Бихар».

Вместе с Тензином мы вошли в храм. Когда глаза немного привыкли к тусклому освещению, стали различимы контуры огромной статуи Будды, обращенной лицом к Востоку. Будда был изображен в том положении, в котором предавался размышлениям, сидя спиной к «дереву Бодхи». Глаза полузакрыты, а загадочная улыбка на юношеском лице словно вселяет надежду, что зло и страдания будут преодолены. Будда, кажется, видит то, что не дано познать непосвященному, знает то, ради чего другие отдавали жизни. Его образ не успокаивает, а волнует. Это молчаливый призыв, обращенный к людям, живущим в океане страстей. Буддийское представление о времени признает трех Будд, относящихся к прошлому, настоящему и будущему: Дипанкара, Шакьямуни и Майтрейя. Буддисты считают, что сейчас человечество вступило в последние, завершающие стадии века вырождения, который завершится полным уничтожением, исчезновением учения Будды-Шакьямуни. Тогда явится Майтрейя, грядущий Будда, чтобы вновь искупить грехи человечества. Такой взгляд на последовательность событий и времени перекликается с утверждением индуизма о том, что, когда переполнится чаша зла и человечество погрязнет в грехах, вновь явится Бог, чтобы утвердить дхарму.

Лама взял горсть риса, осыпал статую и стал тихо бормотать главную мантру буддистов:

— Ом Мани Падме Хум.

В храме мы увидели все восемь священных и благоприятных знаков, которые ассоциируются с жизнью и учением Будды. Это — знамя победы, символизирующее торжество учения, зонтик власти — силу учения, раковина — громкие, пробуждающие звуки дхармы. Две золотые рыбы означают воскрешение, вечную жизнь, повторное рождение. Другое их значение — глаза восприятия, так

как рыбы могут видеть в мутной воде. «Счастливые» сети олицетворяют способность выловить из океана существование жемчужины мудрости или сокровища просветления, следуя заветам Будда-дхармы. Колесо Закона, *дхармачакра*, символизирует распространение учения Будды, «ваза бессмертия» — амриту, нектар, что означает бессмертие души, цветок лотоса — высшую цель, просветление.

В определенных сочетаниях эти восемь благоприятных знаков могут представлять различные части тела Будды: «ваза бессмертия» — горло, цветок лотоса — язык, золотые рыбы — глаза.

После кремации тела Будды его останки разделили между собой восемь групп последователей. Для их хранения они построили первые ступы. Эти круглые, сужающиеся кверху постройки были весьма просты по своему устройству. Священные реликвии помещали в специальном внутреннем хранилище, а затем клали стены, замуровывая останки Учителя на века. В ступах захоранивали прах буддийских святых и священные предметы. Позднее, да и в наши дни, ступы строят во исполнение заветных желаний, в память о важных событиях и близких людях. И это считается делом благочестивым. Приходит на память назидательная история о человеке, который обещал умирающему соседу построить ступу после его смерти. Сосед скончался, а человек не слишком-то торопился выполнить данное слово. Шло время, и через год его начали мучить изнуряющие головные боли. Он решил, что близится конец земного пути и стал приводить свои дела в порядок. Вспомнил он и о забытом обещании соседу. Когда строительство ступы подошло к завершению, человек привязал к ее наверху молитвенную ленту и тут же почувствовал, что боли прекратились. Сооружение ступы в святых местах, особенно в Бодх Гае, — важный обряд и престижный поступок.

Обычно ступы строят по образцу самых известных и почитаемых сооружений, таких, как ступа «Доброй удачи» в Сарнатхе, сооруженная на том месте, где Будда, по словам буддистов, «привел в движение дхармачакру», колесо Закона. Иногда образцом служит ступа «Гармонии», или ступа «Великого просветления», которую также называют ступой «Покорения демонов».

Самой главной ступой возле храма Маха Бодхи считается ступа «Открытые глаза», установленная на том месте, где, по преданию, Будда провел семь дней, с благодарностью глядя на «дерево Бодхи».

ЕВРОПЕЙЦЫ В ИНДИИ

В Бодх Гае каждый чувствует себя свободно. Но раскрепощенность европейцев не только здесь, но и в любом уголке Индии выглядит порой нелепо и смешно. Дело не в естественной раскованности, которая им свойственна, а в том, что многие из них пытаются найти в Индии, в ее культуре панацею от всех бед, приобщившись к таинствам экзотических учений. Вот сидит у ступы парень. Он одет в шорты и длинную индийскую рубаху (*курта*), на шее у него мусульманские четки, лоб украшают белые полосы, которые обычно наносят, совершив молитву, поклонники индуистского бога Вишну. Интересно, знает ли он значение этих символов и понимает ли он, что выглядит смешно?

Неизвестно, что более привлекало западную молодежь в Индии — наркотики или таинственная притягательность древних философий и восточных религий. Началось это в 60-е годы, во времена хиппи, «детей-цветков», увлечения наркотиками (точнее, ЛСД) и мистицизмом. Большую роль сыграла битломания, подражание кумирам рок-музыки, когда сначала Джордж Харрисон, а затем остальные члены группы «Битлз», оказавшись в духовном вакууме, обратили свои взоры на Восток. После смерти от большой дозы наркотиков их менеджера, «пятого битла», Брайяна Эпштайна, они еще больше сблизились с Махариши Махеш Йоги, ездили в Индию изучать трансцендентальную медитацию и даже собирались поселиться в гималайском ашраме Махариши. Все-таки «Битлз» разочаровались в своем гуру. Когда они объявили Махариши, что покидают его, гуру спросил: — Почему?

Джон Леннон иронично ответил:

— Если вы обладаете космическим сознанием, поймете сами.

Позднее Леннон вспоминал:

— Он смотрел на меня так, будто собирался убить, а мы поняли, что с надувательством покончено. Его надежды и иллюзии не оправдались.

ПУРИ

В Индии есть много священных мест. Одно из них находится в Ориссе, в Пури, где все связано с храмом Джаяганнатха. Пури — город старинный и довольно многолюдный. Для каждого индуса название Пури ассоциируется с Джаяганнатхом.

Даже песчаные пляжи, протянувшиеся вдоль Бенгальского залива, воспринимаются ими как место для молитвы на восходе солнца и для совершения священного омовения. Многочисленные гостиницы близко подступают к берегу. Обычно здесь останавливаются паломники. На улице можно увидеть и маленькие храмы, и известные ашрамы, и правительственную гостиницу (гестхауз).

Чтобы попасть из гостиницы на центральную площадь к храму Джаганнатха, нужно пройти вдоль побережья, оставив позади и гостиницы, и ашрамы.

Движение машин здесь запрещено, ведь это места паломничества и их обходят пешком. К тому же улочки такие узкие и настолько заполнены паломниками, что на автомобиле далеко не уедешь.

Пури — необычный город, сюда приезжает много разных людей. Кого тут только не увидишь: и супружеские пары, совершающие паломничество в медовый месяц, и многодетные семьи, и садху (отшельники), и нищие, и туристы.

На песчаной полосе побережья наше внимание привлекли высокие статные фигуры европейцев-кришнаитов. Они шли вдоль берега, ветер развеивал их свободные одежды пастельных тонов, а бритые головы были слегка припудрены в тон облачениям. Индийцы провожали их удивленными взглядами. По улице проехала на рикше молодая женщина в желтой одежде с младенцем на руках. Неужели она тоже остановилась в дхарамшале, где нет ни электричества, ни горячей воды?

— Это члены общества «Сознание Кришны» — сказал брахман-паломник и вздохнул. — Опять собрались на свой фестиваль.

По узенькой улочке, ведущей к храму Джаганнатха, навстречу нам, звеня колокольчиками, катила коляска рикши, в которой сидел европеец в шафрановом хитоне с зачехленным трезубцем в правой руке. Когда коляска поравнялась с нами, он приподнял трезубец и произнес:

— Хари Кришна.

Так кришнаиты приветствовали только «своих», европейцев.

— Подумаешь, устроили спектакль! — возмущалась туристка-англичанка. — Что мы — члены их секты?

На фоне пастельных тонов одежды кришнаитов дама тоже выглядела довольно забавно. Приехав в Калькутту в праздник Холи, она вышла на улицу, чтобы сфотографировать праздную толпу, и тут какие-то хулиганы ок-

расили ей волосы несмывающимися красками. Теперь бедная женщина мечтала только об одном — поскорее добраться до столичной парикмахерской, чтобы привести себя в порядок.

Вход в храм Джаганнатха иностранцам и иноверцам строго запрещен. В него могут войти лишь ортодоксальные индусы, и этот порядок соблюдается. Даже когда раджа Пури взял в жены мусульманку, брахманы лишили его права входить в храм. Об этом напоминают копии божеств, установленные перед входом в храм специально для правителя, чтобы он мог видеть лик Джаганнатха. Не сделали исключения и вице-королю Керзону, увлекавшемуся археологией. Для него была устроена смотровая площадка на крыше библиотеки Радхунандан, напротив храма, чтобы лорд мог оттуда наблюдать за тем, что происходит внутри запретного храмового комплекса. Площадка Керзона до сих пор существует, только с нее можно увидеть внутренний двор, вход в храм, к которому ведет широкая открытая лестница, огромные помещения храмовой кухни, где ежедневно для паломников готовят *маханпрасад* — священную пищу.

По скрипучей деревянной лестнице мы поднялись в здание библиотеки, прошли через внутренние помещения, где в запыленных шкафах хранилась коллекция древних книг, написанных на пальмовых листьях. И на последнем этаже нас встречал директор. Правила приличия требовали получить его разрешение выйти на смотровую площадку, которая практически является крышей библиотеки. Директор встретил нас приветливо, но, когда разговор зашел о том, не возражает ли он против того, что мы выйдем на площадку, он несколько замялся.

— Понимаете, там уже есть люди, — словно оправдываясь, сказал он.

Но мы все-таки двинулись вверх. После полумрака библиотеки, открыв дверь на залитую солнцем площадку, мы не сразу разглядели, кто там находился, а когда глаза привыкли к яркому свету, увидели двух кришнаитов. Они были одеты в пестрые хитоны. Женщина прикрывала голову кончиком одеяния, а бритоголовый мужчина с обгоревшим лбом и ярко-красным носом пытался спрятаться от ярких лучей солнца в узкой полоске тени. Наше появление отвлекло их внимание от храма. Мы с любопытством разглядывали друг друга, как случается с европейцами, когда они встречаются в индийской глубинке и имеют возможность поговорить.

— Откуда вы? — спросили мы этих людей.

— Из Бельгии, — был ответ.

Узнав, кто мы, они не кинулись к выходу, как можно было бы ожидать от кришнаитов в подобной ситуации.

Как-то мы пытались уехать с вокзала Хаура в Калькутте. Тот, кто когда-нибудь хотел выбраться отсюда на такси, знает, какое это испытание. Дело в том, что калькуттских таксистов на вокзале контролирует местная мафия. Взгляду прибывшего открывается длинная очередь на такси: здесь толпятся люди с детьми, чемоданами, тюками постельных принадлежностей, кувшинами, термосами, коробками. За порядком в очереди присматривает полицейский, но подъезжающие машины останавливаются в стороне. Если встать в очередь часов в восемь, то к двенадцати можно уехать. Опытные пассажиры в очередь не встают, а пристраиваются где-нибудь в сторонке, можно даже рядом с полицейским. Через несколько минут возле вас обязательно появится юноша в модных брюках, яркой рубашке, тщательно выбритый, с аккуратными усиками и приглаженными маслом волосами и предложит свои услуги. Узнав название нужной гостиницы, он назначает цену раза в три выше стоимости по счетчику. Все равно приходится соглашаться — пешком с вещами по жаре добраться до места трудно, а мысль, что придется ждать такси под палящим солнцем несколько часов приводит в ужас.

Такой юноша подвел нас на этот раз к такси, в котором уже сидели три пассажира — две женщины рядом с водителем и мужчина на заднем сиденье. (В Калькутте полиция не обращает внимания на количество пассажиров в машине.) Он взял с нас две трети от названной суммы и сказал, что остальные деньги мы должны отдать водителю. Обычно таксисты опасаются связываться с бандой, контролирующей привокзальную площадь. Ведь если водитель возьмет все деньги с пассажиров за проезд себе, то такое сойдет ему лишь раз, после чего ему на вокзале Хаура лучше больше не показываться.

Машина тронулась, и вскоре между нами завязался разговор. Мы ехали в гостиницу «Фаэрлон», которая находится в центре города, рядом с главной улицей, а нашим спутникам нужно было ехать дальше, за Парк стрит. Но они не знали названия нужной улицы, то ли Ханджерфорд, то ли Мойра стрит. Там есть две гостиницы — «Хиндустан Интернешнл» и «Кенилворс».

— Нам вовсе не нужна гостиница, — сказал мужчина, — мы едем в общество «Сознание Кришны».

Водитель кивнул головой — он знал, где находится миссия общества. Они были одеты в европейские костюмы, поэтому мы не сразу поняли, что они кришнаиты.

— Мы едем в ашрам общества «Сознание Кришны», — пояснил мужчина.

— Здесь, кажется, не было раньше ни храма, ни миссии, а ваш центр расположен где-то возле Матхуры, в Бриндабане?

— Да, мы оттуда и приехали. В Калькутте теперь тоже есть миссия.

Беседуя, мы миновали вечно запруженный машинами и трамваями мост Хаура и уже подъезжали к центру, и тут наши спутники поинтересовались, кто мы и откуда приехали. Наш ответ вызвал такую бурную реакцию, что мы даже растерялись. Женщины, повернувшись, сначала уставились на нас испепеляющими взглядами, а затем стали дергать ручку дверцы, собираясь очевидно, выпрыгнуть на ходу из машины. Таксист пытался придержать дверцы, а мужчина громко хохотал. В конце концов он успокоил женщин, и мы в молчании доехали до «Фээрлона». При прощании женщины все еще не могли скрыть свою неприязнь к нам, а мужчина, смеясь, произнес несколько раз: — Хари Кришна.

КРИШНАИТЫ

Эти кришнаиты-бельгийцы раньше с «живыми русскими» не встречались и уж совсем не ожидали увидеть их здесь. Бельгийцы приехали в Пури три дня назад, чтобы посетить храм и провести свой фестиваль. После обеда должна была подъехать еще одна группа из Бомбея.

— Но ведь в храм пускают лишь индусов, на что вы рассчитываете? — в свою очередь удивились мы.

— По этому поводу наш гуру уже ведет переговоры. Они обязаны пустить нас в храм, — убежденно говорил мужчина. — Мы имеем больше прав на посещение Джаганнатха, чем они. Если говорить об ортодоксальности, то это мы, кришнаиты, верны ортодоксальному учению. Индусы его выхолостили, приспособили под свои нужды и интересы. Мы способны на духовное обновление. Посмотрите вокруг, разве можно представить себе, что все эти торгаши и калеки могут достичь совершенства духа?

Он показал рукой в сторону площади, и мы невольно перевели взгляд туда, куда он указал. Внизу, на площади, было оживленно, оттуда доносились отдельные выкрики. Перед центральным входом, у которого была установлена табличка с надписью «Вход разрешен только ортодоксальным индусам», несколько кришнаитов пытались проложить себе дорогу в храм. Их сдерживали брахманы и полицейские. Вокруг возбужденно галдели паломники.

— Почему другие члены секты носят однотонные одежды, а вы пестрые? — попытались мы перевести разговор с «теологической темы».

— Мы оба проповедники брюссельского отделения «Сознания Кришны».

— Вы давно в Индии?

— Мы здесь уже почти две недели. С нами первосвященник, его можно узнать по трезубцу, возможно, вы его видели. Он привел нас в Индию, чтобы мы увидели страну, где зародилось движение кришнаитов. Мы уже побывали в святом городе Бриндабана, где в храме Радхи Дамодары скромно жил Свами Прабхупада, основатель движения. Теперь надеемся, что вознесем молитвы лику Джаганнатха. У нас на Западе многие ошибочно считают, что деньги и комфорт сделают их счастливыми. Находясь в плену иллюзий, они пытаются быть счастливыми, создавая материальный комфорт, служа собственным инстинктам. Но они так никогда и не узнают, что такое счастье. Тот, кто пребывает в «Сознании Кришны», имеет возможность совершать все свои действия ради Кришны и таким образом полностью отрешиться от чувственного удовлетворения. «Сознание Кришны» помогает людям вырваться из неведения материального существования.

— Вы занимаетесь только проповедями?

— Не только проповедями, но и распространением печатных изданий. В организации есть такой отдел. В этом материальном мире необходимо трудиться для поддержания существования. Думая о Шри Кришне, мы должны выполнять свои обязанности как можно лучше. «Международное общество сознания Кришны» издает много литературы на разных языках, в том числе и на русском.

— В СССР ваша литература не попадает.

— Отчего же? Попадает.

— Каким образом?

— По-разному, — уклончиво ответил кришнаит, но потом пояснил: — Мы отправили много литературы на Московскую международную книжную ярмарку.

— Разве книги «Сознания Кришны» были среди экспонатов?

— Нет, к сожалению. Но ни одна книга не вернулась в Бельгию, все остались в России. Ваши люди очень интересовались этими книгами и с удовольствием тайком уносили книги, которые старательно распространяли наши посланники.

Солнце поднималось все выше, стало невыносимо жарко, и кришнаит все труднее находил тень на крыше, чтобы как-то спрятать обожженное лицо. Муж и жена заторопились — они вспомнили, что какой-то индуспаломник должен был вынести им из храма *махапрасад*. Об этом они договорились с ним еще утром.

— Как, вы не пробовали священную пищу? — удивились они. — Не уезжайте из Пури, пока не попробуете. Договоритесь с паломниками, они обязательно вынесут вам махапрасад. Его подают только тем, кто попадет в храм.

— Хари Кришна! — прозвучало на прощание.

Вскоре после их ухода в двери, ведущей на площадку, появился директор библиотеки. Он поинтересовался, почему мы так долго оставались на крыше и о чем столько времени беседовали с кришнаитами.

— А что вы сами думаете об обществе «Сознание Кришны»? — не удержались мы от встречного вопроса.

— Они поклоняются богу Кришне, а он — Джаганнатх, восьмое воплощение Вишну. Поэтому они и устраивают здесь весь этот шум и беспорядок, — сказал директор, глядя в сторону площади. — Эти люди называют себя индусами-кришнаитами, но в предыдущей жизни они совсем не заботились о своей карме и не обеспечили себе рождение индусами. Индусом стать нельзя, им нужно родиться. Если эти люди индусы, то к какой касте их следует отнести? Они, как и все, кто исповедуют другие религии и принадлежит к иным культурам, с нашей точки зрения, стоят ниже неприкасаемых. Если хоть один из них попадет в храм, он осквернит его.

— Такие случаи все-таки бывали?

— На моей памяти только один. Служители храма, полицейские и паломники обычно внимательно следят за теми, кто входит в храм. Однажды какой-то европеец умудрился проникнуть туда. Его обнаружили в святилище. Безумцу повезло, потому что вовремя вмешалась полиция, и паломники не успели с ним расправиться. Нарушителя арестовали и судили. Этот человек осквернил храм и махапрасад, который готовили в храмовой кухне.

Пришлось уничтожить священную пищу и служить специальную пуджу для очищения. Кришнаита приговорили к штрафу. За пропавший махапрасад он должен был заплатить большую сумму.

Вместе с директором мы спустились в библиотеку. Он показал нам древние книги, написанные на пальмовых листьях. Они удивительно хорошо сохранились. Цветные рисунки поражали свежестью красок. Металлическим заостренным крючком директор нанес несколько слов на свежий пальмовый лист, как это делали в древности. Он заверял, что книгам несколько столетий.

Когда мы покидали библиотеку, появился аккуратный старичок и протянул толстый журнал, чтобы мы поставили свои подписи. Это был уже хорошо знакомый трюк, который практикуют не только в Пури, но и в других местах, куда попадают иностранцы. Передав ему деньги и поблагодарив директора, мы собрались уходить, но старичок с торжественной неторопливостью и чувством долга все же просил нас расписаться в журнале и самим проставить сумму. «Здесь нет никакого обмана, таков порядок», — читалось в его глазах.

С наступлением темноты на площади перед храмом кришнаиты соорудили большой помост, разместили на велорикшах динамики и усилители. Храмовые власти так и не дали им разрешение на посещение храма, и, запустив технику, тысяча собравшихся кришнаитов сотрясала своими мантрами стены храма и покой жителей города. Наутро индийцы сетовали, что такого безобразия еще не знала древняя история храма.

И хотя кришнаиты в храм не попали, они остались весьма довольны своим «фестивалем». Мы видели, как они садились в арендованные туристские автобусы «Калькутта — Пури». Паломники на центральной площади с любопытством наблюдали за их отъездом. Увидев нас, кришнаит-предводитель приподнял трезубец и невозмутимо-спокойно произнес:

— Хари Кришна.

ИНОСТРАНЦЫ В БОДХ ГАЕ

В Бодх Гае иностранцы держались сдержанно. Может быть, обстановка буддийского центра создавала особое настроение, накладывала на их поведение особый отпечаток. Возле ступы «Открытые глаза» парни спокойно отдыхали, наблюдая

за паломниками из Непала, совершавшими последний круг *парикрамы*.

— После того как Непал ограничил въезд таких молодых людей, здесь их стало значительно больше, — сказал Тензин. — Трудно понять, что влечет их сюда — желание познать истину или возможность достать наркотики. С их появлением участились кражи из музеев и храмов. Там ночью практически нет никакой охраны.

Эти слова мы вспомнили спустя два года, когда в газетах появилось сообщение об ограблении музея в Бодх Гае. Маленькие музеи в провинции не имеют сигнализации, на ночь их закрывают на обычный висячий замок, и его символически охраняет ночной сторож, *чоукидар*, который вооружен лишь бамбуковой палкой. Соблазн же для грабителей велик, ведь даже в маленьких музеях хранятся экспонаты, имеющие большую историческую и художественную ценность, уникальные шедевры, за которые многие частные коллекционеры готовы заплатить любые деньги.

Пройдя к выходу вдоль ограды Ашоки, украшенной изображениями людей и животных, мимо главного колокола, мы снова оказались на площади и зашли в небольшой кантин. Там хозяин неторопливо заваривал чай с молоком. За соседним столиком с отрешенным видом перед недопитой чашкой сидела европейская женщина. На ней была грязная одежда, в руках она держала дешевую, вероятно «заряженную», сигарету — биди.

Пока хозяин готовил нам чай, мы рассматривали схему Бодх Гаи. В это время в кантин вошли те парни, которые сидели на лужайке возле ступы. Они присели за наш столик. Оказалось, что до приезда в Бодх Гаю эти американцы из Бостона побывали в Непале и уже несколько дней жили здесь в дхарамшале. Время они проводили в храмах, наблюдая за обрядами паломников, и в местных кантинах, где можно покурить гашиш. Парень в майке и в джинсах назвался студентом и сказал, что изучает религии мира.

— А что вас привело сюда? — спросили мы его друзей. Один ответил, что его привлекает мудрость Востока, таинственность буддизма и, конечно, гашиш, который тут в изобилии. «Травка» дешевле и лучшего качества, чем в других местах.

— Что тут удивительного? Здесь так интересно. — сказал недоуменно парень с густой рыжей бородой и длинными волосами. На шее у него висели мусульманские четки для молитвы.

Во время остановки на *Джи-Ти-Роуд* мы встретили такого «путешественника». Он был завернут в пестрое клетчатое одеяло, а нечесаная борода и длинные локоны делали его похожим на пушистого медведя. Он брел по дороге с деревянным посохом в одной руке и металлической чашкой в другой, бормоча «*Ом Хари, Хари Кришна*» под звон колокольчика, привязанного к кисти руки. Бородатый поклонник Востока направлялся в *Непал*.

— В *Непал*, к девушкам-неваркам. Вот где я прекрасно проведу время!

Видя, что мы его не совсем поняли, он попытался объяснить нам, что у непальских девушек из народа неваров есть своеобразный свадебный обряд — еще в детстве девочек формально выдают замуж за дерево бенгальской айвы. Во время свадебного обряда плод дерева бросают в священный ручей, закрепляя таким образом прочность и незыблемость брака. Неварка, достигнув брачного возраста, вольна выходить замуж столько раз, сколько пожелает. При этом соблюдается одно условие — за ночь до того, как она решит взять себе нового мужа, она должна положить под подушку нынешнего супруга орех бетеля. Неизвестно, где он услышал эту легенду, но было похоже, что воспринял ее всерьез. Из *Дели* сюда его подвез водитель грузовика, *сикх*.

— *Бенгальская айва! Орех бетеля!* — без конца восторженно повторял он.

ТИБЕТСКИЙ ХРАМ

На противоположной стороне площади, в маленьком аккуратном саду стоит тибетский храм. Это было уже не такое древнее сооружение — храм построили в 1938 году. Сам храм расположен на втором этаже, а на первом, во внутреннем дворе, находится большое колесо Закона — *дхармачакра*. Для буддистов поворот этого колеса равносильно произнесению молитвы. Туристам здесь предлагают загадать желание и, для того чтобы оно исполнилось, повернуть *дхармачакру*. Сколько поворотов колеса, столько желаний исполнится, и колесо почти все время вращается.

Изящные колонны поддерживают свод прямоугольного помещения, где расположен главный алтарь. На стенах фрески, изображения божеств тибетского пантеона, хранителей ворот в устрашающих голубых масках. Трехгла-

ые чудовища с оскаленными клыками и обнаженными мечами исполняют танец смерти. Мистические существа плывут по зеленым, красным и золотистым облакам. Там же нарисованы небесные нимфы — *дакини*. Запомнилось лицо Будды в сценах, изображающих эпизоды из его жизни, — оно выражает сострадание. На большом, во всю стену, алтаре установлена главная фигура — скульптура Майтрейи, грядущего, последнего воплощения Будды, а впереди многочисленные позолоченные изображения Будды и Тары. Дым и запах от благовонных палочек смешивался с сильным запахом мускуса.

На черном фоне стены с чашей из человеческого черепа и скипетром, излучающим молнию, в покровительственной позе застыл Драгоценный гуру Падмасамбхава — «Рожденный лотос». Тензин Гейше пояснил, что буддисты почитают его как второго исторического Будду. Он прожил удивительную предыдущую жизнь, многие события которой перекликаются с эпизодами из жизни Гаутамы. Лама подробно рассказал нам, что Драгоценный гуру Падмасамбхава обучал йоге студентов буддийского университета в Наланде и был великим знатоком оккультных наук. Однажды тибетский правитель пригласил его к себе в гости. Приглашение было принято — Драгоценный гуру Падмасамбхава воспользовался им, чтобы распространить буддизм в Тибете.

Тут наше внимание привлёк образ с зажатым в правой руке скипетром, тоже излучающим молнию, а в левой — кинжалом с тремя лезвиями. Объятый языками пламени, он мчался верхом на тигрице.

— Пламя олицетворяет божественную энергию, скипетр — нерушимость учения Будды, а ритуальный кинжал — динамические свойства высшей сферы, — пояснял лама. — Это Джордже Троло, гнезное появление Драгоценного гуру Римпоче, который обладал мистической способностью — *сиддхи*. Говорят, что Драгоценный гуру мог появляться одновременно в разных местах и разных формах в зависимости от учения дхармы и в соответствии с образом жизни и характером людей, перед которыми предстал. Всего у него было восемь форм. Вступив в битву с силами зла, препятствовавшими распространению учения Будды, он появился как Джордже Троло, как воплощение динамических свойств энергии, той энергии, которая преодолевает иллюзии отдельной личности, уничтожает веру в самостоятельное существование предметов. Его освобождающее действие осознания высшей сферы выявляет три

главные причины непросветленного существования — жадность, враждебность и невежество. В «колесе жизни» их представляют животные: петух — страсть и жадность, змея — враждебность и ненависть, свинья — невежество и самомнение.

Показал Тензин Гейше и изображение Авалокитешвары, бодхисаттвы безграничного милосердия, которого Будда избрал хранителем буддизма в Тибете. Испытывая безграничное сострадание ко всем живым существам, он дал клятву освободить людей от страданий и оков земной жизни. Буддисты верят, что ради этого он вновь добровольно спустился на землю уже после достижения нирваны. На рисунках в храме Авалокитешвара изображен с четырьмя руками, две руки соединены в молитвенном жесте, две другие держат четки и цветок лотоса. Именно к нему обращена известная мантра буддистов «*Ом Мани Падме Хум*», написанная на молитвенном колесе, которое тысячи раз в день вращают паломники. Шесть слогов мантры наполнены глубоким философским смыслом, произнося эти слова, можно достичь освобождения от сферы непросветленного существования.

Вместе с Тензином мы рассматривали мандалу — круглый мистический рисунок, служащий для медитации и посвящения в монахи. Это не просто геометрический узор, а серия композиционно сложных, тщательно выписанных, многоцветных рисунков. Изображенный в центре Будда и четыре хранителя ворот, расположенные по углам, должны приносить благословение и удачу всем, кто проходит под мандалой. Здесь, в храме, мандала нанесена на потолок красками, как фреска, а в буддийских общинах временный рисунок мандалы делается сухими красками за день до проведения церемонии посвящения. Метод, которым выполняется мандала, и значение каждой детали передается из поколения в поколение, от учителя к ученику. Секреты, связанные с обрядом, никогда не разглашаются непосвященным, и после окончания ритуала мандала стирается.

Тензин знаком пригласил нас следовать за ним по коридору. Открыв дверь в большую комнату, мы попали в помещение, где хранились длинные узкие книги в деревянных обложках. Некоторые из них были завернуты в плотную ткань. Доступ к книгам библиотеки разрешен только ламам. Следующая дверь вела в помещение для медитации. Она была приоткрыта, и в щель можно было увидеть прекрасные бронзовые фигурки Будды и Тары. Между ними стояла серебряная чаша в форме цветка лотоса, до краев наполненная водой, а на поверхности плавали лепестки роз.

По коридору мимо нас прошла высокая стройная европейка. Она промелькнула так быстро, что нам запомнились лишь ее синие жгучие глаза, обритая наголо голова и темно-красный монашеский хитон. Судя по знакам внимания, которые ей оказывали, она занимала в монастыре высокое положение. Интересно, как попала сюда европейская женщина, как могла стать монахиней в тибетском храме, тем более что даже в былые времена они редко вступали в сангху? Но монахиня уже скрылась за дверью, ведущей во внутренние жилые помещения монастыря.

— Вот и ответ на ваш вопрос о том, что может привести человека к нам, — сказал Тензин Гейше. — Вы видели сейчас Камилу. Конечно, это не мирское ее имя. То имя теперь не имеет значения. Она выросла на Юге Индии. Отец ее был англичанином, он занимал видный пост на колониальной службе. После того как Индия получила независимость, он остался здесь работать. Выйдя в отставку, он не захотел уезжать в Англию и поселился с семьей в Бангалуре. Камилла же уехала на родину, закончила там университет и получила диплом врача. Родители думали, что дочь останется в Англии, но она вернулась в Индию. Во время учебы в университете девушка познакомилась с молодым человеком из союзной территории Аруначал-Прадеш. Молодые люди полюбили друг друга. Ее покорили его рассказы о Севере Индии, так непохожем на родной Юг. Гималаи, покрытые вечными снегами, густые леса, горные ущелья с быстрыми реками, водопады, долины, утопающие в цветущих фруктовых садах, альпийские луга, удивительные обычаи и обряды людей гор — все это завораживало и манило. Будущее рисовалось ясным, как солнечный день, — они поедут в Аруначал-Прадеш и будут там вместе работать, лечить людей. И действительно, они поселились в Бомдиле, в доме, из окон которого открывался вид на Гималаи, работали в госпитале. Наступил радостный день — у них родился сын. Люди уважали и любили их. Они были счастливы.

Шло время, но основные испытания были еще впереди. Однажды, когда муж с сыном возвращались из главного города территории Итанагар, началась страшная гроза. Гроза в горах опасна всегда, тем более после сильных дождей, ливших несколько дней подряд. Горный поток обрушился на дорогу, по которой ехали отец с сыном. Через несколько дней их тела обнаружили за много миль от места трагедии. Велико было потрясение Камиллы. Она не могла больше оставаться на старом месте, жить в том же доме, продолжать работать в госпитале, встречаться со знакомыми людьми.

ми. Женщина пришла к нам, а родные еще долго не знали, где она. Спустя много лет ее семья узнала, что она здесь, в нашем монастыре. В Бодх Гаю приехала ее сестра и пыталась уговорить ее уехать в Англию. Но Камила наотрез отказалась, — у нас она обрела покой, освободилась от желаний и страданий. Если заболевает кто-нибудь из крестьян, она лечит их. Еще в Аруначал-Прадеше вместе с мужем она изучала тибетскую медицину. Многое узнала Камила из старинных книг, которые есть в библиотеке монастыря.

Для буддистов болезнь — это кармические последствия плохих поступков в прошлом, а здоровье — хорошая карма за добродетельные поступки. Человек мало что может сделать, чтобы предотвратить болезнь, лишь совершать необходимые ритуалы. Но болезнь может настичь его не только из-за плохой кармы, но и в результате нарушения покоя местных духов. Самый почитаемый — Нага, дух змеи. Согласно поверью, он обитает в домах, которые стоят на берегу реки, озера или пруда. Духов можно беспокоить невольно, непреднамеренно, и тогда они насылают болезни на кого-нибудь из домочадцев. Чтобы определить причину, принято обращаться к местному астрологу. Тот «определяет», какой дух вызвал болезнь, прописывает лечение, указывает, какие лекарства, приготовленные по рецептам системы аюрведы с применением лечебных трав следует принимать, какой религиозный обряд необходимо выполнить.

Смерть воспринимается легко. Считается, что к этому явлению нужно относиться просто, как к сбрасыванию одежды. Ведь смерть — единственная уникальная возможность достичь окончательного спасения или, в худшем случае, возродиться в другом человеке. Считается, что после смерти сознание человека открыто для общения с тем миром, откуда он ушел. Лама выполняет специальные ритуалы — посвящение и проведение умершего через различные сферы. Похоронная церемония до и после кремации включает специальные обряды, которые выполняют раз в неделю на протяжении сорока девяти дней. Молитвы читают для того, чтобы покойный вновь родился в раю вечного блаженства. Поэтому монахи, совершающие обряды и молитвы, пользуются большим уважением и их присутствие обязательно во время счастливых и печальных событий — при рождении ребенка или свадьбе, болезни или смерти. Их роль всегда велика. В случае несчастья монахов призывают для совершения молитвы, чтобы противодействовать злым силам, а по поводу радостных событий — воздать благодарность добрым благожелательным божествам.

ТАИЛАНДСКИЙ И ЯПОНСКИЙ ХРАМЫ

После посещения таинственного тибетского монастыря и древнего Маха Бодхи игрушечный домик тайландского храма показался нам совсем нереальным. Легкие формы здания, пышное оформление, богатые краски и позолота лишь усиливали это впечатление. Каменные драконы у входа (их назначение — отгонять злых духов), статуя Будды, сооруженная из восьми компонентов, включая камень, металлы и дерево, воспринимались как декорация.

В стороне от дороги стоял японский храм, построенный на средства Международной ассоциации буддийского братства Японии. Этот храм и прилегавшие к нему постройки служили центром подготовки к проведению Всемирного конгресса буддистов. Нигде не было видно паломников, а вокруг кипела оживленная работа. Японские монахи в желтых одеждах вместе с мирянами трудились на открытой площадке перед храмом. Здесь сооружался внушительного вида шатер, в котором будет проводиться Всемирный конгресс.

Мы покидали Бодх Гаю под сильным впечатлением от первой встречи с буддизмом. Он давно покинул Индию, оставив лишь центры паломничества, оазисы веры, куда стремятся теперь буддисты из других стран. Не потеряет ли Бодх Гая от наплыва посетителей и проводимых здесь конгрессов свою сущность, таинственность и величепие, волнующие воображение? Не исчезнет ли древняя, понятная немногим посвященным культура, на которую посягают реалии современного мира? Не вытеснят ли новые ложные ценности ее привлекательность и достоинство, как линейное восприятие времени постепенно теснит циклическое представление, которое символизирует дхармачакра? Только будущее может дать ответы на эти непростые вопросы...

ГАЯ

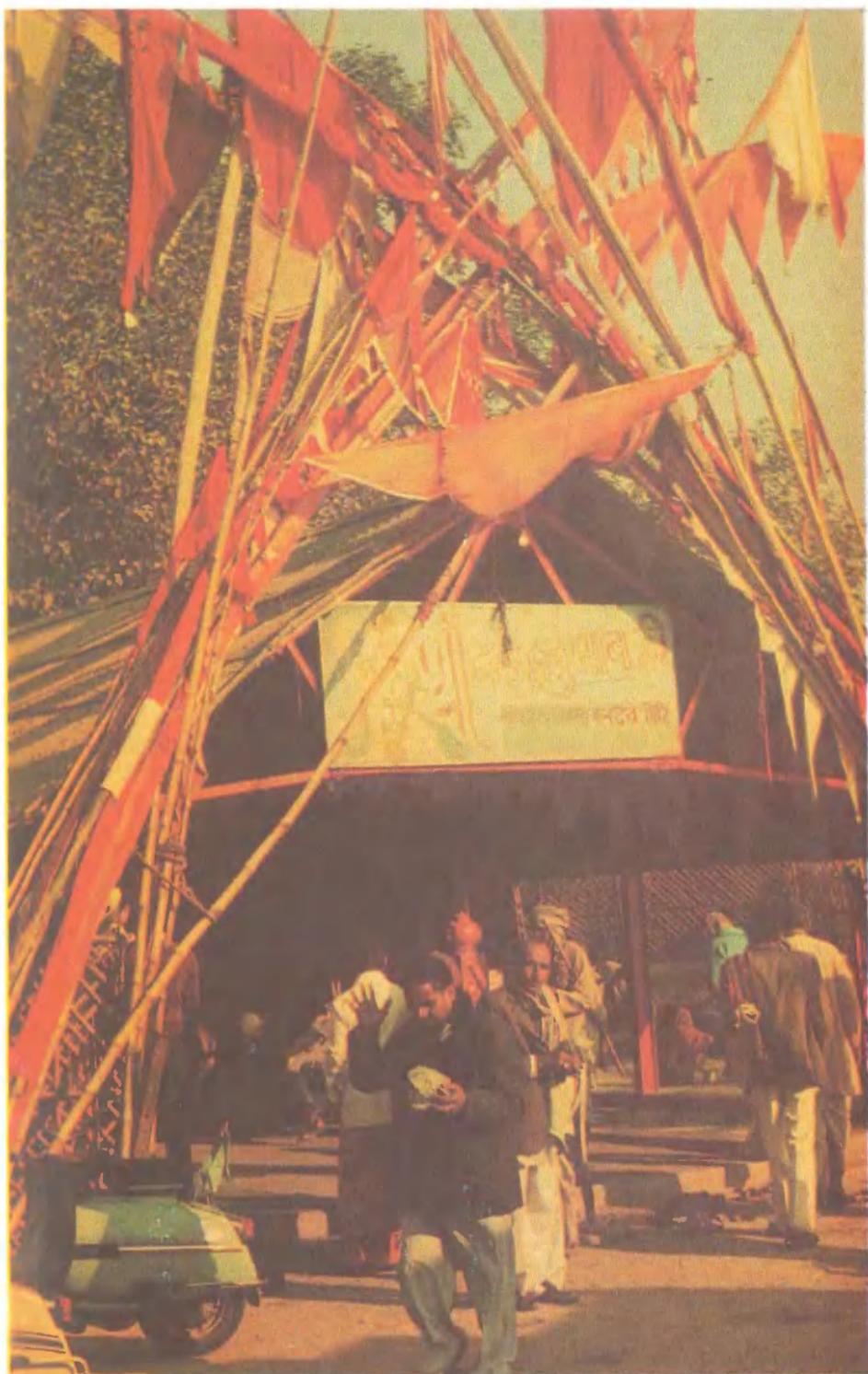
Гая стоит лишь в нескольких километрах от Земли прозрения, но тут нет никакого намека на близость к родине буддизма. Это один из самых древних и священных для индусов городов Индии, глубоко связанный с традициями индуизма. Согласно легенде, Вишну предсказал, что скала, на которой сейчас расположен город, будет названа Гая Кхэтра, а тот, кто совершит здесь подношение *пинди*, особых поминальных пирогов, и отслужит специальную

надула, помогла даже умершего освободиться от земных уз и похоронила пиндию с родственниками и близкими, ушедшими из этой жизни. Поэтому с давних времен индусы говорят:

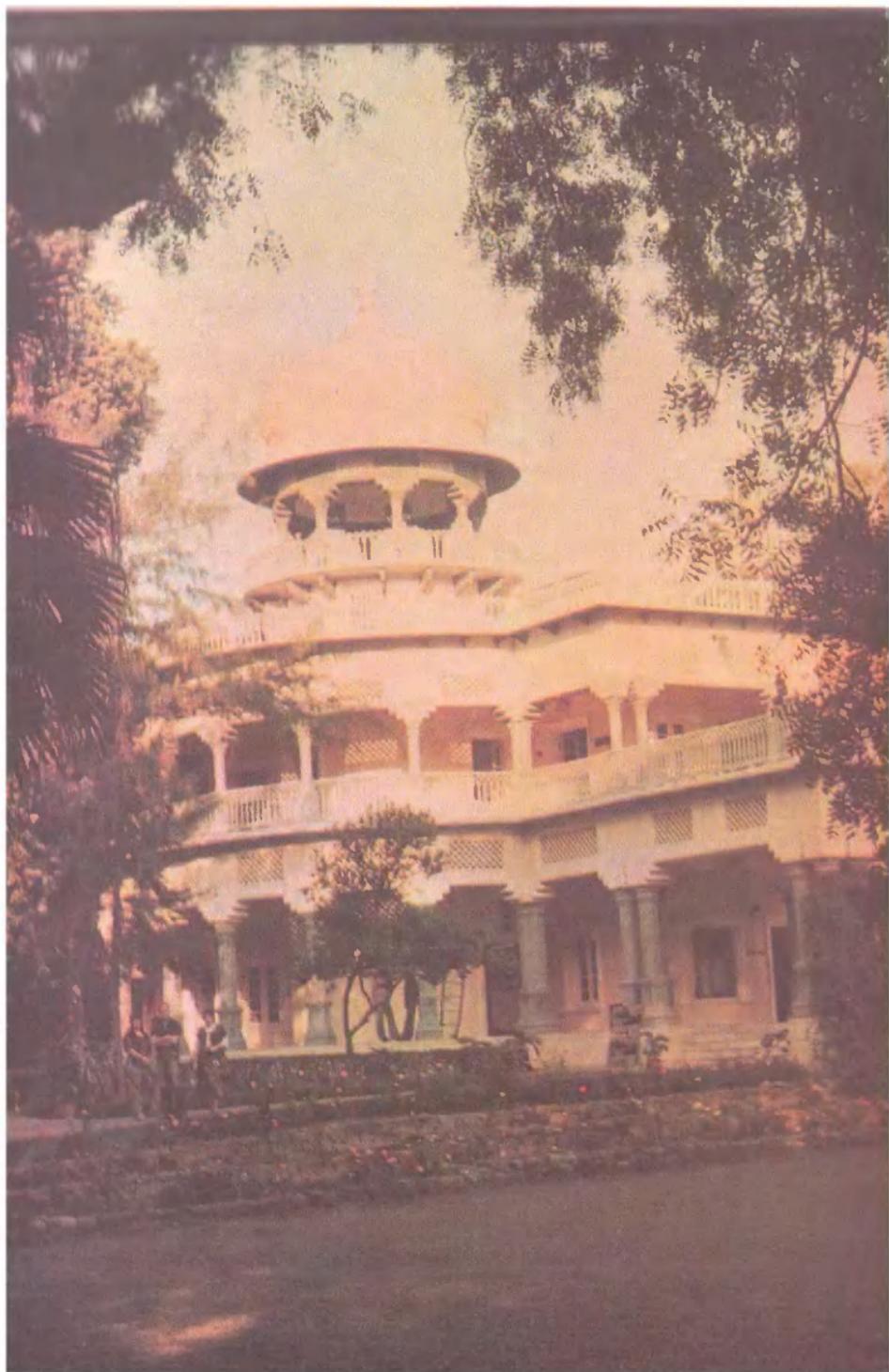
«Что в том, что я мужчина, если в Гаю не иду и предкам в жертву рисовых пирогов не приношу?»

И много веков тысячи паломников приходят в Гаю, чтобы почтить память умерших пуджей и подношением пинди. Трудно усмотреть в облике Гаи какие-то черты, которые выделили бы ее, отличили от других провинциальных городков. Как и в тысячах городов-близнецов, центральная улица города встречает бесконечными рядами магазинов, яркой рекламой на английском и хинди, нагромождением лавочек, мрачными темно-красными административными зданиями, построенными англичанами в начале века. Бравые полицейские-регулирующие в ослепительно белых рубашках, подпоясанных португеей, пытаются навести порядок в потоке велосипедистов, велорикш, мотороллеров и пешеходов. Машин мало, а в боковых улочках их вообще нет. Там можно протянуть руку из машины и потрогать гирлянды желтых бархатцев, висящих в лавочках. Чем дальше мы углублялись в Гаю, тем больше внимания и интереса привлекали к себе. Иностранцы здесь редкость. Торговцы и покупатели с любопытством разглядывали нашу машину. С балконов и окон многоэтажной казармы, завешанных выстиранной одеждой, выглядывали удивленные лица солдат. Водитель старался не зацепить прохожих или какую-нибудь священную корову, которых здесь множество. Они совсем не торопились уступать дорогу, считая себя в большей степени хозяевами на этой улице, чем машины. Улица привела на площадь, где стояло высокое здание дхармашалы с балконами во всю длину, окруженное террасами сада с цветущими кустами роз. Прямо перед нами находился храм Вишнупада — главная достопримечательность и святыня Гаи. По преданию, он построен на том месте, где остались отпечатки ног Вишну. Тяжеловесное восьмиугольное сооружение из серого камня с пирамидальной крышей венчает позолоченный шпиль с флагом. За храмом просматривалась река с широкими песчаными берегами.

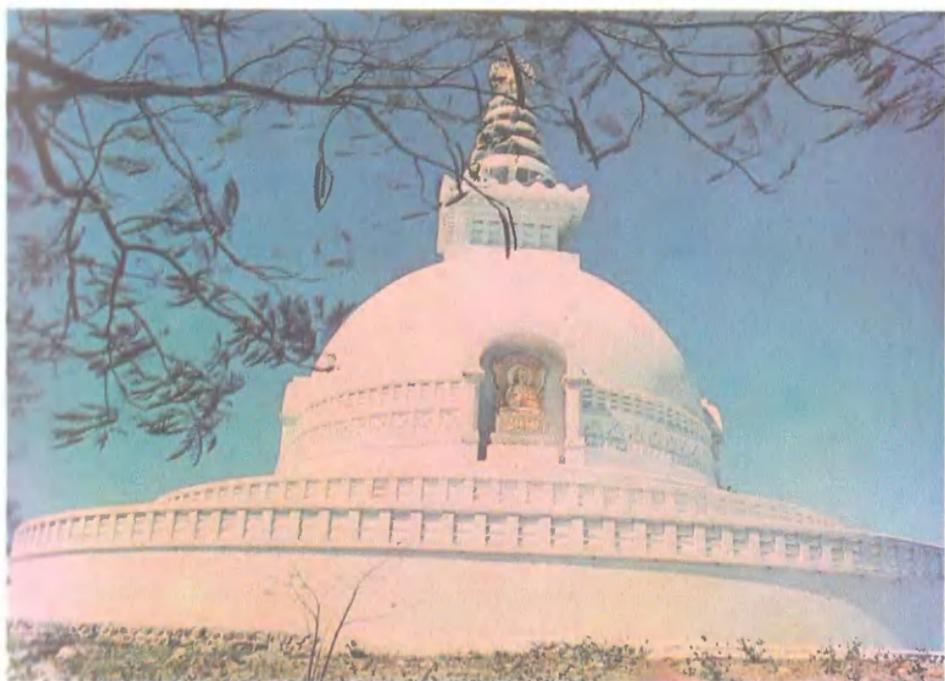
Появился стройный худощавый брахман с выразительными темными глазами, крылатым разлетом бровей и венчиком совершенно седых волос. Если бы не седина, ему можно было дать не более тридцати лет. Он был завернут в белую ткань, через левое плечо спускался витой шнурок — знак принадлежности к высшей касте. Дваждырожденный на прекрасном английском языке объяснил, что храм осмот-

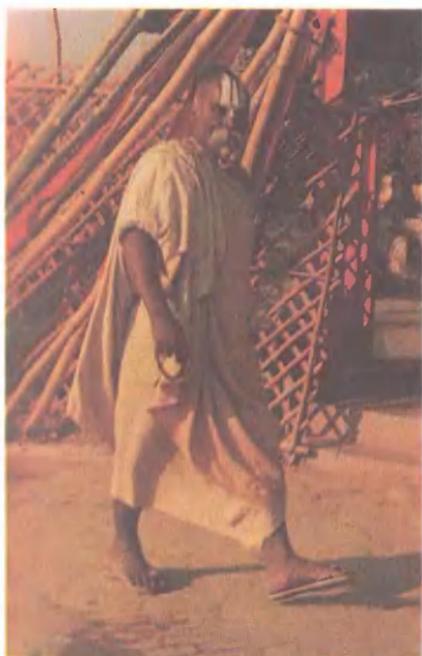
Паломники после омовения (Аллахабад, Сангам)

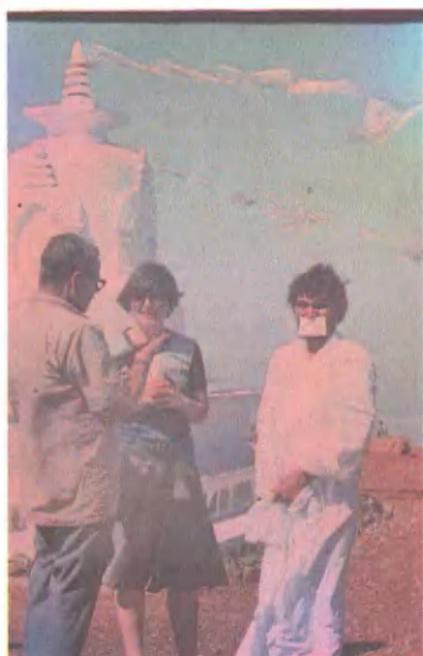
Ананд Бхаван — мемориальный музей
Джавахарлала Неру (Аллахабад)

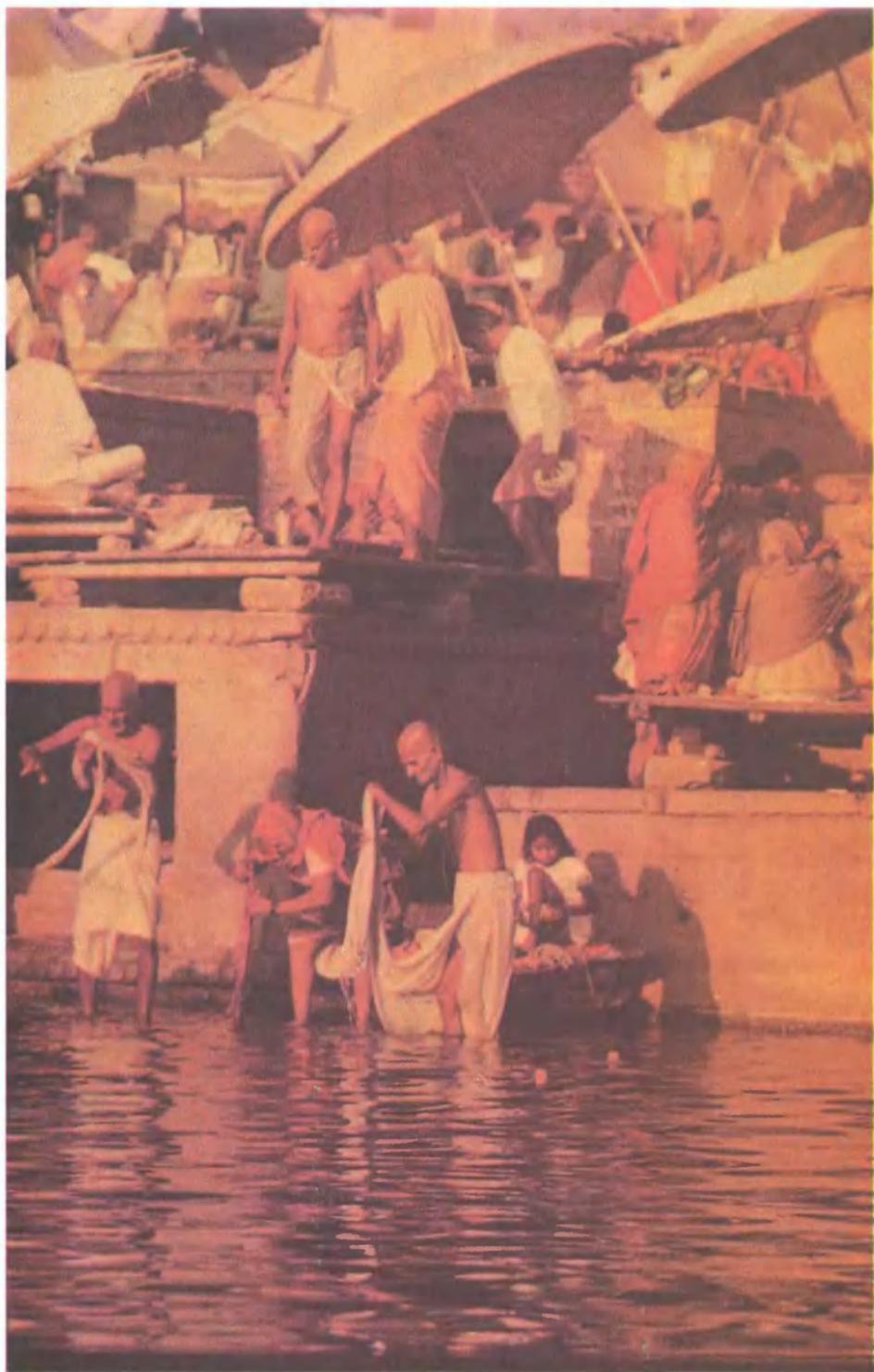
Ступа Вишва Шанти

**Садху, украсивший свой лоб
шаком бога Вишну
(Аллахабад)**

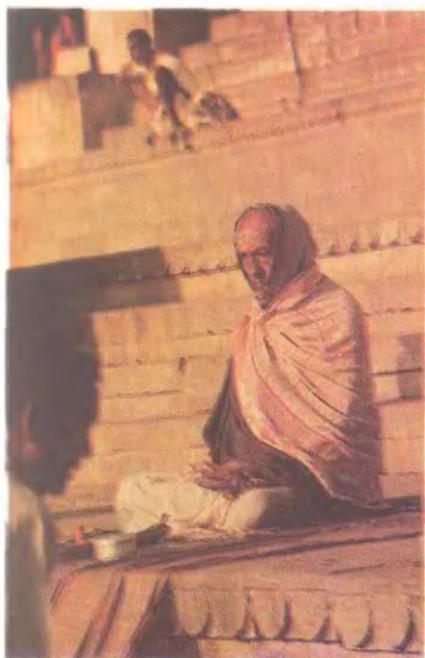
Встреча на вершине Шанти

Утреннее омовение в водах
священного Ганга (Варанаси)

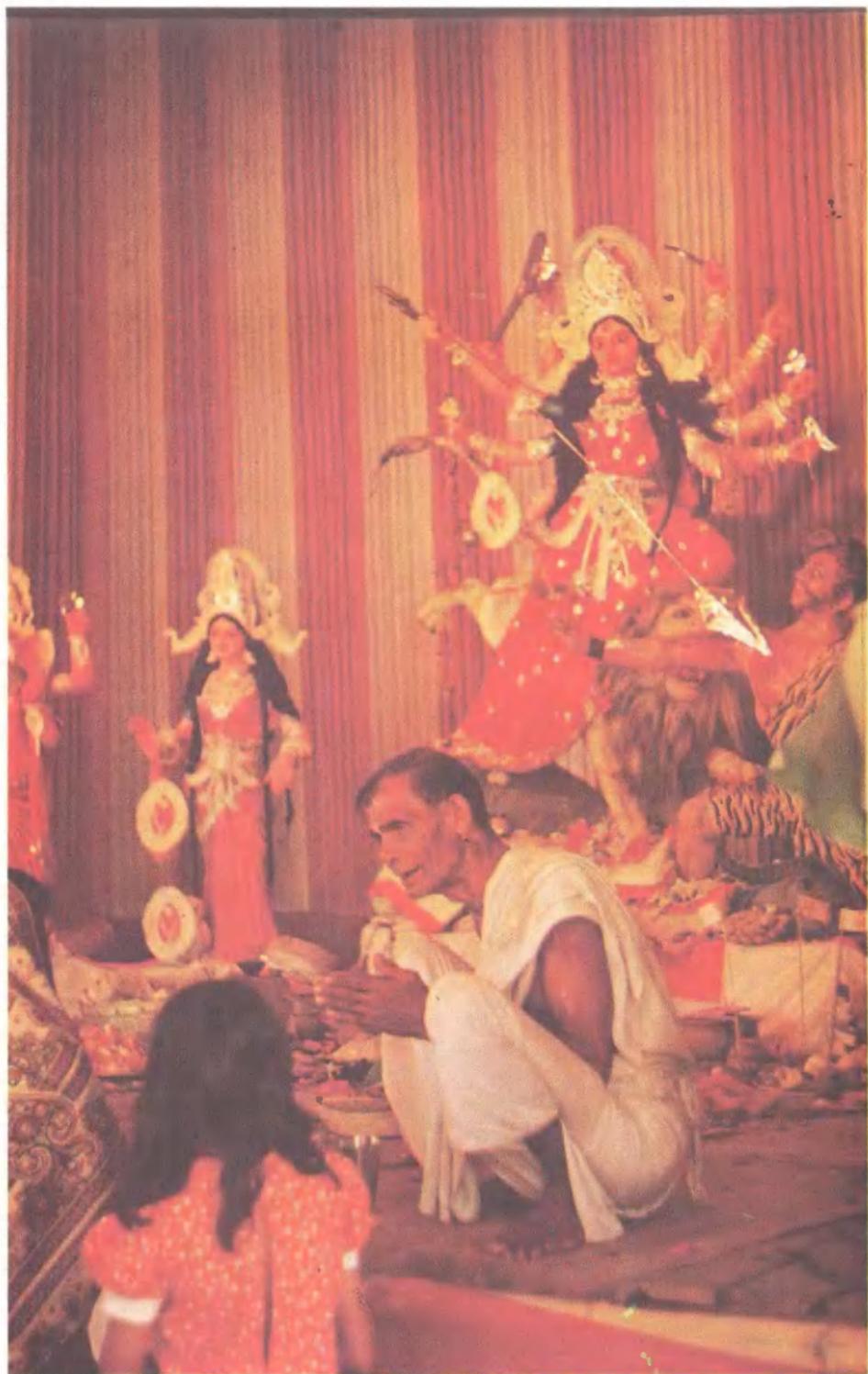
Джайны-шветамбары (Параснатх)

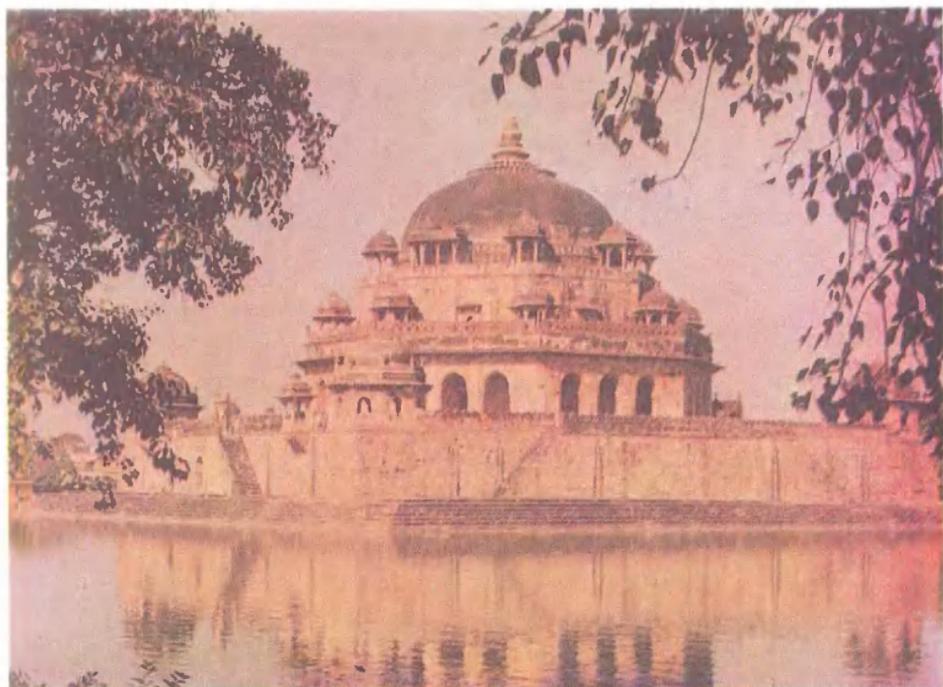
**Садху — поклонник Шивы
медитирует на священных
ггатах Дасасвамедха
(Варанаси)**

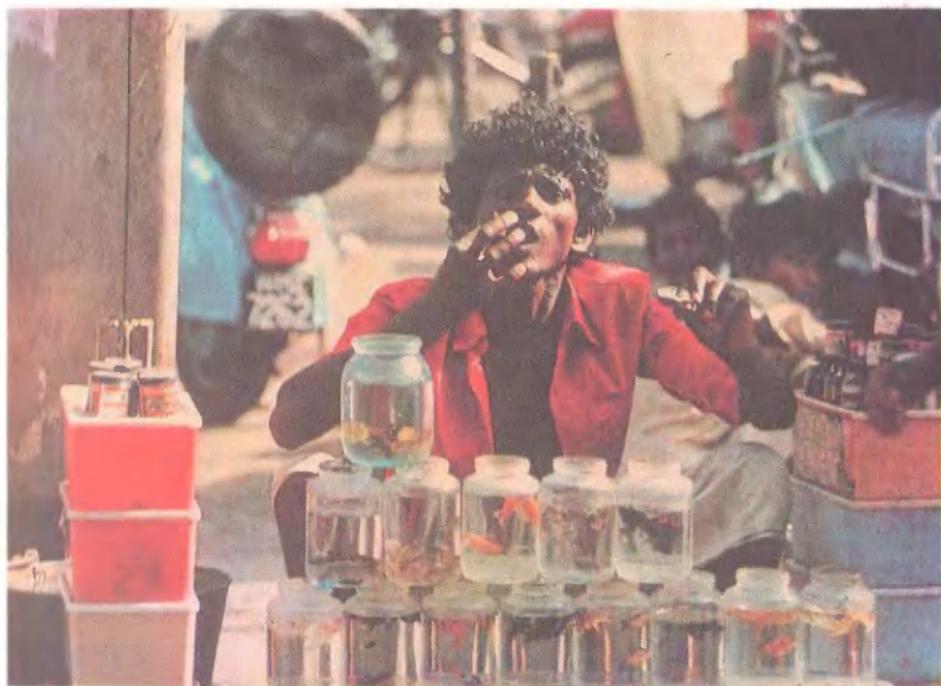
**Служанка-вдова
ожидает хозяйку
в купальне (Раджгир)**

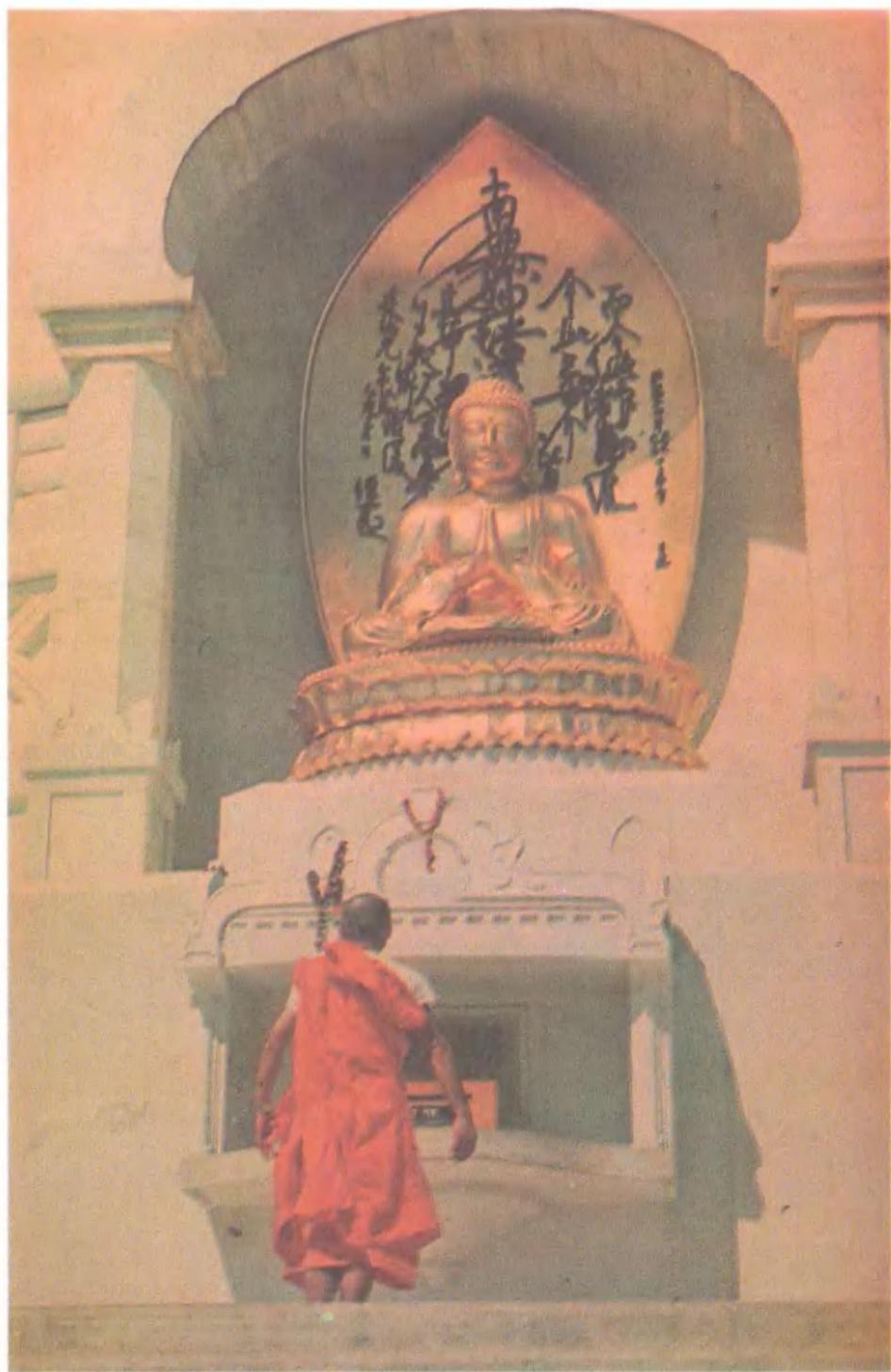
**Брахман в храме принимает жертвоприношение
во время Дурга-Пуджи**

Гробница Шер-шаха (Сасарам)

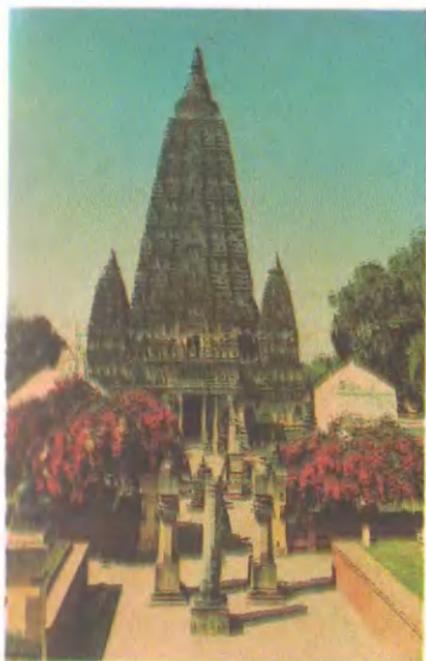
Торговец рыбками на Нью-Маркете (Калькутта)

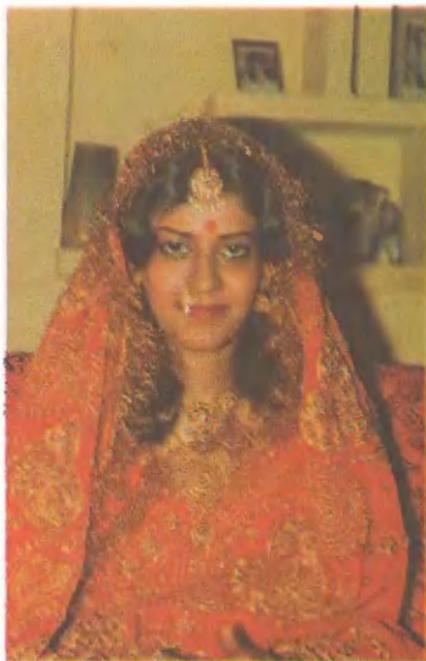
Утренняя молитва японского монаха
(Вишва Шанти)

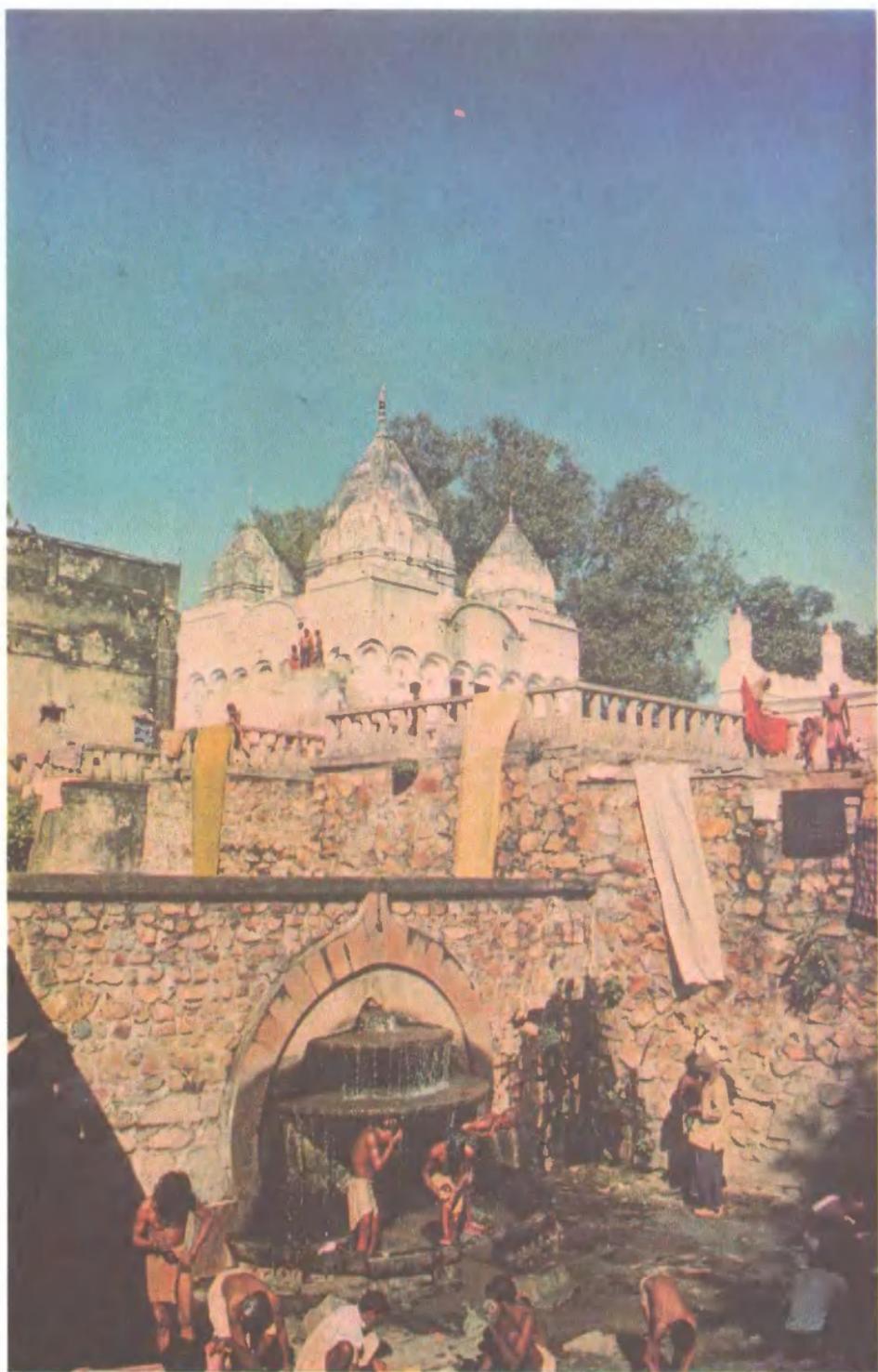
На улице Часа

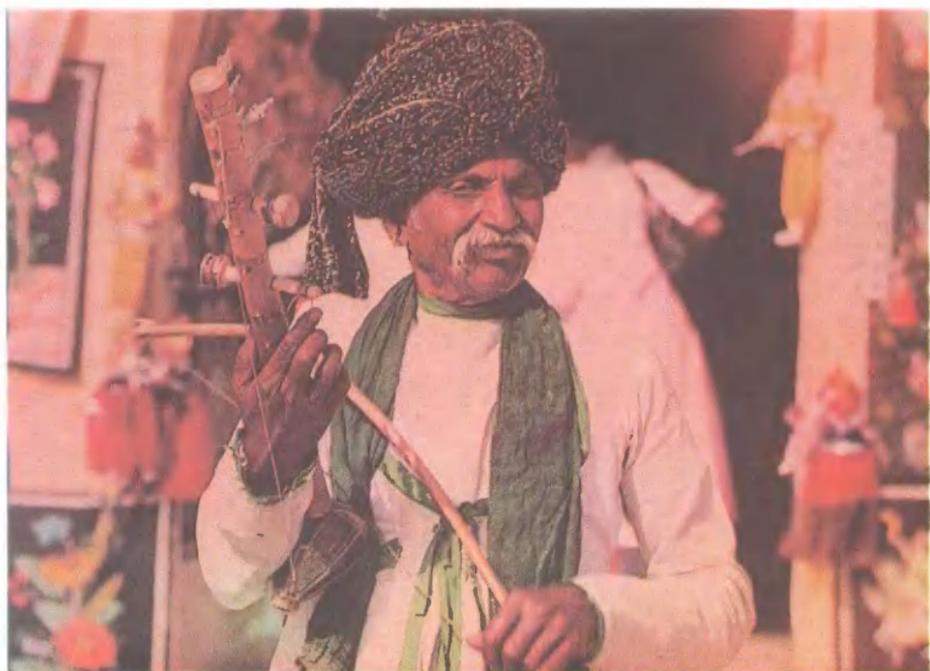
Храм Маха Бодха
(Бодх Гая)

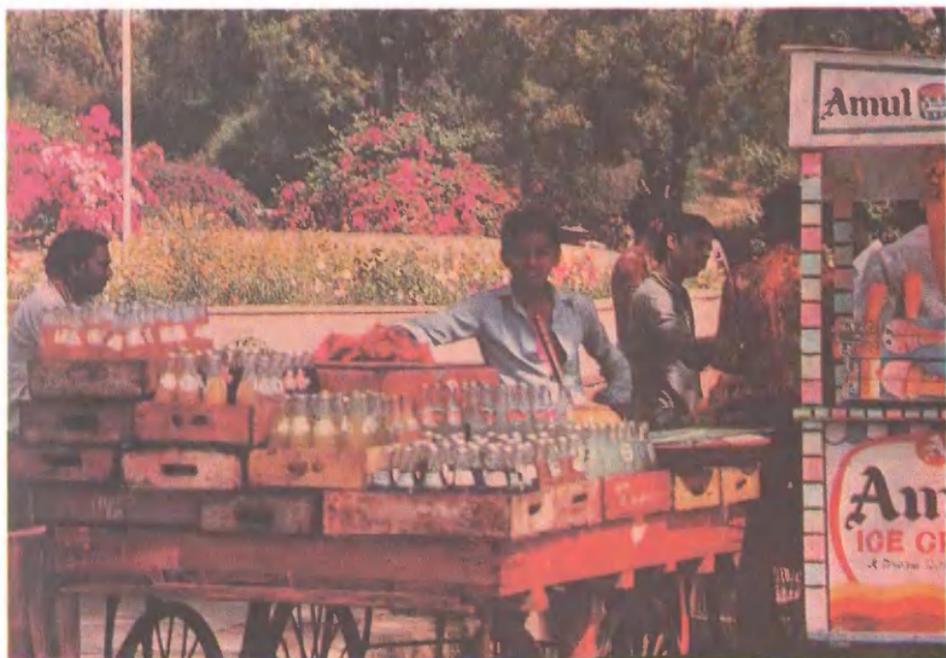
Невеста

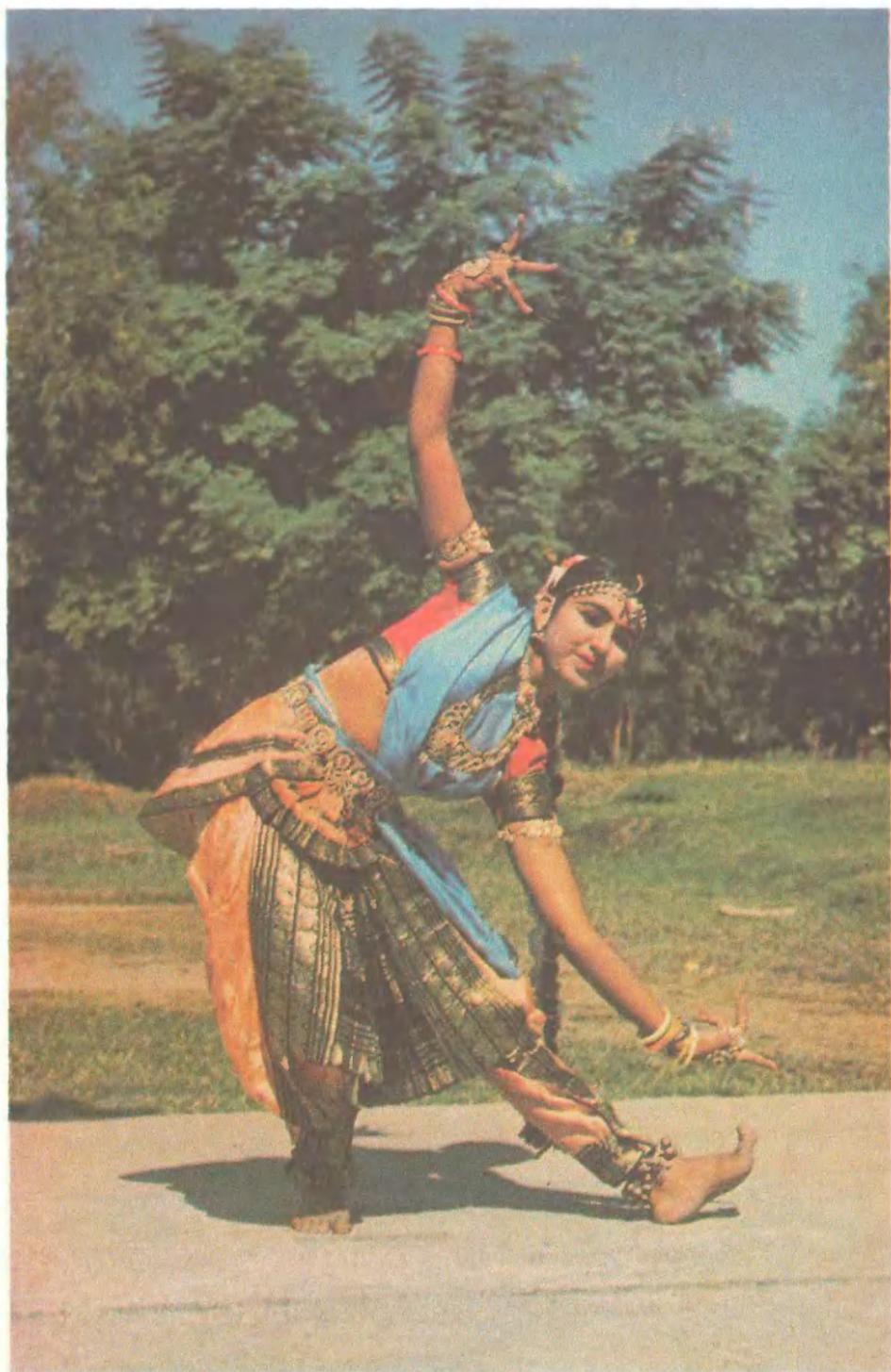
Место омовения неприкасаемых
в древних купальнях Раджгира

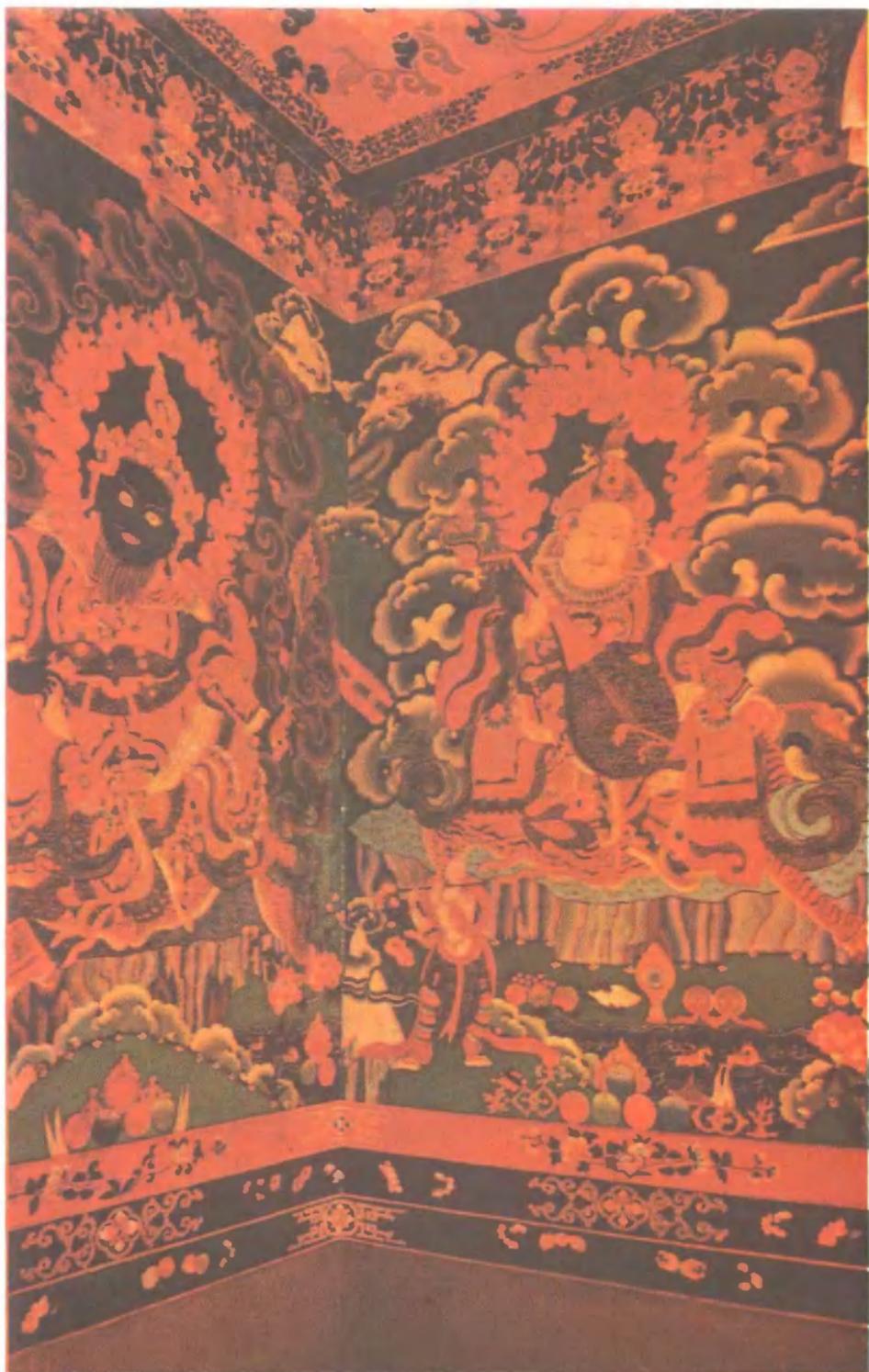
Придворный музыкант (Раджастхан)

Торговец мороженым
и прохладительными напитками

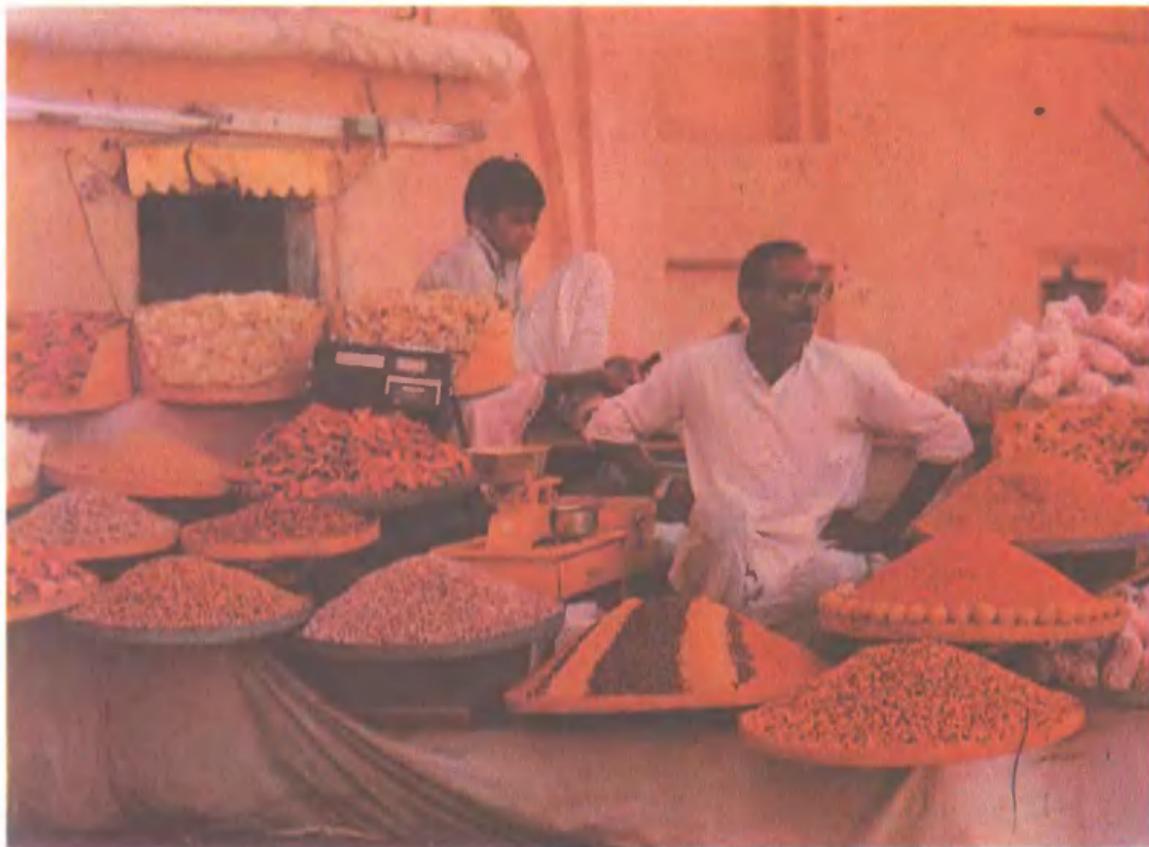
Юная танцовщица

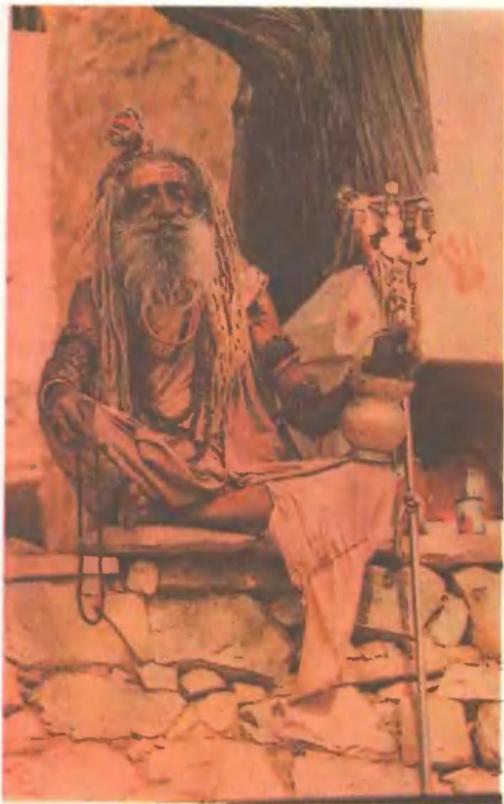
Фрагмент интерьера тибетского храма в Бодх Гае

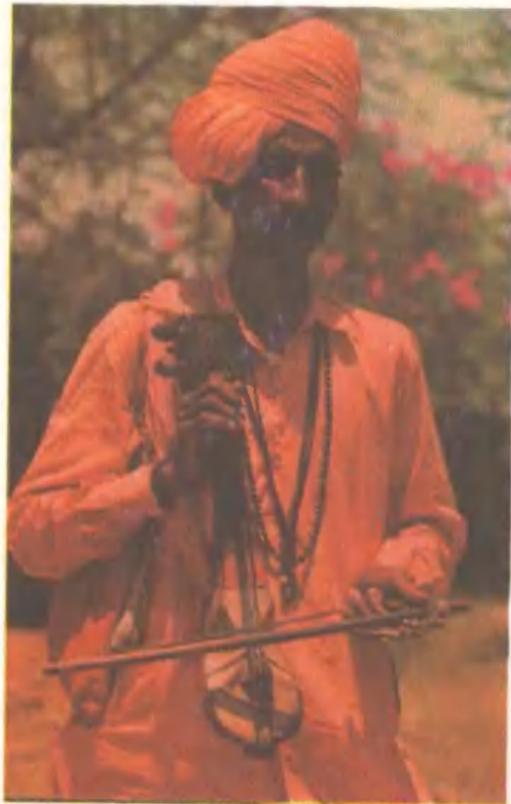
Молитва в уличном храме

Торговцы специями

Садху

**Странствующий музыкант
(Раджастхан)**

реть мы не сможем, и указал на медную табличку с надписью, подтверждавшей его слова: «Вход разрешен только ортодоксальным индусам».

— Но вы можете воспользоваться платформой, — заверил он.

Платформа оказалась всего лишь балконом, поднятым над землей на метр. С нее открывался вид на внутренний двор и вход в храм. Серые массивные стены, как бы неохотно раздвинувшись, оставили небольшой проход, в глубине которого просматривалась тяжеловесная каменная колонна, обвитая гирляндами цветов, окруженная темнотой, потому что дневной свет туда не попадал.

Убедившись, что мы не собираемся нарушать установленных порядков и не пытаемся проникнуть в храм, брахман, неотступно следящий за нами, успокоился. Его лицо слегка смягчилось. Он решил как-то компенсировать наше разочарование от существующего запрета и принялся объяснять, что сейчас уже поздно и поэтому нет паломников. Они совершают обряд подношения пинди утром и днем. Пинди — это особые пироги. Для их приготовления используют кокосовый орех, черный сахар-гур, бетель, песок, сушеные травы, красную краску *синдхур* и несколько монет, обычно нечетное количество. Подношение пинди — это поминальная пуджа по умершему родственнику. Ее можно выполнять в разных храмах, но, если поднести пинди здесь, в Гае, обряд приобретает особое значение и освобождает паломников от других предписанных сложных ритуалов поминовения. Вот почему храм Вишнупада — священное место и его оберегают от осквернения.

Мы слушали объяснения брахмана и думали, почему однажды в Матхуре ортодоксальные индусы сами уговорили нас войти в запретный храм на месте рождения бога Кришны? В Дели мы купили билеты на однодневную экскурсию в Агру и Фатехпур Сикри. Когда автобус туристической фирмы заехал за нами в гостиницу, стало ясно, что мы — единственные иностранцы в большой индийской группе. Поездка оказалась интересной не только потому, что мы осматривали всемирно известные шедевры архитектуры, но и потому, что оказались среди индийцев и имели возможность наблюдать за их восприятием, отношением к памятникам истории своей страны. Поздно вечером, на обратном пути в Дели, автобус остановился при выезде из Агры, и в него вошел энергичный гид, радостно объявивший, что сейчас группа заедет в Матхуру посмотреть храм Кришны.

Город уже спал, когда мы подъехали к большой мечети, рядом с которой как бы примостился небольшой храм, окруженный торговыми галереями. Оттуда доносились звуки музыки и голоса людей, читающих мантры. Во время правления императора Аурангзеба, который был самым жестоким и непримиримым противником индуизма из всех Великих Моголов, разрушившим множество индуистских храмов, храм в Матхуре, на месте рождения бога Кришны, тоже был уничтожен и вместо него возведена большая мечеть. Однако поклонники Кришны возродили храм. Чтобы попасть туда, нужно пройти через галереи, где расположены магазинчики, в которых торгуют цветами, флейтами и изделиями из павлиньих перьев, ведь Кришна почитается как бог-пастух, покровитель музыкантов и влюбленных, и затем спуститься в храм, устроенный фактически в подвале мечети. Подходы к храму были залиты ярким электрическим светом. Вместе с туристами мы вышли из автобуса и думали ограничиться осмотром галереи, пока гид показывает группе храм с табличкой «Только для ортодоксальных индусов». Туристы снимали обувь, чтобы спуститься в святилище. И тут гид обратил на нас внимание и принялся уговаривать следовать с группой. Признаться, мы растерялись, не знали, как следует в таком случае поступить. К гиду присоединились туристы и торговцы. Уговаривая и настаивая, они буквально ввели нас в храм. Брахманы и музыканты доброжелательно восприняли наше появление. Улыбаясь и пропуская нас вперед, люди объясняли, что это фундамент дома Кришны, показывали его изображения на картинках, напоминающих рождественские открытки. Все случилось так неожиданно, что мы потом долго пытались понять, что же это было, сон или явь? Находясь среди индусов, любующихся своим божеством, мы не чувствовали, что «оскверняем» святиню.

Трудно сказать, когда впервые появился запрет на вход в священные храмы. Это одна из тех особенностей индуизма, с которой столкнулись европейцы-первооткрыватели, когда начали проникать в Индию. Путешественники всегда отмечали огромное культурное и психологическое отличие Индии от других стран.

Свои убеждения и представления индусы редко обсуждают, особенно с иностранцами, ведь они заложены так глубоко в подсознании, что считаются абсолютными истинами. Например, мы рассматриваем время как пос-

тоянную прямую последовательность, знаем, что существует прошлое, настоящее и будущее, что каждое мгновение безвозвратно уходит в прошлое, а происходящее событие чем-то обязательно отличается от подобных событий в прошлом или от тех, которые произойдут в будущем. В сознании индуса с детства заложено совершенно иное понимание времени. Для него все, что происходит сейчас, имело место раньше и будет происходить вновь, а то, что не произошло, никогда не состоится. Он рассматривает время как вращающийся круг, у которого нет начала и конца, и считает, что все в природе соединено в постоянно повторяющемся цикле. Мы считаем, что существует понятие абсолютной истины: определенный факт может быть либо правильным, либо неправильным, что верно для одного, то верно для всех. А индус считает, что существует много разновидностей истины, которые различны для каждого возраста, каждой профессии, каждого класса людей. Подобно нам, индусы верят в то, что каждый хороший поступок приносит хороший результат, плохой поступок — плохой результат: «через три года, или три месяца, или три недели, или три дня — но всегда пожинаешь плоды и доброго и злого поступка».

Последователи индуизма и в этом пошли дальше — индуистский закон этической причины и следствия, называемый *карма*, установлен не богами и не людьми. В представлении индуса, он такой же объективный и естественный закон, как закон земного притяжения.

Это не убеждения отдельных людей, а основные концепции индуизма, который определяет образ жизни индусов.

Жертва, чтение вед, дар, покаяние,
Правда, кротость, покой, бескорыстие —
Вот завещанный нам предками
Восьмеричный путь к добродетели;
Если первыми четырьмя
Пользуются и ради обмана,
То другие четыре доступны
Только людям, великим духом.

ВЕЧЕР В ГАЕ

Стало смеркаться. Мы вышли на берег реки возле храма Вишнупада, и казалось, что время остановилось в далеком прошлом. Как и в старину, на светлом песке сушились

длинные яркие полотнища сари, женщины до блеска начищали медную кухонную утварь, набирали в кувшины воду и, грациозно покачиваясь, касаясь их лишь кончиками пальцев, несли на головах. Браслеты их мелодично позвякивали. Издалека доносились звуки монотонной песни. У реки бродячие коровы спокойно пили воду, а на них лениво поглядывали черные блестящие буйволицы с печальными глазами и большими закрученными рогами. В небе кружили грифы, высматривая добычу. За храмом, на месте кремаций, неотрывно глядя на догорающий костер, неподвижно сидели мужчины. Из храма доносились голоса, произносящие мантры. Казалось, время отбросило нас на много веков назад... К реальности нас вернули пронзительные звуки сирен грузовиков и далекий шум города. Обрато мы выбирались тем же путем, только стало казаться, что улица стала еще уже и многолюднее. Вот и высокая белая тумба с регулирующим устройством, на которой мы увидели дорожный указатель на Раджгир.

РАДЖГИР

День угас. Долину, через которую проходила дорога, осветила полная луна. Вдали, укрывшись в густой листве банановых пальм, спрятались деревни, уступив место бесконечным рисовым чекам. В свете луны просматривались силуэты холмов и невысоких гор, кое-где на их вершинах виднелись развалины старинных укреплений. Миновав скалистые утесы, вплотную подступившие к дороге, наша машина въехала в Раджгир. В городе не было электричества, и, если бы не яркая луна и свет керосиновых ламп в лавках, мы еще долго петляли бы по узким незнакомым улочкам, прежде чем добраться до центра. В гостинице нас не ждали — телеграмма с просьбой забронировать номер не дошла. Хозяин пытался найти ключ от свободной комнаты и сетовал на неприятности, обрушившиеся на его голову: в гостинице отсутствовали не только свет, но и вода. Оказывается, уже вторую неделю бастовал профсоюз электриков. Хозяин нервничал — ведь страдала репутация его гостиницы. Правда, и в других гостиницах тоже не было ни света, ни воды. Наконец он все-таки нашел ключ и, прихватив керосиновую лампу, по скрипучей деревянной лестнице проводил нас в огромную комнату с балконом, выходящим на центральную улицу. При свете луны угадывались очертания гор, окружающих Раджгир. Из ночной тьмы с улицы доносились голоса людей. Странно видеть центр города без

привычных светящихся вывесок магазинов и освещенных витрин. В кантинах на столиках тускло мерцали свечи, более ярко светили керосиновые лампы. Длинные трели цикад и приглушенные голоса невидимых людей подчеркивали таинственность атмосферы. В эти звуки вплетались удары барабана, которые доносил ветер откуда-то издалека, с гор.

Рано утром, еще до восхода солнца, к звукам барабана прибавился шорох шагов. Это паломники спешили в храмы. Вскоре, отражаясь от гор, над городом зазвучали мантры, которые читали в храмах. В усиленные динамиками голоса брахманов вплетался нежный перезвон колокольчиков. Быстро наступил рассвет. Солнце высветило верхушки пальм и подступающие к Раджгире в голубой дымке горы. Даже теперь город не утратил своей таинственности.

Возле гостиницы стоял храм, посвященный Вашу, четвертому сыну бога Брахмы, который, по преданию, считается основателем Раджгира. В переводе Раджгир значит «Королевский дворец». Некогда он был столицей могущественного государства Магадха. В те давние времена этот город славился своим величием и богатством. Его окружали крепостные стены, а на улицах и площадях кипела бойкая торговля, трудились искусные мастера и ремесленники, возводились дворцы и храмы.

Раджгир связывают с историей формирования двух религий — джайнизма и буддизма. Джайнизм остался в пределах Индии, не распространился на другие страны. Его поклонники называются джайнами, то есть «победителями себя». Они стремятся в Раджгир, чтобы посетить маленький храм Параснатх, построенный на том месте, где, согласно традиции, родился Мунисуврата, один из основателей джайнизма, двадцатый Тиртханкар. Согласно джайнской легенде, Мунисуврата был современником Рамы, героя поэмы «Рамаяна».

ДРЕВНИЕ КУПАЛЬНИ

Прямоугольный в плане храм Параснатха со всех сторон окружен высокими деревьями папай и королевскими пальмами. Со стороны фасада находится открытое святилище, где установлена скульптура Джины из белого мрамора. Повсюду в храме подвешены колокольчики разных размеров. Поднявшись по ступеням, паломники звонят в них, читают священную мантру перед изваянием и бросают к

его ногам пригоршни риса, потом снова шепчут мантру, ударяют в колокольчики и покидают храм. Толстые воробьи не могут справиться с рисом, которым осыпают божество. А люди спешат дальше, ведь в Раджгире много святынь, связанных с верховным божеством джайнов, последним Тиртханкаром Махавирой.

Согласно преданию, Махавира родился в знатной семье в тринадцатый день месяца чайтра, что соответствует 30 марта 599 года до нашей эры. В честь его рождения из тюрем были отпущены на свободу все заключенные. Праздничное ликование длилось десять дней. Наследник благородной династии, в тридцать лет Махавира отказался от богатства и титула, ушел в лес и стал странствующим аскетом. Земные радости не прельщали его, дни и ночи предавался он медитации. Истина открылась ему на десятый день месяца вайсакха в 557 году до нашей эры, когда он сидел под деревом сал на берегу реки Риджюпалика. Высшее знание, неограниченная интуиция сделали его Джиной, или Тиртханкаром. Свою первую проповедь, в которой он провозгласил равенство всех людей, независимо от происхождения, касты, расы, их равные возможности на пути самосовершенствования и достижения прозрения, Махавира прочитал на вершине горы Випула в Раджгире. В древние времена город окружали шесть гор. Теперь Раджгир вырос и шагнул за их пределы. На склонах раджгирских гор сохранились древние скальные храмы джайнов. Наиболее известный — Сонобхандра. Его стены украшают шесть барельефных изображений тиртханкаров. Время сохранило надпись, которая свидетельствует, что эти пещеры вырубил в скале джайн-аскет две тысячи лет назад.

С джайнскими скальными храмами соседствуют древние буддийские центры. Например, в старину пещера Пипла служила убежищем для странствующих буддийских монахов. Проведя в ней археологические раскопки, индийские ученые пришли к заключению, что в ней захоронен Девадатта, двоюродный брат Будды.

Многие события из жизни Будды связаны с Раджгиром. Здесь он странствовал до того, как прозрел, почтительно слушал проповеди Махавиры, а познав истину, сам проповедовал в этом городе свое новое учение.

Когда Будда впервые пришел в Раджгир, Магадхой правил Бимбисара. Он стал верным последователем Будды, отказался от политики зла и насилия, посвятил себя распространению буддизма, создавал буддийские университеты-монастыри, покровительствовал им и заботился о процве-

тании своего народа. Его сын провозгласил Раджгир центром по распространению буддизма.

Легенды и история, мифы и реальность тесно переплелись в Раджгире. Вот манговая роща, где пять сезонов дождей находил себе приют Будда во время странствий. Тогда роща принадлежала знаменитому лекарю Дживаке, который пользовался почетом при дворе императора. Дживаки был не только великим врачом, но и дальновидным политиком. Он разрешил построить в роще один из первых буддийских монастырей. До наших дней сохранились развалины тюрьмы Бимбисары. Предание гласит, что в борьбе за власть сын Бимбисары Аджаташатру заточил отца в темницу, захватив престол. Свергнутый император из тюрьмы наблюдал за Буддой, когда Учитель читал проповеди на вершине горы. Судьба Бимбисары трагична, но она ни в коей мере не является необычной для тех суровых времен — его убил собственный сын.

У подножия горы Пипла, где бьют известные с древних времен горячие источники, расположены купальни. Еще в проповедях Будды упоминались целительные свойства этой воды. Легенда рассказывает, что Будда сам совершал здесь омовения. В далекие времена, когда Раджгир был столицей Магадхи, император позволял посещать купальни лишь своим приближенным. Его жены со своими подругами могли также приходиться на источник, но только в установленные дни. Выезд в купальни был торжественной церемонией. Неторопливо двигалась кавалькада слонов, расписанных красками и украшенных парадной сбруей. Придворные красавицы прятались от палящего солнца и любопытных взоров подданных за шелковыми шторами *хоудахов*. Чем ближе к купальням подходила процессия, тем меньше людей попадалось на ее пути, потому что существовал императорский указ, не позволявший жителям города приближаться к купальням в те дни, когда их посещали придворные дамы. Нарушителя ждало наказание — штраф или тюремное заточение, на его голову обрушивался гнев самого правителя. Исключение делалось только монахам и аскетам, которые жили на горе в пещерах.

Сейчас у входа в купальни расположились торговые ряды, где в лавках продают четки, браслеты, бусы, статуэтки Будды, вазочки, подставки для благовонных палочек. Торговцы всегда умудряются разложить товары в людных местах. Купальни Раджгира посещают не только местные жители, но и бесчисленные паломники — индусы, джайны и буддисты. Прибывшие издалека люди совершают не просто

религиозный очистительный обряд, они знакомятся с новыми местами, стремятся все увидеть и запомнить, чтобы, вернувшись домой, поделиться с родными и соседями впечатлениями о святых местах. Из паломничества принято привозить подарки для близких. Незатейливые поделки из мыльного камня доступны по цене, к тому же индийцы используют их для религиозных обрядов и оформления домашних мини-храмов.

Недалеко от входа в купальни на специально отведенной площадке торгуют дровами для кремации: толстые поленья — подороже, тонкие — подешевле. Рядом с широкой мраморной лестницей в бассейн, который расположен прямо на площади, течет вода из верхних купален. Люди подставляют тела под струи воды, произносят молитвы, стирают одежды. Это неприкасаемые. Даже в современной Индии человеку низкого рождения, если он и сумеет получить образование, сколотить капитал или даже сделать карьеру в политике, никогда не удастся подняться по этим мраморным ступеням и омыть себя водами в верхних купальнях, предназначенных для людей из высших каст.

Лестница ведет на верхний этаж купален, а открытые залы с источниками находятся этажом ниже, в углублениях. Там нет отдельных помещений для женщин и мужчин. Они совершают омовение, не снимая одежды. Чем выше каста, к которой принадлежат паломники, тем выше расположена предназначенная для них купальня. Струи воды бьют из фонтанов на стенах — это медные головы животных с раскрытой пастью, чаще всего львов.

Солнце стояло еще низко. В эти ранние утренние часы его лучи согревали только верхнюю площадку купален. Закончив омовение, люди поднимались туда, чтобы высушить мокрые одежды. Длинные полотнища сари свисали с облупившихся стен. Очевидно, после купания некоторые женщины переодевались в сухие одежды, а мокрые сушили тут же, у источников. Развешенные сари, словно яркие транспаранты, трепетали на ветру. Рядом с верхним залом был храм Шивы. Там, среди паломников, часто можно было увидеть вдов, которых легко узнать по траурным белым одеждам и обритым головам. После смерти мужа жена, совершая особый обряд на берегу священной реки, приносит в дар Шиве свои волосы. Овдовев, женщины перестают носить украшения.

Мы обошли купальни, но так и не нашли то место, откуда доносились монотонные удары барабана. По тому, как эти звуки разносились по городу, казалось, что барабан

находится на горе, в купальнях. В храме брахман объяснил, что нас ввело в заблуждение обманчивое эхо. На самом деле в барабан бьют монахи-буддисты на вершине горы, стоящей при въезде в Раджгир. Там находится ступа Вишва Шанти.

ВИШВА ШАНТИ, ИЛИ «ЗЕМЛЯ МИРА»

Въезжая в неосвященный город поздним вечером, естественно, мы не заметили ступы. Она стоит на вершине горы, поэтому не видна от подножия горы и днем. По склону протянулась парализованная забастовкой электриков канатная дорога. Застывшие в воздухе разноцветные подвесные сиденья поскрипывали при порывах теплого ветра. У нас не оставалось выбора: хочешь видеть Вишва Шанти — подымайся пешком. По асфальтовой дорожке мы с энтузиазмом двинулись в гору, но где-то на полпути поняли, как ошиблись, решив, что легко и быстро преодолеем склон. Протоптаные дорожки остались позади, и теперь кожаные подошвы скользили по сухой траве, из-под ног летели камни, а колючие кусты цеплялись за одежду. Мы уже хорошо представляли себе, каким будет спуск. Поднимаясь с подветренной стороны, мы не слышали удары в барабан, и казалось, что на вершине ничего нет, да и не может быть. «Но ведь подъемник куда-то ведет», думали мы и, изнуренные жарой и мучимые жаждой, снова карабкались вверх по безлюдному склону.

Какая удивительная награда за упорство ожидала нас на вершине! На фоне голубого безоблачного неба, словно волшебная гигантская белая корона с золотым шпилем, сияла ступа Вишва Шанти. Казалось, она парила в воздухе и была столь совершенна, что с трудом верилось, что это творение рук человеческих. Только природа способна создавать подобные шедевры гармонии и красоты.

Белокаменные парапеты опоясывали Вишва Шанти, придавая ступе легкость и изящество. В нишах центральной сферической части установлены четыре позолоченные скульптуры Будды. Постройку завершала позолоченная амалака с зонтиками, дагобами, похожими на изысканную пирамиду—шпиль, устремленный в небо. Застывшие изображения Будды обращены к четырем сторонам света.

Вишва Шанти означает «Земля мира» или «Всеобщий мир». После потрясшей весь мир трагедии атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки японец Фиджи Гуруджи

решил проповедовать буддийскую концепцию всеобщего мира на Земле. По его инициативе в ряде стран Южной и Юго-Восточной Азии были построены ступы. Та, что возвышается на горе Сонагири в окрестностях Раджгира, — двадцать вторая ступа Фиджи Гуруджи. При японских ступах действуют буддийские монастыри.

Ступу окружает традиционный сад камней. Живописно дополняют его одинокие японские акации с плоской выветренной кроной, небольшие уютные беседки. От ступы ведет всего лишь одна дорожка к стоящему на небольшом расстоянии японскому храму-монастырю. С площадки возле храма открывалась панорама долины; Раджгир в окружении окутанных голубой дымкой гор, простирающиеся за горизонт поля и заросли джунглей. Мы поднялись на гору, и все равно казалось, что линия горизонта, как край гигантской тарелки, выше вершины, на которой мы стояли.

Услышав приглушенные голоса и смех, мы оглянулись и увидели странную пару: молоденького монаха-джайна в белой одежде и специальной повязке, закрывающей нижнюю часть лица, и пожилого индуса в брюках, клетчатой рубашке и сандалиях на босу ногу. Удивительно было встретить в буддийском центре джайна, принадлежащего к секте шветамбаров, то есть «одетых в белое», и индуса, сопровождающего его. Джайн не знал английского языка, и его спутник взял на себя роль переводчика. Юноша все время смущенно улыбался и заикался. Индус перевел, что монаху очень хочется поговорить с гостями. По правде говоря, нам тоже было интересно узнать, что привело их в буддийский центр. Индус предложил побеседовать за чашечкой чая. После изнурительного подъема об этом можно было только мечтать. Они провели нас во внутренние помещения маленького монастыря, вырубленного в скале под храмом. Обстановка там была простой — каменный, чисто выметенный пол, скромные маленькие кельи и трапезная с длинными деревянными столами и лавками. С открытой веранды трапезной открывался вид на Раджгир. Джайну и индусу монахи отвели самую большую келью, предназначенную для гостей. Стены ее побелены, в нише стоял деревянный топчан, застланный яркими ткаными ковриками, а простая деревянная мебель украшена резьбой. В келье в экзотическом обществе джайна и его спутника чай, настоенный на травах, показался особенно вкусным. Теперь юноша чувствовал себя хозяином и рассказывал через переводчика, что гостит в монастыре Вишва Шанти второй день.

Мы узнали, что в четырнадцать лет он прошел обряд

посвящения в монахи секты шветамбаров при храме Делавара (гора Абу), в месте, окруженном легендами, где в XI—XII веках были построены храмы на средства министров правителя Гуджарата. Индийцы говорят, что эту «мечту в камне» возводили гиганты, а украшали ювелиры. Обычные методы резьбы по белому мрамору не годились — слишком тонкой была работа. Мастерам платили в зависимости от того, сколько пыли они соскребали с плит, создавая тончайшие орнаменты.

Несмотря на юный возраст, монах-джайн уже достиг уровня философской зрелости. Он выполнил необходимые обеты, изучил древние священные тексты, овладел методами самоконтроля и строгой самодисциплины, порвал со всеми земными привязанностями. Продолжая двигаться по Пути освобождения души, самосовершенствования, шветамбар пешком странствовал по святым местам и не задерживался в одном месте более трех-четырех дней, за исключением сезона дождей, который он предпочитал проводить в монастыре на горе Абу. Юноша уже завершил паломничество к джайнским святыням Раджгира и теперь гостил у японских буддистов на горе, где бывал Махавира, где стоит ступа и храм Будды, который до создания своего учения был учеником Махавиры и чутко вслушивался в его проповеди. Шветамбар считал, что буддизм вышел из джайнизма, ведь в основе его философии тоже заложена концепция *ахимсы* — непричинения зла, вреда всему живому. Поэтому паломничество в Вишва Шанти считается весьма похвальным для поклонников джайнизма.

Еще больше мы были удивлены, когда этот юный монах, познавший тайны древней мудрости, неожиданно заговорил о политике. Весь мир, лежащий за пределами Индостана, он называл «западной цивилизацией». По его мнению, в нее заложена тенденция к самоуничтожению, которая исключает возможность сохранения жизни.

— Слышите бой барабана? Он не стихает ни днем, ни ночью. Это призыв к людям Земли спасти саму жизнь, голос тех, чья тень осталась на камнях Хиросимы!

«Бум! Бум!» — неслось из храма. Там японский монах в оранжевом хитоне, сидя на корточках перед огромным барабаном, вел разговор с миром. Сквозь резные решетки окон храма этот мир казался безмятежным и солнечным. Так приятно было опуститься в храме на темно-синий ковер. Здесь было прохладнее, чем в келье джайна. В прямоугольном зале легкий ветерок едва шевелил колокольчики, и они слегка позванивали. Перед алтарем стояли

два барабана. Лицом к божествам сидел монах и бил в барабан. Кожа на барабане потрескалась от частого пользования, краска на крупных иероглифах, начертанных на нем, местами истерлась. Справа от монаха стояло блюдо с шариками вареного сахара, предназначенными для паломников. Эти шарики напоминали гору жареных кукурузных зерен. На бритом затылке монаха выступили капельки пота. Из-под складок желтого хитона виднелись потрескавшиеся пятки. Видно, он принял монашеский сан совсем недавно и еще не привык ходить босиком. В руке он держал бамбуковую палочку, а на запястье у него поблескивала новая модель часов фирмы «Сейко».

И тут в храм ворвались зажигательные мелодии модной песни из кинофильма. Затылок у монаха слегка дрогнул, но он даже головы не повернул, чтобы взглянуть на нарушителя покоя. В храм вошли молодые люди с транзистором. Известно, что индийцы не умеют слушать тихую музыку. Через несколько мгновений юноши, видимо, поняли, что поступили довольно бестактно и поспешили выключить приемник. И вновь наступившую тишину Вишва Шанти разрывали лишь раскатистые удары барабана.

Когда мы вышли из храма, то возле него увидели молодых людей с приемником и решили с ними познакомиться. Они оказались бихарцами, студентами из технического колледжа в Ранчи. Их жизненные амбиции были довольно велики — все хотели после окончания колледжа получить работу на больших предприятиях государственного сектора и мечтали поехать на стажировку в Советский Союз. И снова Индия поразила нас своими контрастами: лишь полчаса назад мы слушали аскета-шветамбара, который избрал себе тропу освобождения души, а теперь его сверстники рассказывали о своей жизненной программе — дороге прогресса. Воистину поразительно соседствуют традиционность с современностью. И какой бы путь ни избрал себе человек, он наполнен гордостью за свое решение, душа его находится в абсолютной гармонии с окружением. Юноши из Ранчи поднялись к Вишва Шанти не из праздного любопытства — они тоже убеждены, что человечество должно отказаться от войн и губительного разрушения, жить в мире и согласии.

Возле ступы стали появляться люди — заработала канатная дорога. Тут мы увидели и паломников из Непала, которых встретили прошлым утром в Бодх Гае. Все та же чинная процессия: мужчины шли впереди, а женщины следовали сзади. При виде Вишва Шанти, ее ослепительной белизны и позолоченных ликов Будды женщины словно

замерли от восторга. Как зачарованные, двигались эти люди в темных шерстяных одеждах через сад камней к ступе, не отрывая восторженных глаз от чуда абсолютной гармонии, открывшегося им на вершине священной горы.

Из храма вышли три монаха в оранжевых одеждах. Как в таинственной игре, переходя от одного священного знака у стен монастыря к другому, они медленно приблизились к главной ступе и в молитве низко склонились перед статуями Будды.

«Бум! Бум!» — гремел барабан. В его звуках слышались мужественные отголоски тех времен, когда каждый буддийский монастырь был неприступной крепостью, за чьими каменными стенами монахи изучали различные науки, формировали свою волю, овладевали боевыми приемами, которые позднее развились в школы конфу, каратэ, джиу-джитсу. Аскетизм, трудолюбие, сила и интеллект воспитывались в обитателях бихарских буддийских монастырей-университетов, которые назывались *вихары*.

НАЛАНДА

Самый крупный монастырь-университет — это махавихара в Наланде. Мы так и не поняли, город это или деревня. В окружении глинобитных хижин и рисовых чеков возвышаются руины некогда выдающегося центра буддизма. На небольшой площадке перед входом на территорию музея, среди автобусов и машин, мечутся нищие, пытаясь добыть подаяние.

Когда мы купили входные билеты и кассир отсчитал сдачу, мы невольно опустили несколько монет в мятую алюминиевую миску, подставленную каким-то «убогим». Монеты звякнули, мелькнула мысль: — Зачем?! Сейчас начнется светопреставление!

Однако необдуманный поступок уже совершен, и нищие, истошно крича и отталкивая друг друга, бежали к нам со всех сторон. Мы нарушили одно из основных правил тех, кто путешествует по Индии: там, где собирается много нищих-профессионалов, милостыню подавать нельзя, иначе можно стать жертвой обезумевшей толпы. А если непоправимое случилось, остается лишь один выход — надо бежать. Преследуемые «убогими», мы поспешили к махавихаре. Человек в нарядной форме служителя музея, улыбаясь, ловко подхватил протянутые билеты. Теперь мы оказались в безопасности и можно было перевести дыхание и осмотреться.

Среди ухоженных кустов роз и георгин виднелись темно-красные кирпичные стены центрального входа, за которыми открывался вид на развалины, сохранившие четкую планировку зданий, внутренних дворигов, проходов и галерей.

«На-лан-да, На-лан-да!» В этом слове слышится мелодичный перезвон буддийских колокольчиков. Им обычно называли место, где побывал Будда, родился и окончил свой земной путь его самый способный ученик и последователь Сарипута.

В V веке при Кумаргупте I здесь стали возводить первые храмы и монастыри. Продолжалось строительство махавихары и во времена более поздних правителей династии Гуптов. Университет рос быстро. Уже в начале VII века в нем обучалось пять тысяч студентов. Сто деревень снабжали его продуктами. С раннего утра до позднего вечера к его воротам тянулись бесчисленные повозки с молоком, рисом, мукой, фруктами и маслом. Покровительство правителей обеспечивало университету особые привилегии и самостоятельность, создавало условия для расцвета научной мысли.

Со всех концов Индии в Наланду стекались желающие поступить в махавихару. Прибывали они и из Китая, Японии, Монголии, Тибета и Шри-Ланки. Процедура поступления была сложной, и обычно семь-восемь человек из десяти возвращались в родные места ни с чем. Тем, кому все-таки удавалось успешно справиться со вступительными испытаниями, предоставляли специально отведенные для новичков помещения, где в течение нескольких недель учителя изучали их характер, привычки, поведение, вели с ними беседы, определяя уровень их развития и потенциальные интеллектуальные способности.

Затем наступали долгие годы напряженной учебы. Ее программа включала разнообразные дисциплины, охватывая практически все науки, существовавшие в те времена. Студенты не только изучали все аспекты буддизма как религиозно-философского учения, но и совершенствовали познания в литературе, логике, грамматике, риторике, медицине и многих других науках. Занятия проводили по группам. Своеобразие методики преподавания заключалось в организации диспутов, во время которых студенты развивали способности аргументировать свои выводы и вести научную полемику, демонстрировали глубину знаний. В этих интеллектуальных баталиях преподаватели выполняли роль арбитров. В университете основным правилом было строжайшее соблюдение дисциплины и буддийского кодекса.

В течение столетий существования махавихары не отмечено ни одного случая серьезного нарушения установленного порядка.

В те далекие времена территорию университета окружали высокие каменные стены. Здания украшали многочисленные башни, орнаментированные балюстрады. Крыши были черепичные. В распоряжении студентов имелись три большие библиотеки — Центр святого Закона — с богатым собранием рукописей.

В эпоху правления династии Палов, с VIII по XII век, значение Наланды, ее слава еще более возросли. По ее образу и подобию создавались новые буддийские университеты. В 747 году из ворот махавихары в Наланде вышел человек, путь которого лежал на север, в Тибет. Там он стал самым ревностным проповедником буддизма, одним из наиболее известных святых буддийского пантеона, звали его Гуру Падмасамбхава.

В начале X века университет в Наланде сильно пострадал от пожара, но вскоре был частично перестроен и за его стенами вновь закипела жизнь.

Трудно сказать, когда начался период упадка Наланды. Видимо, он был связан с уходом буддизма из Индии. Со временем ранний буддизм исчерпал себя, а пришедший ему на смену поздний буддизм не сумел завоевать популярность. Брахманы, стремясь укрепить пошатнувшиеся с появлением буддизма устои индуизма, объявили Будду девятым воплощением на Земле индуистского бога Вишну. И самый тяжелый удар Наланде был нанесен мусульманскими завоевателями. Разрушили махавихару и другие буддийские университеты-монастыри, предали огню их бесценные библиотеки, истребили студентов-монахов войска Бахтияра Хилджи. Случилось это в период с 1197 по 1203 год. Университеты, окруженные высокими каменными стенами, завоеватели принимали за крепости и беспощадно уничтожали вместе с обитателями. Жестокий гнев поклонников ислама обрушился на чуждые им святыни. Случайно оставшиеся в живых образованные люди вынуждены были искать убежище за пределами страны или «кануть в Лету», выдавая себя за неграмотных крестьян из соседних деревень.

Безжалостная история поглотила память о махавихаре в Наланде и многие века хранила ее в полном забвении. Только в середине XIX века английские историки-исследователи смогли установить ее местонахождение. Раскопки были начаты в 1915 году. И в наши дни археологи ведут работы в Наланде. Это их усилиями вырваны из мрака

забвения, освобождены от толщи земли сохранившиеся первые этажи корпусов и храмов, а причудливый, поросший кустарником холм вновь превратился в пирамиду главного храма. Археологические изыскания показали, что во время перестроек остатки прежних сооружений не уничтожались, а на них возводили новые, более высокие. Порой в развалинах обнаруживают до девяти слоев остатков сооружений различных периодов. Это позволяет специалистам определить последовательность некогда проводимых здесь работ. Под верхним слоем кирпичной кладки главного храма прекрасно сохранился пятый по счету вариант перестройки. К сожалению, эта более древняя часть утратила свою прочность, и археологи решили снова накрыть ее более поздней кладкой. Пятая перестройка проводилась в VI веке. Храм имеет квадратную форму в плане. На его верхней площадке сохранились следы святилища, где когда-то стояла огромная статуя Будды. Трудно представить, что тут были лестницы и башни, ниши которых украшали фигуры бодхисаттв. Зато можно вдоволь полюбоваться и даже потрогать руками барельефы и выбитые на них цитаты из священных текстов, которые украшают маленькие ступы VI века, расположенные у основания главного храма.

Мы долго бродили среди развалин. Корпуса, в которых жили студенты и преподаватели, были объединены в единый комплекс длинным коридором, по обе стороны располагались тесно прилегающие друг к другу квадратные здания с внутренними двориками и с глубокими колодцами посредине. Во дворик и выходили кельи, где сохранились каменные лежа, на которых когда-то спали обитатели махавихары.

Наланда не производит грустного впечатления, обычно возникающего при виде археологических раскопок. Ведь взору открывается величественный памятник древней культуры, и у него есть будущее. Идея создания в Наланде Международного туристического центра возникла несколько лет назад. Махавихара уже включена в список музеев и объектов, которые демонстрирует туристам самая крупная государственная туристическая фирма «Индиан Турист Дэवलупмент Корпорейшн». Тут будут возведены комплекс гостиниц и ресторанов, автозаправочные станции и, самое главное, аэропорт, который примет самолеты индийских и иностранных авиалиний. Ведь это позволит не только паломникам, которые и теперь обязательно включают махавихару в свой маршрут в Бодх Гаю и Раджгир, но и туристам осмотреть остатки древнейшего университета и коллек-

цию археологического музея, где собраны уникальные находки, обнаруженные во время раскопок в Наланде и Раджгире.

ПРОБЛЕМЫ ДЕРЕВНИ И «ПРЕСТИЖНЫЕ» ЗАВОДЫ

На обратном пути в Бокаро мы решили поужинать в городке Раджаун на национальной дороге №31. Стали искать ресторан «Кволити». По всей Индии есть рестораны этой фирмы. Они не отличаются дешевизной, зато можно быть уверенным, что еда будет чисто приготовленной и вкусной. Название фирмы произносится и имеет то же значение, как английское слово «качество», но пишется, чтобы привлечь внимание, иначе — «Kwality».

У входа в «Кволити» стоял белый джип с яркой эмблемой и надписью «Департамент сельского хозяйства. Штат Бихар». В небольшом зале за накрытым столом оживленно спорили два индийца, видимо приехавшие на этом джипе. С нашим появлением спор прекратился. Они поинтересовались, кто мы и куда едем. Так мы встретились с Даттой и Мурти, которые занимались проблемами, связанными с развитием деревень Бихара. Одеты в одинаковые домотканые дхоти и курты, они были полной противоположностью друг другу. Высокий, худощавый Датта носил тяжелые очки в роговой оправе и говорил скороговоркой. Маленький, гладенький, обстоятельный Мурти объяснялся неторопливо, аккуратно артикулируя каждый звук. Дружелюбие считается чертой национального характера индийцев, но, когда чиновники узнавали, что мы не туристы, а работаем в их стране на предприятии государственного сектора, они принимали нас в свой круг и относились как к коллегам. Вряд ли нам предоставилась бы еще такая возможность узнать о том, что происходит в деревне.

Когда индийцы ведут беседу, они обычно затрагивают всевозможные аспекты, не имеющие даже косвенного отношения к главному предмету разговора, затем возвращаются к основной теме, вновь отклоняются — и так на протяжении всего разговора. Все это они проделывают, эмоционально жестикулируя, приводя веские аргументы, и не сразу поймешь, что это не ссора, а дружеская беседа.

— За последние столетия, — издаലെка начал Датта, — индийская деревня совсем не изменилась. Просто одни завоеватели сменяли других. Большая часть населения живет в деревнях, а судьба его решается в больших городах! Для прогресса Индии абсолютно необходимо, чтобы жители

деревни принимали активное участие в управлении страной.

Услышав первые «тезисы» Датты, мы в который раз подивились способности индийцев говорить красиво. В первые месяцы нашего пребывания в Индии такая форма самовыражения воспринималась как позерство и любовь к газетным штампам. В наших людях давно развился определенный скептицизм, нежелание употреблять высокие слова, такие, как «Родина», «гражданский долг», «судьбы Земли». Причина этого, безусловно, кроется в том, что слишком часто их упоминали люди неискренние и корыстолюбивые. Индийцы охотно прибегают к высоким словам. В их декларациях звучит, как нам кажется, неподдельный патриотизм, горение души, гражданская позиция.

— Гандиджи, я имею в виду Махатму Ганди,— присоединился к разговору Мурти,— мечтал о новом социальном порядке в стране, о времени, когда Индия станет свободной. Он называл свою мечту «революцией в сердцах и революцией во всем мире». Новый порядок должен был освободить пятьсот тысяч индийских деревень от угнетения феодалов, покончить с бедностью, неграмотностью и кастовой системой. Ганди называл его *сарвадайя* — «даяние всеми», или «даяние всего». Согласно этому порядку, каждая деревня будет иметь самоуправление, собственную экономику. Крестьянские семьи станут покупать все необходимые для жизни товары в кооперативе или производить их на дому. Знаменитое колесо прялки Ганди стало символом сарвадайи. Конечно, придет время и сельские собрания будут играть важную роль сначала в управлении штатом, а затем и всей страны. К сожалению, нас жестоко критикуют, называя наши идеи нереальными и утопичными.

— Это правда, работать становится все труднее,— поддержал его Датта.— Не только с газетчиками, но и с крестьянами возникают проблемы. Они не желают сотрудничать, негостеприимно встречают политических активистов и чиновников. Вот, например, вчера крестьянин не пустил меня в дом на ночлег. Он заявил, что у него не хватает риса даже для собственных детей, не то что для гостей, и не пожелал даже говорить со мной. Недавно я заехал в деревню, где по проекту развития дистрикта проложили автомобильную дорогу. Представьте себе, теперь крестьяне хотят перекопать дорогу. Они утверждают, что, после того как строительство дороги было закончено, правительственные чиновники почти каждый день привозят к ним важных гостей, чтобы показать дорогу, а жителям деревни приходится всех этих гостей кормить. Староста решил, что, если до-

роги не станет, не будет гостей и никто не будет обедать крестьянские семьи. Вот увидите, они действительно испортят дорогу!— Датта закурил сигарету и, торжествующе поглядывая на нас, спросил:

— Какая им польза от прогресса, если наши крестьяне с давних времен привыкли ходить по грязи и колючкам? Ганди учил, что перемены в образе жизни беднейших слоев деревни являются мерой определения экономического развития страны. Но если подходить с такой меркой к нашему развитию, то приходится признать, что бедные теперь живут еще беднее, а богатые — богаче. Ведь если они не хотят развития, значит, они не хотят сарводайи. Одно из самых простейших требований сарводайи — условие, что люди должны носить домотканую одежду, но многие крестьяне все-таки покупают готовые ткани. И вообще, кто сейчас думает о деревне?! Мы живем во времена инфляции и нехватки продовольствия, тратим деньги на оборону, а люди голодают и плохо одеваются.

— Ты прав, с колониальных времен картина индийской деревни остается неизменной,— подхватил его мысль Мурти.— Англичане оставили в наследство мощную бюрократическую систему, влияние которой до сих пор сказывается на положении в деревне.

— За нас все решают наверху,— откликнулся Датта.— Мы лишены, точнее, сами себя лишаем элементарной инициативы. Как я уже говорил, страной управляют из нескольких больших городов. Партийные лидеры же продолжают твердить, что крестьяне должны осознать необходимость участия в государственном управлении и научиться брать на себя ответственность. В нашем департаменте не хватает людей, которые могли бы вести работы, связанные с развитием восьмидесяти тысяч бихарских деревень.

— Нас критикуют за то, что мы якобы раздаем лишь обещания,— сказал Мурти.— Ведь наша цель не только изменить права землевладения, но и заставить крестьян наконец понять, что можно жить и по-другому. В первую очередь перемены должны произойти в «сознании и сердце» крестьянина, только после этого они получают дальнейшее развитие. Именно это имел в виду Гандиджи, говоря о двойной революции. Что же все-таки происходит на самом деле? Вот уже много лет правительство вкладывает средства в престижные промышленные объекты, разные металлургические и машиностроительные заводы. А не лучше ли было бы использовать эти средства на то, чтобы научить простых людей решать свои проблемы, в том числе санита-

рию, самостоятельно? Какую одежду носить, как питаться?

Слушая рассуждения наших индийских друзей, мы не могли не согласиться, что проблемы деревни надо решать. Наши собеседники не раз подчеркивали, что судьба человека зависит от того, к какой касте он принадлежит. Общественное мнение не учитывает личность человека, главное — его каста. Касты изолированы друг от друга сложной системой правил и ограничений. Одно из самых неприглядных проявлений индуизма и кастовой системы — неприкасаемость. В индийской деревне, как в микромире, сосредоточены и ярко выражены все болевые точки общества. Неприкасаемые, или, как их называл Махатма Ганди, *хариджань* («божьи дети»), составляют примерно одну шестую часть населения Индии. Согласно канонам индуизма, они осуждены на существование вне касты за прегрешения в предыдущей жизни. Индусы из высших каст подвергались осквернению при малейшем контакте с ними. Лишь ритуальные омовения с чтением мантр могут очистить от такого осквернения. Даже отпечатки ног неприкасаемого, оставленные на земле, оскверняли район, где жили брахманы. При приближении индуса, принадлежащего к высшей касте, неприкасаемый уступал дорогу, чтобы даже тень его не упала на тропинку, по которой ступает «дваждырожденный». В некоторых районах Индии им разрешалось покидать хижины только ночью. Там их называли «невидимыми».

Теперь неприкасаемого не убивают, если его тень коснется брахмана, но и пользоваться водой из деревенского колодца хариджанам не дозволено. Правительство ведет борьбу с подобными пережитками, и, когда становятся известными случаи запрета на пользование общими колодцами, на деревни налагают штрафы, им отказывают в льготных займах и ссудах. Брахманы и крестьяне, принадлежащие к высоким и средним кастам, стоически принимают санкции и упорно не допускают неприкасаемых к источнику.

Грязная работа традиционно выполнялась и до сих пор выполняется неприкасаемыми. Пока брахманы и пандиты продолжают спор о том, что появилось раньше — грязь или неприкасаемые, положение не меняется, и хариджань метут улицы, чистят туалеты, выносят мусор, убирают падших животных, переносят тела покойников к месту кремации, словом, делают все, что не позволено выполнять индусам из высших каст.

Борьбе за признание прав неприкасаемых Махатма Ганди уделял не меньше времени, чем борьбе за независимость страны. Он проводил голодовки, чтобы не допустить при-

нения закона, который закрепил бы их положение вне общества, путешествовал по стране вместе с неприкасаемыми в вагонах третьего класса, останавливался на ночлег в их жалких лачугах, тем самым напоминая людям о страданиях и несчастной судьбе хариджан. Благодаря деятельности Ганди некоторые неприкасаемые стали работать в нетрадиционных областях, некоторые даже получили образование и приобрели специальность. Но не в деревне... Ее патриархальность толкала хариджан в массовом порядке принимать другую веру, например ислам, который проповедует равенство. Ярко эта тенденция проявилась в южных штатах.

Ужин подошел к концу. Попрощавшись с нами, наши собеседники отправились дальше — продолжать инспектировать деревни, а мы поехали на свой «престижный» завод.

По дороге, минуя погруженные в темноту деревни, где крестьяне, как и в старину, ложатся спать с заходом солнца, мы думали об этих людях, живущих при свете масляных светильников под линиями высоковольтных энергопередач, и о так называемых «престижных» объектах. Вдали показались красные сигнальные огни на трубах завода. За ними, образуя светящийся оазис на фоне ночного неба, залитые электрическим светом, сливались улицы Бокаро и Часа.

«ОДЕТЫЕ В БЕЛОЕ» И «ОДЕТЫЕ В НЕБО»

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОДОК ЧАС

...В этом маленьком городке всегда шумно, даже ночью. Тут есть Старый и Новый Час. В Старом (он стоит прямо на трассе Калькутта — Ранчи и обслуживает ее) вдоль открытых сточных канав протянулись авторемонтные мастерские, придорожные чайные, лавки с овощами и фруктами. Палатки торговцев прячутся здесь под развесистыми тенистыми деревьями, а в жару их накрывают навесами. Тут всегда много автобусов, грузовиков и приезжих.

Иногда в многоголосье Старого Часа вносят свой «вклад» и стаи обезьян, совершающие набеги в город из «Обезьяньей роши», которая расположена в окрестностях городка. Похоже, они приходят к людям в гости и любят будоражить их своим вторжением. Там, где появляются эти беспокойные посетители, особенно суматошно и шумно. Возникает возня и неразбериха. Возмутители спокойствия носятся

по крыше старой гостиницы «Индия», забегают на балконы и, убедившись, что там нечем поживиться, вновь возвращаются на крыши или устраиваются на деревьях возле овощного рынка. Как тут много соблазнов! Обезьяны бросаются на хлипкие навесы тележек, опередив кричащих торговцев, в прямом смысле грудью защищающих свое добро, стараются ухватить гроздь бананов или аппетитный золотистый мандарин и снова прыгают на ветки деревьев.

Оттуда, с удовольствием уплетая сочные плоды, они равнодушно наблюдают за тем, как разъяренные торговцы что-то кричат им и машут палками. Беззастенчивые животные не знают, что эти игры нравятся не только им самим, но и людям. Точно такие же плоды растут вдоль дороги из «Обезьяньей рощи» в город, и их можно рвать, но это скучно. А вот почувствовать себя в центре внимания толпы зрителей, которая подзадоривает участников игры, намного приятнее. Может быть, обезьяны знают о своем бесспорном сходстве с Хануманом, богом в облике обезьяны, который помог героям «Рамаяны» победить демона Равана и теперь так свято почитается всеми индусами? Причин, видимо, много, но истина одна: нашествия обезьян на Старый Час — дело обычное.

В облике Часа трудно отыскать что-либо особо запоминающееся, характерное лишь для этого города. От своих собратьев — маленьких городков он ничем не отличается, все они на одно лицо. Может, в поразительном феномене сходства и заключается завидное своеобразие? При всем желании точный возраст Часа определить нельзя. Скорее всего он существует несколько веков, протянувшись своей более старой частью вдоль единственной улицы, идущей перпендикулярно к трассе. Ездить по ней можно только ночью зимой, когда люди и коровы мирно спят. Но пройтись по этой улице всегда интересно. Заглядывая в харчевни, распахнутые двери магазинов, наблюдая на действом, происходящим в крошечных храмах, которые встречаются в Старом Часе на каждом шагу, можно незаметно для себя с удовольствием провести много часов. На суматошной средневековой улице торговцы выставляют свои товары. Тут можно увидеть на круглых металлических подносах и тарелках, на передвижных тележках аппетитно выглядящие пухлые шарики из специй, поджаренных в масле, пирамиды оранжевых апельсинов, липкие груды халвы и барфи, натертые до блеска плоды папайи, зубчатые грозди бананов и сушеные фиги — любимое лакомство детей и взрослых. Тут же преграждают дорогу ржавые металлические

прессы, на которых мальчишки-подростки выдавливают сок из стеблей сахарного тростника. Здесь нет автоматов с газированной водой, а прохладительные напитки в бутылках не по карману, да и не всегда по вкусу простому индийцу. Зачастую они утоляют жажду традиционными напитками — соком из стеблей сахарного тростника или молодого кокосового ореха и спасительным напитком — чаем с молоком.

Двери магазинов тканей гостеприимно распахнуты. Пол застлан белой тканью. Хозяин полулежит на обтянутых белым подушках-валиках. За его спиной сложены рулоны тканей разных расцветок. Перед ним стоит бюро, скорее напоминающее ларец, чем кассу. Обычно такие магазины семейные. Глава семьи — владеец, его дети или племянники — продавцы. На пороге появляется покупатель, привычным движением он сбрасывает обувь и ступает на белый пол. Хозяин движением бровей делает знак продавцам, и они спешат усадить посетителя, снимают с полок рулоны тканей и с изящной ловкостью фокусников раскатывают их на полу у ног покупателя, бойко рекламируя качество и гамму цветов. Работает вентилятор, и воздух наполняет ткани движением: они трепещут и переливаются, словно волны. Покупка отреза ткани или сари — это целый ритуал. Ведь нужно выбрать расцветку, плотность, обсудить стойкость крашения, поторговаться. Кстати, в магазинах тканей сари никогда не продают, а в магазинах сари нет длинномерных тканей. Эти магазины очень похожи, разница состоит, пожалуй, лишь в том, что там, где торгуют сари, нет рулонов, а разложены стопками пакеты с готовыми изделиями. В магазинах, где продаются ткани, чаще покупатели — мужчины, в то время как в лавках сари больше женщин. Они не спеша прицениваются к товару. Сделать выбор нелегко — двух одинаковых сари нет. Хозяин безучастно наблюдает за происходящим, получает деньги, запирает их в бюро и снова погружается в дремоту.

Если в магазинах, торгующих сари или тканями, двери всегда распахнуты, то ювелирные магазины со стороны улицы закрыты решетками и выглядят довольно неприветливо. С некоторых пор, когда сообщения об ограблениях ювелиров стали систематически мелькать на страницах газет, решетки и железные жалюзи «украсили» их фасады. Стоит покупателю войти в магазин, как над прилавком вспыхивают яркие светильники — на подносах сверкают золотые и серебряные изделия, мерцают россыпи драгоценных камней.

В парфюмерных лавках вам предложат выбор ароматических палочек и флакончики с экзотическими благовониями

и маслами. Здесь же, в окружении ярких этикеток арсенала готовой парфюмерии, торговец может приготовить любое сочетание духов и масел по желанию покупателя.

В магазинах обуви рядами выставлены расшитые золотом сандалии, заостренные носы которых напоминают гондолы, кожаные штиблеты «на один палец».

В многочисленных лавочках огромный выбор дешевых украшений из стекла — своеобразные «изумруды», «алмазы», «рубины» и «сапфиры» бедняков: блестящие металлические и стеклянные браслеты, кольца, пояса, жилеты и блузы, расшитые цветными стекляшками.

Когда идешь по такой улице, можно по запаху, буквально с закрытыми глазами, назвать продаваемый товар. Когда-то англичане шутили, что в Индии пахнет все, кроме роз. Но они ошибались. Запах индийских роз буквально опьяняет. Торговцы цветами выкладывают горы роз и жасмина на плетеные подносы. По пряному запаху легко отыскать магазины специй, карри, приправ для маринадов «пиклз». И уж совсем без труда по специфическому аромату находишь лавку по продаже развесного чая.

На высоком деревянном прилавке в маленьких коробочках насыпаны образцы — шарики и длинные скрученные листочки ассамского и дарджилингского чая. Даже в крошечной лавке имеются не менее восьми-десяти сортов — от чайной пыли до крупных хлопьев дорогого чая. Здесь нет ярких упаковок, больших сувенирных коробок с надписями «Лучший индийский чай» или «Новый аромат — новое настроение», этикеток с Тадж-Махалом, слонами, танцовщицами и альпийскими лугами, звучных рекламных оберток «Липтон», «Брук Бонд». Действительно, хорошему чаю реклама не нужна. Тут его хранят в больших фанерных ящиках, покрытых изнутри фольгой. В нижнем углу есть пробка-заглушка. Составленные вместе ящики напоминают ряды бочек в винных погребах. Чтобы набрать чая, торговец подставляет большой совок, резко выдергивает пробку и, отсыпав нужное количество, так же резко затыкает пробку. Поражаешься мастерству торговца, который, не просыпав ни крупинки, набирает точный вес, хотя он идет на граммы.

Таблички в магазинах напоминают, что расплачиваться следует на месте. В зависимости от фантазии владельца они бывают простыми, вроде «Кредита нет», и витиеватыми, например: «Мы верим лишь в бога, остальное — наличными».

В каждой лавке развешаны лубочные картинки, рас-

ставлены статуэтки божеств, которым поклоняется хозяин. В солидных торговых заведениях можно увидеть портрет Учителя, то есть гуру владельца, и фотографии политических деятелей страны. Однако солидные заведения находятся за пределами Старого Часа, в новой части городка.

Старый и новый город словно капиллярами соединяются улочками и переходиками, в которых с трудом могут разминуться два человека. Главная улица Нового Часа широкая. По ней на большой скорости проносятся грузовики и автомашины. Пешеходы также чувствуют себя свободно. Есть на главной улице и рестораны с кондиционерами, и кинотеатры, и дорогие магазины. Среди гостиниц выделяется отель с экзотическим названием «Кингз Пэлэс» («Королевский дворец»). Дворцом ее, конечно, не назовешь, но цены там королевские. Новый Час продолжает строиться. Это объясняется тем, что рядом расположен металлургический завод в Бокаро. Именно здесь обосновались владельцы небольших частных фирм, работающих на завод, выполняющих контракты, подписанные с государственным сектором. Весьма символично то, что две улицы старого и нового районов сходятся возле моста, по которому идет дорога к металлургическому гиганту в Бокаро.

Довольно сложно определить точки соприкосновения и порой слияния традиционного и современного укладов жизни. В этой стране не перестаешь удивляться главному чуду — сочетанию старого и нового, архаике веры и динамике современного развития. Воистину поразительна способность индийцев внести в ритмы второй половины XX века традиционную обрядность, правда слегка осовремененную.

Иностранец сразу ощущает этот феномен. Но лишь путем долгих наблюдений, анализа, сопоставлений, встреч и бесед ему удастся постепенно разобраться в обескураживающей мозаике парадоксального и естественного. Индийцу же нет необходимости обременять себя анализом, кропотливым разбором существующих реалий. Его жизненная философия, высокая духовная культура, вся сфера человеческих отношений подвергалась за последние столетия незначительным изменениям. Все новое, неотвратимо вторгающееся в традиционное, тут же к нему приспособливают и ему подчиняют. Например, нет ничего противоестественного в том, что на допотопном прилавке-магазинчике, торгующем склянками с самодельными лекарствами, приготовленными по рецептам народной медицины, можно увидеть последней

модели магнитофон, из которого льются звуки современных песен. Не вызывает удивления и заклинатель змей, разместивший корзинки со своими питомцами прямо на автостоянке. На улицах люди в ритуальных одеждах, отправляющиеся в места религиозного паломничества. Не собирается толпа зевак и вокруг аскета, тело которого покрывает только слой задубевшего пепла. Он уныло плетется, сопровождаемый лязгом железной цепи, опутывающей его шею, плечи и грудь. Услышав этот звук, поклонники его веры приветствуют странника привычным движением — берут прах с его ног. Все здесь и необычно и буднично, все сугубо по-индийски и не поддается ни повторению, ни копированию.

СЫН АСКЕТА

Наш взгляд часто задерживался на яркой вывеске магазинчика возле моста. Она была на русском языке. «Медные изделия Аджаны», — читали мы, а рядом красовалась надпись на английском — «Аджана метлз». Однажды, войдя туда, мы оказались среди нагромождения медных ваз ручной работы, подставок, колокольчиков и светильников.

Владелец магазина господин Аджана отдавал указания своим помощникам, которые энергично смахивали пыль с товара метелками из перьев попугаев. В воздухе висело облако пыли. Мы попытались ретироваться на улицу, но было уже поздно. Словно дирижер, Аджана опустил руку, и уборка окончилась. А он уже шел навстречу с распростертыми объятиями и широкой профессиональной улыбкой.

— Добро пожаловать в «Аджана метлз», — торжественно начал он хорошо отработанную вступительную речь, которой, очевидно, всегда встречал новых покупателей. — Только в нашем магазине вы можете приобрести лучшие изделия раджастханских мастеров, покрытые орнаментом из цветных эмалей. Мы также можем предложить фигурки богов из Тамилнада. Имеются изделия из Махараштры, выполненные в технике нанесения серебряного узора на основу из бронзы или сплавов из нескольких металлов, приготовленных по старинным рецептам.

Тем временем помощники выставляли на прилавок наиболее изысканные и дорогие вещицы. Но наше внимание приковал портрет в массивной черной раме. Сходство человека на портрете с Аджаной не оставляло сомнений. Та же горделивая улыбка, красивая посадка головы, тот же добрый взгляд умных глаз.

— Это мой отец, основатель нашего магазина, — сказал Аджана.

В Индии траур выражается по-разному. Но традиции держать портрет в траурной рамке не существует.

— Как давно он скончался? — поинтересовались мы.

Аджана смутился и что-то пробормотал. Потом он знаком отпустил помощников и, собравшись с духом, начал свой рассказ.

Очевидно, только на Востоке могла произойти подобная история. Такого и представить себе было невозможно. Оказывается пять лет назад в дружной семье Аджаны произошла трагедия — внезапно умерла мать. Горе потрясло всех, но больше других страдал отец, ведь он прожил вместе с женой более сорока лет. Даже сознание того, что со смертью мать избавилась от земных страданий, не утешало его. Он утратил всякий интерес к жизни, своим детям и внукам, все чаще предавался медитации и много времени проводил в Дели в обществе своего гуру.

Семья Аджаны исповедовала джайнизм и относилась к екте дигамбаров, то есть «одетых в небо», «одетых в воздух». В наши дни шветамбаров легко узнать по традиционным белым одеждам и повязкам, а дигамбара-мирянина внешне определить трудно, так как своей одеждой он не отличается от других людей. Занятие торговлей очень характерно для дигамбаров. И если они внешне совсем не выделяются, то значительно отличаются образом жизни, так как их вера предопределяет особый жизненный кодекс.

Когда Аджана-старший овдовел, он решил, что вера поможет ему перенести горе, и весь отдался этому чувству. Дети и внуки его больше не интересовали. Он решил порвать все связи и отказаться от привязанностей. Семья восприняла это решение спокойно. Отца проводили в большой храмовой комплекс, и он, ни разу не оглянувшись, поднялся по высоким ступеням, сбросил привычную одежду, а с нею вместе и бремя мирских забот. Отныне он стал «одетым в небо», «одетым в воздух». Он шагнул в мир аскетизма и святости в поиске Тропы спасения души.

Мы были поражены и взволнованы рассказом Аджаны. Известно, что аскетизм широко распространен в Индии. На дорогах можно встретить странствующих аскетов, но мы никогда не задумывались над тем, что странник оставил, от чего отказался ради веры. И вот перед нами стоял человек, добрый, славный Аджана, и рассказывал историю своей семьи, которая не могла не поразить.

— Отец жив, но его с нами нет и никогда уже не будет, — закончил свой рассказ Аджана.

Его слова прозвучали трагически. Но в них сквозило и чувство гордости, ведь не каждый джайн может поведать подобное о близком человеке. Так в чем же заключается истинная близость людей? Мы привыкли окружать своих родителей, достигших преклонного возраста, заботой и вниманием. В свою очередь, они последние годы проводят в заботах о детях и внуках. Благородная старость мечтает по нянчить и правнуков. Здесь же все произошло наоборот. Старый человек, порвав с домом, остался один на один с верой. Его перестало заботить все, что связано с жизнью людей.

Аскетизм всегда считался вершиной религиозного фанатизма. Для джайна-дигамбара — это кульминация веры. Ступая на путь аскетизма, он дает «Пять великих клятв»: быть честным, без разрешения не пользоваться тем, что ему не принадлежит, быть скромным и не иметь никакой собственности. Он также обязуется соблюдать «пять правил»: быть осторожным, когда двигается, говорит, ест, пьет, поднимает или ставит предметы. Все это делается лишь с одной целью — не причинить зла или физической боли другим существам, большим или маленьким, не оскорбить их чувств. Затем он берет на себя обет молчания и обет неподвижности, проводя много времени в застывшей позе, достигая абсолютного контроля над мыслями, речью и телом. Аскет воспитывает в себе и строго соблюдает «Десять священных заповедей» джайнизма — милосердие, прямоту характера, самоконтроль, правдивость, смирение, воздержанность, умерщвление плоти, самоотречение, уединение и сдержанность. Любой дигамбар-мирянин почитает эти заповеди и пытается следовать им, но для аскета они становятся его сутью, внутренним содержанием. Выполнение всех клятв, заповедей и правил выражается и во внешних проявлениях. Тело аскета всегда обнажено. Он не моется, не чистит зубы, спит на голой земле, на камнях, на колючей сухой траве. Волосы ему стричь нельзя, но время от времени необходимо их выдергивать и на голове, и на лице. Его постоянно сопровождает верный спутник — голод. Аскет никогда не ест досыта, часто проводит несколько дней, воздерживаясь от пищи. Это бывает тогда, когда он выполняет какие-то условия, в которые сам себя ставит, но о них никому не рассказывает. Когда же испытание окончено, он примет пищу, если ее предложат, но не коснется ее руками. Аскета должны кормить, как младенца, другие люди.

Трудно подробно рассказывать о правилах аскетизма. Но даже из этого короткого перечисления внешних проявлений, а ведь существует и сложнейшая аскетическая философия, можно немного представить его существование. Именно на это и отважился отец Аджаны. Пожалуй, «отважился» — верное слово. Оно соответствует и понятию «джайн», что означает «победитель», «герой». Более всего в рассказе Аджаны нас поразило то, что родственники видятся с главой семьи, но привычных отношений больше нет. Он для них стал святым. Они даже не предполагают, что их узнают. Единственная форма общения, оставшаяся доступной, — почтительно склониться перед ним и, не касаясь его ног, сделать легкое движение над ступнями и затем провести ладонями по своим волосам и лицу, то есть снять прах с его ног. Эта традиция существует в Индии издревле и, наверное, заимствована из ритуала омовения ног родителю, святому или желанному гостю, переступившему порог дома. Старик-аскет никогда не интересуется домашними делами, успехами внуков, здоровьем невесток. Он более не видит в собственном сыне, склонившемся перед ним в почтении, никого, кроме очередного пришедшего в Параснатх паломника.

ПАРАСНАТХ

Крутые склоны горы Параснатх, или Саммедашикхара, вселяют в джайнов благоговейный трепет. Действительно, вид ее весьма необычен и загадочен. Она невольно приковывает к себе взгляды тысяч людей. Гора возвышается над огромной равниной плоскогорья дистрикта Хазарибагх. Она видна и из Бокаро, и из Часа. Сколько раз нам случалось любоваться этой горой по пути на работу и домой! Наблюдая за ней, мы даже научились угадывать, какая нас ждет погода. Если у подножия Параснатха лежала дымка и виднелась только вершина, это означало, что день будет жарким и безветренным, а если окружала мгла — жди дождя или пасмурного дня. Если во всем своем величии, словно мираж, гора контрастировала на фоне ослепительного неба, день обещал быть прохладным и ясным. Можно сказать, что вид ее менялся в зависимости от времени года. Но всегда взгляд искал ее на горизонте. На вершине ее белели какие-то постройки, но мы не догадывались, что эта гора считается священной, хотя буквально чувствовали ее присутствие. Она манила к себе, звала в дорогу. Очевидно,

в древности люди и приписывали ей святость потому, что чувствовали ее присутствие. Одинокая гора, словно вырастая из равнины, не имела ни отрогов, ни соседних гор, поэтому Параснатх люди окружили легендами.

Джайны почитают Параснатх как место, где достигли нирваны двадцать Тиртханкаров, то есть практически все «Ведущие по океану жизни», за исключением лишь четырех: Ришабхи, Васунуджия, Ариштамени и Махавиры. Согласно преданию, основоположники джайнизма, каждый по-своему, долго и мучительно искали истину. И вот на этой горе она открылась им, они прозрели, или, как формулирует джайнская традиция, достигли нирваны. Здесь же, озаренные истиной и состоянием абсолютного блаженства, они окончили свой земной путь. Последний и наиболее почитаемый тиртханкар Махавира жил в VI веке до нашей эры. После него джайнизм сформировался как религиозно-философская концепция, приверженцы которой минимум два раза в течение жизни посещают Параснатх, выполняя сложный ритуал паломничества.

Как ни странно, но паломничество к святым местам и массовый туризм — порождение XX века — слились в единый механизм, приводящий в постоянное движение людей Индии. Немногие могут позволить себе отправиться в дорогу просто для того, чтобы посмотреть мир, удовлетворить жажду приключений. Трудно оторваться от привычных занятий, запереть дом и двинуться в путь ради того, чтобы побывать в далеких краях, выйти из собственного мирка. В этой стране духовные ценности выше материального блага. И вот человек создает себе возвышенную цель — побывать в святых местах, выполнить долг ортодоксального верующего.

Мирянин уделяет много времени и прилагает много сил, чтобы подготовиться к паломничеству. Отправиться в путь можно только после того, как все улажено с работой, финансами, здоровы близкие и с ними налажены хорошие отношения. Нельзя выполнять этот важнейший обряд, имея, например, долги или находясь в ссоре с близкими. Сердце и мозг должны быть свободны от мирских проблем, чтобы общаться со святынями и для внутреннего самосовершенствования. Разобравшись с делами, человек отправляется в паломничество в приподнятом, праздничном настроении. Он проникается чувством, что взялся за выполнение благородного и святого дела.

Часто люди отправляются к святым местам группами.

По пути они встречаются со странниками из других мест, заводят новых знакомых, беседуют с ними о вере и о мирских делах. Паломники-джайны стараются не пользоваться транспортом, так предписывает им древняя традиция. Это связано с тем, что они выступают против причинения зла другим, а под колесами могут погибнуть разные букашки, муравьи. Когда они идут, то внимательно смотрят под ноги, а наиболее глубоко верующие подметают себе дорогу специальными метелками. Эти люди не разводят огонь — ведь он тоже может кого-нибудь погубить. Они тщательно фильтруют через полуодежды питьевую воду. Многие джайны носят специальную повязку, закрывающую рот и нос, дабы не вдохнуть какое-либо крошечное насекомое.

Медленно и торжественно движутся группы паломников по дорогам страны, особенно те, кто относится к секте шветамбаров, или «одетых в белое». Путаясь в полах длинных одежд, когда дыхание затруднено повязкой на лице, а руки заняты узелком со скромной поклажей и метелкой, эти в основном пожилые люди упорно бредут к своей цели, туда, куда влечет их вера. Так в течение многих веков, пешком и только пешком, проделывали они свой изнурительный путь. Но наш век вносит свои коррективы даже в строгие каноны джайнов. Теперь никто не осудит, если до места паломничества они доберутся автобусом, поездом или приедут на автомобиле.

По дороге в Параснатх мы увидели много паломников. Нас это весьма удивило, ведь мы отправились туда в обычный день, и никаких специальных фестивалей там не намечалось. Не все они были в ритуальных одеждах. Мы обратили внимание на то, что паломники, ехавшие на автомобилях и на мотороллерах, одеты в европейские костюмы. Люди путешествовали семьями — тут были и дети и старики.

Сначала нам показалось, что до горы буквально рукой подать. Но прошло часа два, а мы все никак не могли приблизиться к ней. Дело в том, что дорога как бы описывала гигантскую петлю вокруг горы. Наконец мы добрались до склонов, покрытых изумрудной зеленью, и оказались в зарослях джунглей. Чем ближе мы подъезжали, тем быстрее улетучивалось мистическое чувство, производимое горой на расстоянии. Вот и железнодорожная станция, и белые стены храмового городка.

Вокруг ни селений, ни полей — лишь джунгли. Они покрывали равнину и вплотную подходили к беломраморным

стенам городка Параснатха, расположенного у подножия. Это довольно странный городок — здесь нет ни жилых домов, ни магазинов — только шатровые башни храмов и причудливые «колонны самоутверждения», которые, словно острые пальцы, указывали на небо. Кое-где причудливо торчали верхушки деревьев папайя.

Машина сделала крутой поворот и замерла на площадке. Дальше пути не было. Наступил момент, когда нужно было покинуть ее спасительную скорлупу и, преодолевая робость, выйти и окунуться в чуждый нам мир. По тому, как на нас смотрели люди на площади, мы поняли, что европейцы здесь не частые гости. Мы вспомнили напутствия Аджаны. Он взял с нас обещание, что обязательно поднимемся на гору. Аджана предвидел момент, когда мы почувствуем робость и некоторую неловкость, но заверил, что наше появление там не оскорбит религиозных чувств джайнов, ведь они дружелюбны и всегда придут на помощь, если таковая потребуется. У нас не было причин не верить Аджане. Во-первых, мы знали друг друга полгода, а во-вторых, были не просто знакомы... Однажды он назвал нас своими братом и сестрой. В Индии подобное случается не часто, но если такое происходит, значит, между людьми установились особые отношения. С его стороны этот шаг был продиктован признанием нашего искреннего участия в его судьбе, интереса к его Родине.

ПОДАРОК БРАТУ

Аджана всегда с большим интересом слушал рассказы о нашей жизни, рассматривал фотографии и открытки. Однажды он задал свой сокровенный вопрос. Обычно этот вопрос можно слышать только от индийца, с которым сложились доверительные отношения. Задают его не из праздного любопытства и не в первый день знакомства. Но рано или поздно, порой с извинениями и оправданиями, его время приходит.

Для любого индийца, независимо от того, является ли он индусом, парсом, джайном, сикхом, мусульманином или буддистом, религия существует не сама по себе. Она — часть его образа жизни, жизненная философия и культура. На нас они смотрят как на людей из страны, где религию рассматривают как опиум для народа, относятся как к пережитку прошлого, анахронизму. В глазах индийца человек, называющий себя атеистом, не только ни во что не верит, но и ведет пропаганду против религии. Главное, что волнует

индийца, — это проблемы морали. Есть ли она у атеиста, каковы его нравственные устои? Религия занимает такое огромное место в жизни индийца. Если он от нее отказался — значит, просто-напросто перестал быть индийцем. В Индии не каждый носит традиционные знаки принадлежности к той или иной вере. Довольно часто приходилось встречать людей, которые говорили, что родом из семьи индусов, но религиозных верований не придерживаются. Затем наступал какой-то важный момент в их жизни, например время вступать в брак, и тогда они начинали метаться между астрологами, сверять гороскопы и совершать индуистский свадебный обряд, ведя свою суженую вслед за брахманом по семи магическим кругам у свадебного костра. Думается, что Индира Ганди, появляясь на важных религиозных праздниках и совершая необходимые обряды, делала это не только для того, чтобы поддержать свой авторитет главы хоть и светской, но в высшей степени религиозной республики. Она никогда не принимала важных решений, не посоветовавшись с астрологом. Семья Ганди постоянно проявляла религиозную терпимость. Так, младший сын Индиры Санджай произвел глубокое впечатление на индийцев тем, как была устроена его свадьба. Мать Санджая принадлежала к высшей индуистской касте браминов, а отец был парсом. Женился Санджай на девушке из семьи сикхов, а свадьба происходила в доме друга семьи — мусульманина. Но индийцы в своих лидерах хотят видеть также и образец ортодоксальной веры. Пока Раджив Ганди находился вдали от политических дел, мало кого волновало, что он женат на итальянке. Но когда он стал премьер-министром, его брак был осмыслен заново. Так, теперь в мемориальном музее Индиры Ганди девушки-экскурсоводы с восторгом рассказывают о супруге Раджива:

— Она была итальянкой.

Услышав такие слова, иностранец невольно восклицает:

— Разве она умерла?!

Но индиец всегда поймет все правильно, без докучливых вопросов. Ему не надо объяснять, что Соня Ганди, восприняв индуизм, перестала быть для индийцев чужой, теперь она уже не итальянка.

Они безоговорочно отождествляют национальность с вероисповеданием. Поэтому при знакомстве с советским человеком срабатывает сигнал тревоги: «Осторожно, атеист!» Индийца не беспокоит, что человек может нарушить их религиозные принципы (они слишком устойчивы), в силу вступает простое человеческое любопытство. Насторожен-

ность связана лишь с боязнью осквернить себя контактом с человеком, который с отказом от религиозной догмы мог утратить и мораль. Поэтому к такому человеку долгое время присматриваются, изучают и, лишь убедившись в его «моральном здоровье», стараются выяснить, что лежит в основе нравственного облика советского человека. Порой они понимают ситуацию так, будто философия марксизма-ленинизма — просто другая религия.

Такие беседы всегда были трудными и долгими. Нельзя с уверенностью сказать, что удалось кардинально повлиять на точку зрения собеседника (такую задачу никто не ставил), но обмен мыслями о морали и нравственности явно способствовал лучшему пониманию друг друга. Иногда споры с Аджаной были довольно горячими. Он легко соглашался с тезисом о цели жизни, но совершенно не мог понять, в чем ее смысл. Его ошеломляла мысль, что человек сам хозяин своей судьбы. Правда, он соглашался, что человеческие возможности самосовершенствования практически безграничны, но не в состоянии был абстрагироваться от эгоистического индивидуализма дигамбара, в силу которого бытие человека замыкается на нем самом.

Настал момент, и Аджана назвал нас своими братом и сестрой. Прозвучало это как декларация абсолютного признания. На Ракши Бандхан, когда сестры повязывают братьям на запястье цветные шелковые шнуры, украшенные цветком или просто орнаментом из цветной фольги и стекляруса, руку Аджаны тоже украсил подарок, подтверждающий его статус брата. Этот прекрасный с точки зрения человеческих отношений праздник с незапамятных времен ежегодно отмечается в Индии в первое полнолуние индуистского месяца Шраван, который выпадает на август—сентябрь. Такой браслет, или, как его называют, *ракхи*, считается символом любви сестры, ее привязанности и должен оградить брата от всех бед, принести ему удачу.

Символика *ракхи* связана с легендой об Индре — правителе небес. Согласно преданию, когда демоны зла изгнали Индру из его владений, поруганный и оскорбленный, многие годы он вынужден был скрываться. Его супруга Сачи обратилась за помощью к богу Вишну. Тот дал ей шелковый шнурок, велел привязать на запястье супруга и сказал, что это принесет ему удачу. С помощью магического подарка Индра смог вернуть свои владения. Много веков *ракхи* обязывал сильных и богатых покровительствовать слабым и бедным.

В наши дни каждый почитает за честь получить *ракхи*.

Задолго до Ракши Бандхан начинается оживленная торговля ракхи разных форм и размеров, украшенных затейливой мишурой. В день праздника каждая сестра завязывает на руке брата причудливый браслет, угощает его сладостями и читает несколько строк молитвы. Если на Ракши Бандхан брат находится вдали от родного дома, подарок посылается по почте. Повсюду звучат древние песни о любви к брату. Люди надевают лучшие одежды. Практически у всех мужчин на руках поблескивают вещественные подтверждения того, что они любимы сестрами и нужны им.

Идея подарить Аджане ракхи родилась, когда повсюду началась предпраздничная торговля ракхи. Выбирая ракхи, мы не знали на чем остановиться. Пришлось наблюдать, какие браслеты покупали женщины из разных сословий. Простые женщины выбирали подарки попроще, а нам нужно было что-то особенное. И вот достойный подарок найден! Он был сделан из шелка и бархата, расшит стеклярусом и бисером. Когда Аджана увидел его, радости не было границ. Как ребенок, хвастал он перед соседями подарком, с восторгом рассказывал его историю покупателям «Аджана метлэ» и носил ракхи три дня.

СНОВА ПАРАСНАТХ

Перед тем как отправиться в Параснатх, Аджана подробно описал все, что нам предстояло увидеть. Но, приехав туда, мы немного растерялись. Наше появление вызвало интерес, нас долго разглядывали. Смутили нас и надписи на хинди, которые мы не могли прочитать. Рядом остановилась машина с дельийским номером, и из нее вышли пассажиры — семейство с ребенком. Они тоже привлекли внимание людей на площадке, и мы, воспользовавшись моментом, решились выйти из машины.

Аджана советовал нам сначала осмотреть часть комплекса у подножия Параснатха. Поэтому, отказавшись от энергичных предложений сразу отправиться в гору на носилках, мы углубились в улочки городка. В тени одной из гостиниц для паломников у полусонного торговца удалось купить карту-схему. Карта была красочной, в стиле индийского лубка, но все надписи на ней были сделаны тоже на хинди...

Городок разделен на отдельные секторы-компаунды, окруженные глухими каменными стенами. С улицы можно попасть только в гостиницы для паломников — *дхарма-*

шалы. Их двух- и трехэтажные фасады опоясывали открытые широкие галереи, похожие на веранды. Окон в домах не было. Горизонтальные линии галерей «разрезали» лишь распахнутые двери комнат. Не было видно замков, засовов, кое-где сохло белье. Кругом тихо и безлюдно. Пожалуй, только здесь, в Параснатхе, люди не боялись воровства, не думали о нем.

Это сразу бросалось в глаза потому, что путешествующий по Индии повсюду видит какие-то охранные средства: колючую проволоку, железную ограду с острыми наконечниками, каменные заборы, в верхнюю линию которых вмурованы крупные осколки бутылочного стекла. Совсем не обязательно, чтобы в одном месте использовались все средства, но в любой квартире, доме есть хотя бы железные решетки на окнах. Гостиницы находятся под охраной целого штата охранников. Такой же штат содержат и богатые семьи. Интересно, что собак для отпугивания или поиска воров не держат. Не пришлось нам видеть и домашних собак. Четвероногий друг человека разделяет удел бродячих и бездомных коров. Худые и больные, они кружат вблизи жилья в надежде чем-то подкрепиться. К сожалению, в отличие от коров, они не считаются священными животными.

Дхармашалы Параснатха окружают низкие развесистые пальмы, молодые деревья манго, высоких деревьев здесь нет. Стены и лестницы обвивают роскошные кусты бугенвилеи, создавая яркие цветочные пятна на фоне зелени и белизны стен. Пройдя через пустынную дхармашалу, мы оказались во внутреннем дворе одного из компаундов. Вход в храм украшали резные слоны, над которыми извивались белокаменные змеи, устремившиеся вверх по мраморной виноградной лозе к выступающему своду крыши. Доносились приглушенные голоса молящихся, то и дело звучал колокол.

ПОСВЯЩЕНИЕ — ДЕЛО СЕМЕЙНОЕ

Возле храма появились паломники, и мы поспешили отойти в сторону, чтобы уступить им дорогу, но они не спешили входить туда. Среди паломников мы сразу узнали женщину. Не часто можно видеть такое дорогое сари из зеленого шелка, расшитого серебром. Но в ее руке, одетом в ритуальную одежду цвета слоновой кости, с четками и книгой в руках, с трудом угадывался глава семейства, который буквально пятнадцать минут назад в безукоризненном европейском костюме вышел из машины с делийским номером.

Их сын был по-прежнему в шортах, белой рубашечке и ярко-красном свитере. Они первыми вступили с нами в разговор. Семья Джайпурии действительно приехала из Дели. Он владеет книжного издательства, которое выпускает общеобразовательную, философскую, и научную литературу. Путешествие в Параснатх они предприняли ради сына, которому через месяц исполняется девять лет. Стоило нам только спросить, что означает эта годовщина, как Джайпурия преобразился и принялся подробно рассказывать о традициях джайнов. Мы слушали и только дивились, с какой готовностью индийцы говорят о себе с иностранцами, стараясь объяснить им, втолковать мельчайшие детали и подробности своей жизни. Так случилось всякий раз, стоило чем-нибудь поинтересоваться. Казалось, Джайпурия проехали тысячу километров только для того, чтобы заняться нашим образованием. В его манере говорить не было и следа назидательности, он так легко общался с нами, что складывалось ощущение, будто мы знакомы уже много лет.

Выяснилось, что его отец тоже привозил сына в Параснатх, когда Джайпурии было столько же лет, как сейчас его сыну. Девять лет — это новая веха в жизни джайна. Правда, отсчет важных периодов в жизни начинается задолго до появления человека на свет. Первый обряд, связанный с рождением ребенка, совершается перед соитием, при этом супруги должны пребывать в возвышенном, радостном настроении. По словам Джайпурии, любовь дается людям только для счастливого воспроизведения потомства. Затем совершается еще четыре обряда — на третьем, пятом, седьмом и девятом месяце беременности. Делается это для того, чтобы будущая мать почувствовала заботу и внимание окружающих, чтобы создать ей хорошее настроение, ведь теперь ее должны занимать мысли о высоком, которые благотворно повлияют на физическое, умственное и нравственное развитие младенца в утробе. Шестой важный обряд связан с рождением ребенка. На двенадцатый день ему дают имя. Торжественно отмечают дни, когда ребенка на четвертом месяце жизни впервые выносят за порог дома, когда он самостоятельно сядет, когда сделает первый шаг. Празднично обставляется первое кормление твердой пищей. Когда ребенку исполняется год, его впервые стригут. Это тоже большое семейное торжество. В четыре года ребенка начинают учить читать и писать. Это тоже праздник. Когда джайну исполняется девять лет — наступает важнейший период в его жизни. Считается, что в этом возрасте человек достигает

зрелости и может приступить к осознанному приобщению к религиозным традициям. Ребенку объясняют смысл ритуалов, значение таинств и обетов, которые предстоит принять в девять лет и строго соблюдать всю жизнь. В этом возрасте джайн становится на «Тропу, или Путь, освобождения души», т. е. на путь воспитания в себе, развития и гармоничного сочетания трех ценностей джайнизма — правильной веры, правильного знания и правильного поведения. Подготовка к посвящению — дело семейное. Мать рассказывает ребенку древние легенды, поучительные истории, а отец читает вслух священные тексты, терпеливо объясняет значение великих истин. В девять лет юному джайну нужно принять первый обет, который, согласно традициям джайнов, способствует воспитанию восьми основных человеческих качеств. Соблюдая обет, джайны не едят мясо, рыбу, яйца и все остальные животные продукты, кроме молока и масла, не употребляют вино, не притрагиваются к меду, потому что он собран из сот, не лгут, не воруют, не занимаются махинациями и прелюбодеянием.

В девять лет маленький джайн дает также обет не вступать в брак до тех пор, пока учится, пока полностью не овладеет профессией. Но когда он становится самостоятельным и образованным человеком, наступает пора создавать собственную семью. Свадьбу празднуют торжественно и пышно. Это один из важнейших семейных обрядов. Семья джайнов живет праведно, заботясь о благосостоянии, честно зарабатывает на хлеб насущный и делает, по возможности, сбережения на будущее, выполняя обязанности перед обществом, не нарушает установленных законов, воспитывает детей, соблюдает все обеты, клятвы, посты и ритуалы. Джайны постоянно продолжают свое образование и в светских науках, и в религиозной философии, потому что одна из их заповедей гласит: «Человек — это те знания, которыми он обладает». Когда же заканчивается земной путь и душа покидает брненное тело, при кремации выполняется последний обряд. Правда, в отличие от индусов, не готовят погребальный пирог и не проламывают обуглившийся череп, дабы выпустить бесценную душу в бездонную вечность.

Закончив рассказ об обрядах джайнов, Джайпурия вновь обратился к тому, как они готовят сына к посвящению. Посещение Параснатха — лишь часть большой поездки по святым местам. Их сын, виновник приятных хлопот, смиренно стоял возле родителей. Как замороженный, уже в который раз он слушал рассказ отца. Мы так и не узнали

имени мальчика. Родители не обращались к нему по имени, да в этом и не было необходимости — он был рядом, ловил каждое слово, стоило отцу или матери что-либо сказать. Как многие индийские дети, он выглядел намного младше своих московских сверстников. А мы думали о том, что детство этого ребенка заканчивается и он вступает во взрослую жизнь, нам стало немного грустно. Джайпурия и его супруга не были сентиментальны. Настроение у них было приподнятое, они спешили по своей Тропе, увлекая за собой и своего ребенка.

ХРАМЫ ДЖАЙНОВ

Джайпурия предложил вместе осмотреть Параснатх. Нам пришлось задержаться на пороге храма, — надо было оставить у входа обувь, снять кожаные чехлы с фотоаппаратов, избавиться от ремней — джайны, как и индусы, не разрешают проносить в храмы предметы из кожи. Сквозь дым от ароматических палочек и курящихся благовоний трудно было определить размеры зала. Он был не просто большой, а огромный. Нельзя было сказать, сколько здесь собралось паломников — все были одеты в одинаковую ритуальную одежду: кусок ткани цвета слоновой кости, обернутой вокруг тела. Свободный ее конец был переброшен через плечо. Одни паломники ходили по залу, приводя в движение слои дыма от благовонных палочек, другие, сидя на полу, застыли над раскрытыми книгами. Некоторые верующие выкладывали на плитках пола священные знаки из зерен риса. В центре зала на массивном возвышении стояло изображение Джины. Вслед за нами вошли еще несколько человек. Остановившись у входа, возле тех, кто выкладывает знаки, они стали произносить какие-то стихи, очевидно мантры, в которых часто повторялось сочетание «Ом Намо». Затем эти люди направились к статуе, вновь остановились и несколько минут буквально с обожанием смотрели на нее. Потом склонили головы в глубоком почтении и снова прочитали мантры. После этого они разложили свои подношения.

— Это самая простая церемония поклонения. Люди надеются на очищение души, — слышался тихий голос жены Джайпурии. Она незаметно подошла к нам сзади.

Семь раз обошли паломники святыню, потом, найдя свободное место, присоединились к сидящим, положили перед собой принесенные книги и принялись перебирать четки.

Обстановка в храме напоминала представление, а люди — театральных актеров. Склоненные головы молящихся, драматические складки их одежд, перезвон колокольчиков, шорох перелистываемых страниц, произносимые шепотом молитвы — все это создавало атмосферу мистификации.

В такт словам Джайпурии периодически звучало священное слово «Ом», которым джайны начинали каждую приветственную мантру. Воздух в храме был так сильно насыщен дымящимися благовониями, что стали слезиться глаза. Странные звуки, полумрак, даже тихий вкрадчивый голос рассказчика нагнетали обстановку. Хотелось поскорее вернуться в залитый солнечным светом дворик храма. И когда наконец нам удалось вырваться, на свежем воздухе буквально закружилась голова.

Мы решили в храмы больше не ходить, а обойти компаунды и поскорее подняться на гору. Сейчас уже трудно вспомнить, как мы шли по Параснатху. В памяти сохранилась встреча с живописной группой шветамбаров-стариков, которые пристроились у стены своей дхармашала, словно старички на завалинке. Они мирно беседовали о чем-то своем, перекинув через левое плечо метелки. Издали трудно было угадать, кто говорит, а кто слушает, потому что нижнюю часть лица прикрывала специальная повязка. Вот разговор оборвался, и головы старцев повернулись в нашу сторону, руки взметнулись в приветствии, приглашая присоединиться к компании. Увидев фотоаппарат, стали прихорашиваться, поправлять метелки и складки на белых одеждах. Такого мы от них не ожидали. Но благодаря их энтузиазму на память остались фотографии людей в белом и их лица, излучающие доброту. Мы жалели, что разговор не состоялся — они говорили только на родном языке.

Запомнились также праздничные колесницы из серебра, которые мы обнаружили в соседнем дворе. В дни больших фестивалей на них вывозят из храмов святыни. Воистину это были произведения искусства, которыми могли бы гордиться самые прославленные музеи мира. Ажурная работа древних мастеров покрывала каждый сантиметр поверхности колесниц искусным растительным орнаментом. Они стояли под солнцем, покрытые слоем красноватой пыли, и ожидали своего часа, когда их покатают по улочкам Параснатха, вызывая благоговение тысяч паломников, обращающих свою приветственную мантру к установленным на них святыням.

Мы не стали задерживаться в библиотеке, где паломники изучали древние тексты и беседовали с гуру, а направились к храму Двадцати четырех знаков, одному из

главных у подножия горы. Это была постройка под открытым небом. Мраморная лестница вела к огромной платформе, по трем сторонам которой рядами стояли маленькие ступы, словно шеренга средневековых воинов в шлемах. Их-то и называли знаками в честь двадцати четырех Тиртханкаров. В центре храма-платформы было мраморное изваяние Ришабхи, которое окружали лишь металлические решетки, окрашенные в белый цвет, в тон комплекса. Четыре мраморных столба покрывала резьба в виде вьющихся растений. Столбы поддерживали свод над скульптурой, из которого поднималась высокая, около 30 метров, манастамбха — «Колонна самоутверждения». Получалось, что решетчатый павильон со скульптурой был просто массивным пьедесталом колонны. Завершала колонну башенка с заостренным куполом и с изображением сидящего Джинны.

На мраморе пьедестала и железных решетках, сквозь которые сияло лазурное небо, расплзались самые священные знаки джайнов — свастики. Джайны поклоняются многим знакам-символам, таким, как трехъярусный зонтик, зеркало, нимб, сосуд с водой, веер, колокол, лежащий лев и масляный светильник. Ими украшают и культовые места, и дома, и магазины, и книги, и визитные карточки. Многие религиозные символы стали торговыми знаками фирм. К виду свастики, хотя и белого цвета и развернутой под несколько другим углом, чем фашистская, привыкнуть невозможно. В Индии этот знак встречается буквально на каждом шагу, и каждый раз при виде его мы вздрагивали. Реакция невольная, для нас он навеки останется символом мрака, трагедии, которая уже унесла миллионы жизней. Иронично выглядят святыни джайнов, клейменные свастикой, да и сами джайны, выкладывающие на полу храмов свастику из рисовых зерен. Ведь они и мухи не обидят. Для них ее ломаные линии — это пути борьбы добра и зла, положительного и отрицательного начал, пути освобождения души, циклы перерождений. Не только для джайнов, но и для индусов свастика — знак удачи. Кстати, и те и другие уверены, что участь фашизма была предreshена еще тогда, когда он присвоил их священный знак, ведь по правилам джайнов пользоваться без позволения тем, что тебе не принадлежит, запрещено.

К колонне подходили паломники, читали мантру, сыпали перед Ришабхой рис, который тут же склевывали стаи воробьев, потом поклонялись всем двадцати четырем ступам.

Суровое и простое изваяние Ришабхи смотрело вдаль, застыв в позе внутреннего самосозерцания и полной отрече-

шенности от всего земного. Взгляд был обращен не на землю и не в небо, а в бесконечную даль. Он излучал покой и призыв к совершенству духа. Его всегда изображают так, в йогической позе достижения нирваны. Все детали и сама скульптурная композиция соответствовали канону джайнов, сформулированному в древних текстах, который предписывает даже диспропорции. Длинные мочки ушей почти достигают плеч. Плечи широкие, но не атлетические. Опущенные вдоль тела руки непропорционально длинные. Обнаженный торс с завышенной талией. Ноги стройные, но короткие. Подумалось, что мастерам, которые ваяли Ведущих по океану жизни, не суждено было в полной мере раскрыть свой талант и фантазию. Канон есть канон, и выходить за его рамки нельзя. Но эту скульптуру делали великие мастера или мастер. Идеально отполированный мрамор излучал тепло и свет. Он как бы согревал своей чистотой, отражая солнечные лучи.

Мы внимательно разглядывали Ришабху. Тем временем к нам подошел Джайпурия с сыном и стал рассказывать о тиртханкарах. Интересно, задавали мы себе вопрос, почему в этой древней стране люди из разных религиозных общин так настойчиво стремятся убедить себя и других, что именно их религия самая древняя, что именно их культура стала колыбелью цивилизации на Индостане, породила культуры других религий? А у джайнов такая уверенность граничит с фобией. Аджана любил рассуждать на эту тему: то, что имеет Индия,— все это достигнуто благодаря джайнам, история Индии — история джайнов, даже индуизм существует только потому, что его породил джайнизм. Он уверял: джайнизм уходит своими корнями в доарийский период — это старейшая философия и религия дравидийского происхождения. По его мнению, йога джайнов тоже существовала задолго до проникновения ариев и не имеет ничего общего с ортодоксальным брахманизмом. Джайпурия по сравнению с Аджаной получил прекрасное образование. Он окончил университет и сейчас руководил издательством, которое подготовило серию публикаций в честь важной для джайнизма даты — 2500-летия достижения Махавирой нирваны. Эти книги носят не только религиозный характер. В них подводится своеобразный итог исторического, культурного и философского наследия. Знания Джайпурии были академическими, а речь яркой и образной. И тем забавнее казалось содержание его рассказа.

Аджана лишь провозглашал тезис о бесконечности времени. А Джайпурия пытался обосновать его. Согласно

традиции джайнов, заверял он, вселенная бесконечна, как бесконечно все, что в ней заключено. Время следует рассматривать как колебание маятника, то есть сначала нисходящее движение, а затем восходящее, затем снова нисходящее и так далее до бесконечности. Единицу космического времени, полный цикл колебания маятника джайны называют *калпа*. Итак, калпа состоит из нисходящей части — *авасарпини* и восходящей — *утсарпини*. Каждую часть делят на шесть сегментов. Первый сегмент авасарпини характеризуется как очень счастливый период. Затем следуют: просто счастливый, не очень счастливый, не очень несчастливый, несчастливый, очень несчастливый. Утсарпини зеркально отражает эти периоды. Таким образом, авасарпини представляет собой цикл деградации человеческого счастья, физической силы, здоровья и даже продолжительности жизни. От первого до третьего периода человечество жило счастливо, полностью завися от природы, не зная общественных законов. В четвертом периоде, который был наиболее благоприятным для формирования человеческой цивилизации и ее культуры, настала эра тиртханкаров. Мы сейчас живем в пятом периоде, который начался спустя несколько лет после достижения Махавирой нирваны, в 527 году до нашей эры, и продлится 21 тысячу лет.

Мы смотрели на изваяние. Мраморный Ришабха был на пороге нирваны. Его душа освобождалась от страстей и желаний и достигала совершенства, расцветала красота духа. Это конец земного пути.

— Нам трудно представить время, когда жил Ришабха, — продолжал Джайпурия. — Но он был хорошо известен жителям долины Инда, где существовала доарийская цивилизация. Его имя упоминается в «Ригведе» — древнейшей на земле книге. Правда, брахманизм посягнул на его авторитет первого тиртханкара и объявил Ришабху одним из ранних земных воплощений бога Вишну. Он вообще много позаимствовал из нашей культуры. Даже йогу, которую создали джайны. Все, что существует на земле, связано с нашей традицией. Джайны первыми поклонились природе, осмыслили ее, первыми отказались от употребления в пищу мяса животных, птиц и рыб. Мы никогда не признавали обрядов, связанных с жертвоприношением живых существ. Наши пророки первыми обратились к людям с призывом отказать от насилия и не причинять зла. Мы не признаем авторитета богов, потому что уверены, что человек более совершенен. Боги не могут достичь нирваны, если не родились человеком.

И тут мы не смогли удержаться от вопроса:

— Разве не парадоксально, что джайнизм, не признающий никаких сверхъестественных сил, богов, которые могут судить людей, карать их или миловать, покровительствовать или проклинать, признает поклонение, предписывает джайнам столько обрядов? Известно, что люди обычно обращают свои молитвы к тем силам, которые могут исполнить их желания или, если разгневаются, обрушить на их головы все беды и болезни. Вы говорите, что джайнские святые по своей природе не могут вознаграждать и наказывать. В чем же суть поклонения?

— Наше божество — это тот, кто достиг вершины доступного для обыкновенного человека. Божество не имеет ничего общего с миром людей и не вмешивается в их дела, не отвечает на молитвы, не реагирует на почести и поклонение. Ему безразлично, поклоняются ему или нет. Мы считаем, что каждый человек пожинает плоды своих дел. Добро порождает добро, зло порождает зло. В этом процессе никакие божественные силы не участвуют. Но вера должна объединять людей. Совместные обряды и молитвы сплачивают верующих. Простые люди не имеют ни времени, ни способностей для овладения метафизическими и философскими основами учения. Им не чужды мирские желания, честолюбие, страх, сомнения и другие слабости. Они мечтают о легких и простых путях освобождения души. Обряды джайнов для этого и существуют. А для более интеллектуальных и духовно развитых верующих молитвы и обряды не имеют такого значения. Духовную пищу они получают посредством медитации и концентрации воли, что достигается путем строжайшей самодисциплины. Ориентируясь на большинство, джайнизм рекомендует соблюдать посты, участвовать в религиозных фестивалях, выполнять обряды. Все религии грешат этим, и наша, увы, не исключение. Но джайны никогда не обращаются в молитве к изображению святого. Мы не признаем идолопоклонства. Изображение, из чего бы оно ни было сделано, остается лишь творением рук ремесленника. Мы поклоняемся самому святому. В нем видим идеал, пример для подражания. Молясь, джайны ничего для себя не просят, они лишь превозносят великого человека, доказывают преданность и восхищение.

АСКЕТ И ЕГО ОБЕД

Неожиданно тишину в храме нарушили паломники, которые спешили добраться до платформы по ступеням. Они не обращали внимания ни на ступы, ни на Ришабху. Причиной

ажитожа стал аскет-дигамбар. Он неторопливо брел вдоль ступ. Потом мы еще долго гадали, как этот человек оказался на платформе и как мы умудрились пропустить момент его появления, хотя и сидели на скамейке, откуда просматривался храм и подходы к нему. «Одетый в небо» в одной руке держал пышную метелку, а в другой медный кувшин.

Аскет был довольно молод, не старше тридцати лет. Почему-то под влиянием рассказов Аджаны о старом отце и поучительных древних историй Джайпурии сложился стереотип, что аскетами становятся пожилые люди, имеющие большой жизненный опыт «в миру». Нам хотелось спросить, что думает по этому поводу Джайпурия, но его уже не было рядом. Он, как и другие, спешил навстречу аскету. Паломники снимали прах со святых ног, замирали в приветственном жесте — «намасте». Казалось, аскет не замечает подобострастия паломников. Иногда он взмахивал метелкой, и нельзя было точно понять, то ли он отмахивался от докучливых знаков внимания, то ли, словно священник, размахивающий крестом, благославлял их. Лицо святого было бесстрастным. Он даже не щурил глаза от лучей яркого солнца. Вот он остановился у лестницы, как нам показалось, оценивая производимый эффект.

Чем дальше мы наблюдали за дигамбаром, стоящим на лестнице, тем больше крепла уверенность, что под личиной спокойного безразличия пряталось изрядное честолюбие и даже позерство. Хотя он и не звал фотографировать себя, как старики шветамбары, но и не возражал против этого. Уже все паломники, сбежавшиеся к лестнице, отдали ему почести, а он продолжал стоять как бы в ожидании новых знаков внимания. Наконец он двинулся вниз по ступеням, ловко смахивая метелкой с абсолютно чистой поверхности букашек, которые якобы там проползали. Толпа двигалась вслед за ним на почтительном расстоянии. Аскет шел к ближайшей дхармашале, где его встречала другая толпа паломников. Приветствуя, они расступались, освобождая святому путь во двор. Он вошел и остановился, ожидая приглашения к столу.

Как мы уже писали, аскеты сами не едят. Их кормят. Они никогда не просят поесть. Если ему пищу не предлагают, он продолжает голодать. У джайнов есть легенда, будто Ришабха, известный и как первый аскет, выполняя добровольный обет, не принимал пищу и воду шесть месяцев. Когда срок обета истек и можно было утолить голод, ему пришлось не есть еще шесть месяцев, ведь в те

времена никто еще не знал, что аскета надо кормить. Годичный пост Ришабхи был прерван после того, как измученного странника накормил правитель города Хастинапура. Люди, устыдившись того, что произошло с первым аскетом, теперь спешат предложить аскету еду, которую он милостиво принимает. От пищи он отказывается в том случае, если ее предлагают в то время, когда он постится. Все уже знают: если аскет отказывается от помощи людей, значит, она не требуется. Когда же аскет сам приходит к местам, где его могут покормить, как случилось с дигамбаром, за которым мы наблюдали, это значит, что пост окончен и обет выполнен. И люди спешат быть ему полезными, ухаживают за ним.

Обед дигамбара — удивительное зрелище. Он восседал на земле в центре двора дхармашалы. При этом его лицо не выражало никаких эмоций. Дигамбар не проронил ни слова и ни на кого не смотрел. Вокруг него толпились паломники. Они с обожанием смотрели на него. Из распахнутой двери кантина дхармашалы спешили другие паломники с полными тарелками и мисками в руках. Вынести еду для святого, особенно в таком месте, как Параснатх, — величайшая честь. И те, кому посчастливилось вовремя ухватить на кухне блюда, теперь стояли в очереди к аскету. А он тем временем неторопливо разглядывал протянутое угощение и кивком головы давал понять, будет его есть или нет. Его не интересовали вкусовые качества пищи, а заботило лишь одно — не попало ли в тарелку какое-нибудь незадачливое насекомое. Паломники кормили дигамбара руками — зрелище, прямо скажем, малоприятное. Представьте себе взрослого голого мужчину, всего в крошках и с перепачканным лицом! Аскет ел много. Казалось, он никогда не насытится. Насытившись, он стал отвергать протянутую пищу. Лицо Джайпурии буквально светилось от счастья, ведь ему посчастливилось кормить святого!

К ВЕРШИНЕ ПАРАСНАТХА

Солнце стояло в зените, и нам надо было торопиться, ведь путь на вершину горы был неблизким. На склоне сквозь деревья просматривалась дорожка, ведущая вверх. Джайпурия с семьей оставались внизу. На гору они собирались подняться на следующий день, а нам надо было везде побывать сегодня. Когда мы выходили из городка, нам пришлось отбиваться от настойчивых предложений отправиться к вершине на носилках. Сухоньких и жи-

листных носильщиков наш отказ огорчил, ведь они были готовы донести нас до вершины бегом.

По мере того как мы поднимались, срезая, где возможно, углы на поворотах серпантина, перед нашим взором открывался все более захватывающий вид на городок. Сверху он был похож на сказочный замок, но без бастионов и неприступных стен. Городок со всех сторон был окружен джунглями. С высоты четко просматривались компаунды. Было видно, как толпа снова сопровождает какого-то аскета, который пришел пообедать. А вдруг это отец Аджаны? Подсознательно мы все-таки надеялись его встретить. Чем выше мы поднимались, тем чаще видели аскетов: медитирующие святые, устроившиеся то тут, то там подальше от дорожки, напоминали застывшие изваяния. Изредка покой склона Параснатха нарушало шарканье босых ног. Это носильщики спешили со своими поклажами. Люди на носилках дремали, утомленные полуденным зноем и обилием впечатлений от общения с заветными святынями. Носильщики двигались бегом и только по дорожкам. Заунывно позвякивали их керосиновые лампы, прикрепленные к верхней перекладине носилок. С наступлением темноты они будут освещать им путь назад. Вот очередные носилки пронесли мимо и скрылись за поворотом, и снова наступила тишина.

С того дня прошло много лет, но больше всего нам запомнились тишина и безмятежное спокойствие Параснатха. Даже ажиотаж с кормлением аскета показался наивной игрой, после того как довелось присутствовать на одном из самых экзальтированных праздников джайнов. Но это случилось уже на юге страны, в деревне Шравана Белгола, расположенной в 150 километрах от Бангалура, куда нас привела командировка.

ШРАВАНА БЕЛГОЛА

Когда мы приехали в эту деревню, она нам показалась полусонной, да и проживало в ней не более пяти тысяч человек. Но в одно тихое утро сюда устремились автобусы, повозки, запряженные волами, грузовики, такси и автомобили, а вместе с ними — тысячи людей. Буквально за ночь в окрестностях Шравана Белголы выросло одиннадцать палаточных городков. Там обосновались паломники и появилась передвижная телефонная станция. Несколько тысяч полицейских и их добровольных помощников патрулировали улицы, контролировали движение транспорта, помогали справиться с нахлынувшим потоком фанатичных верующих.

Число прибывших оценивалось в пятьсот тысяч человек!

Шравана Белгола лежит у подножия горы Индрагири. Эта гора значительно ниже Параснатха и не столь впечатляюща. Скорее ее можно назвать холмом, а не горой. На Индрагири возвышается двадцатиметровый каменный колосс — монолитная скульптура младшего сына Ришабхи Бахубали. Для непосвященных она выглядела весьма заурядно. Правда, поражали размеры. Мы осмотрели колосс в первые дни приезда и, занятые работой, забыли о его существовании. И даже представить себе не могли, что он может стать объектом такого неистового поклонения.

В день, когда сюда хлынули толпы паломников, статуя, возвышающаяся над колышавшимся людским морем, над тучами пыли, словно преобразилась, наполнилась новым содержанием. Обнаженная фигура стояла очень прямо, символизируя достижение нирваны. Тот, кто поднимался на Индрагири из деревни, сначала видел широкий лоб, плоские щеки, удлинённые мочки ушей и только потом тело с короткими ногами, которые до колен оплетают каменным орнаментом ветки вьющегося растения. Высекая сначала голову, древний скульптор так увлекся, что, вероятно, утратил чувство пропорции. Серая, твердая, холодная, с застывшей улыбкой статуя безмятежно царила над суетой и кажущейся неразберихой там, внизу, и словно мираж нависала над всем происходящим.

Для тысяч людей, собравшихся у его ног, это была духовная одиссея. Освящение статуи происходит раз в двенадцать лет и вызывает благоговейный трепет в сотнях гуру, в ученых-теологах. Они считают этот момент выдающимся событием времени.

Здесь, в Шравана Белголе, перед нами разворачивалось драматическое представление со всеми атрибутами, характерными для индийского паломничества, — *тиратха*. Начинается оно как священный ритуал и постепенно превращается в карнавал, где стилизованное пышное представление в духе прошедших веков удивительным образом сочетается с саморекламой и надувательством наших дней, а под флагом учения, проповедующего аскетизм, самоотречение и совершенство духа, происходит веселое празднество.

Людей становилось все больше и больше. Они прибывали отовсюду — из роскошных особняков Бомбея и пещер Гималаев, из глухих индийских городков и из-за границы. В котле Шравана Белголы фантастическим образом смешивались святые и мошенники, нищие и миллионеры, калеки и факиры, аскеты-муни и женщины с детьми. Сюда

приехали министры из центра, губернатор и главный министр штата. Некоторые индийские промышленники собирались пробыть в этой деревне несколько недель. Не все они были джайнами и верующими. Но всех их, святых и мирян, паломников и любопытных, исполнителей обрядов и случайных путешественников, собрал и объединил древний ритуал освящения изображения божества. Чтобы исполнить его и вызвать дух Бахубали, младшего сына первого из тиртханкаров, нужно было вылить много молока, сыворотки, гхи (топленого масла), настоя шафрана, воды и множества других смесей.

Вокруг скульптуры разворачивалось классическое индийское представление со всеми анахронизмами, противоречивыми эмоциями, несопоставимыми личностями участников — обнаженные аскеты толклись рядом с дамами из высшего света, разодетыми в дорогие сари, золото и жемчуга. Тут смешивалось народное и массовое искусство, кастовая замкнутость и благотворительность, очищение паломничеством и исполнение обетов. Но каковы бы ни были побуждения, приведшие сюда этих людей, с рассвета до заката толпы босых людей неиссякаемым потоком лились на гору, где тысячу лет назад военачальник Чамундарая приказал изваять эту статую и сам совершил обряд ее первого освящения. Особая таинственность и аскетическая сдержанность ритуала приводят в трепет паломников и поражают туристов.

Конечно, впечатление, которое производит Бахубали, связано с нелегким подъемом. Трудности подъема настраивают людей на волну особого восприятия, ведь нужно преодолеть 614 ступеней, высеченных в крутой скале. Пожилых и больных поднимают на бамбуковых носилках — их несут четыре носильщика, а не два, как в Параснатхе. Носильщики, минуя ступени, по которым движется бесконечный поток людей, почти бегом достигают вершины Индрагири. Те, кто поднимается пешком, замедляют ход по мере приближения в Бахубали: ведь чем ближе к вершине, тем ступени становятся круче. Потом путь проходит через открытый двор храма, где собраны разные исторические реликвии: древние эдикты на маратхи и каннада, резные колонны и таблички, вделанные в стены, свидетельства почтения и знаков внимания, оказанные гигантской статуе многими династиями правителей. Из глубины открытых галерей, опоясывающих двор, просматриваются двадцать четыре скульптуры тиртханкаров из черного мрамора, любая из них своим пластическим совершенством могла бы затмить

Бахубали, если бы кто-нибудь попытался сравнить их художественные достоинства. Но статую Бахубали сравнивают лишь с гигантскими каменными скульптурами Будды в Бамиане (Афганистан) или статуей Рамзеса II в Египте. Бахубали — самая крупная из свободно стоящих монолитных скульптур.

Мы наблюдали за тем, как двигалась пестрая толпа, и отдавали должное организаторам праздника. Сколько предприимчивости и практического опыта нужно иметь, чтобы управлять полумиллионной массой на сравнительно ограниченном пространстве Шравана Белголы! Они также сумели найти довольно неординарное решение такого вопроса, как пальма первенства при свершении обряда освящения. Церемония освящения начинается с омовения статуи водой. Для этого надо со специально построенной платформы, украшенной государственными флагами Индии и разноцветными флажками, вылить 1008 кувшинов воды. Организаторы торжества объявили, что право на первые калашы — сосуды для возлияний — принадлежит тем, кто предлагает самую высокую цену. Таким образом они выделили самых значительных членов общины джайнов. В те дни газеты писали, что первые семь семей внесли по сто тысяч рупий (месячная зарплата высокопоставленного государственного чиновника не превышала четырех тысяч рупий). Но так и осталась в тайне сумма, которую внесла семья калькутского промышленника Гангваля за право быть первой среди первых. Несколько сотен последних кувшинов воды стоили уже всего по тысяче рупий.

В день омовения утром произошло чудо: разноликое море паломников вдруг что-то объединило. Может, так проявилось взвинченное до апогея важностью события чувство единства и сплоченности общины. Большинство паломников были одеты в новые белые дхоти, а женщины в сари шафранового или желтого цвета. Человеческое море разливалось и у подножия Индрагири: люди толпились на ступенях и дорожках по склонам горы, члены разных сект джайнов заняли специально отведенные для них места в галереях и на нижних этажах платформы святилища Бахубали. Внутренний двор был уставлен 1008 калашами, прикрытыми кокосовыми орехами вместо крышек. Возбужденная толпа ожидала начала церемонии. Наконец зазвучали мантры, затем священники из рук в руки по цепочке стали передавать калашы. Громко называлось имя следующих участников омовения, которые ждали своей очереди возле бамбуковой лестницы, ведущей на платформу. Они все еще сжимали в

руках свои пропуска. По почерневшей от времени и мансунов поверхности колосса потекли первые струи очищающей воды. Музыканты заиграли священный гимн. На голову Бахубали из калашей лилась вода. Она растекалась по плечам и с шумом падала к ногам, символизируя надежду прервать круг перерождений, прекратить муки, связанные с рождением, старостью и смертью. Сквозь толпу к ногам Бахубали пробирались аскеты, чтобы подставить свое чело под струи сбегавшей сверху воды. Омование длилось несколько часов. Поток людей, поднимающихся на платформу, напоминал хорошо налаженный конвейер.

Когда началась вторая часть фантастического представления, солнце поднялось высоко. К этому времени из больших медных сосудов на статую уже вылили тысячу литров молока. Серый гранит превратился в белый от потоков молока, струившихся по телу безмятежного исполина. Толпа восторженно кричала, трубили фанфары, а музыканты играли придворную мелодию времен прежнего правителя Майсура. Затем на статую выплеснули 150 литров сока сахарного тростника, от чего она сделалась прозрачно-перламутровой. А когда посыпали рисовой пудрой и мукой из кокосовых орехов, вокруг скульптуры образовалось огромное белое облако и она стала бледно-серой. Теперь вступили в свои права яркие цвета. Благодаря пудре сандалового дерева статуя начала отливать оранжевым гляncем, который буквально светился в лучах солнца. Один цвет сменял другой: ярко-красный превращался в густой цвет красного дерева, а настой из трав окрашивал камень в коричневые тона. Эффект был ошеломляющий. По мере того как менялись цвета и Бахубали омывали разными смесями, создавалась иллюзия, будто статуя ожила, приобрела внутренний динамизм. Доведенные до экстаза люди подставляли свои флаги, бутылки, кувшины, чтобы собрать драгоценные струи и взять домой как священные реликвии.

Толпа приветствовала происходящее восторженными криками, а порой, потрясенная, замирала. Воздух был насыщен запахами шафрана, тамариска, разными сильно пахнущими растениями, травами, специями.

Мы присутствовали на грандиозном, великолепно отрежиссированном представлении, в котором точный расчет умело сочетался с блестящим исполнением. Толпа была доведена до экстаза. Насквозь промокшие люди, покрытые разноцветными от вылитых смесей пятнами, ликовали. Они неистово кричали:

— Еще! Еще!

И тут на божество посыпались со всех сторон лепестки живых цветов. Трудно сказать, с большим ли ликованием отметили джайны в 1887 году момент, когда на Бахубали посыпались дождем золотые и серебряные цветы вперемешку с девятью разновидностями драгоценных камней.

За всем происходящим мы наблюдали с большого расстояния. Нам было страшно оказаться в толпе фанатичных верующих. Конечно, нам повезло, что мы оказались в этих местах в праздничные дни, ведь это было значительное событие для всей страны. В день начала освящения еще на рассвете мы видели, как недалеко от Индрагири приземлился вертолет. Организаторы торжества кинулись встречать тех, кто прибыл на вертолете. Вечером мы узнали, что здесь побывала премьер-министр страны Индира Ганди. Она всегда посещала важные праздники, использовала их для встреч с лидерами различных движений, руководителями религиозных общин. Проявляя личное внимание и участие, она старалась заручиться поддержкой своей политики, обеспечить единство сложной по религиозному и этническому составу страны. На следующий день центральные газеты поместили фотографию, на которой Индира Ганди беседовала с обнаженными старцами во главе с лидером секты дигамбаров муни Видьянанда. Она выступила на митинге в Шравана Белголе, осыпала статую Бахубали с вертолета цветами. Однако среди джайнов тоже нашлись злопыхатели. Они ворчали, что ни один лепесток не коснулся Бахубали, ведь никто, даже птицы, никогда не смели летать над священной горой.

Когда освящение статуи завершилось, палаточные городки и телефонную станцию быстро свернули и сотни тысяч паломников, словно по мановению волшебной палочки, тут же покинули Шравана Белголу. Здесь снова наступили тишина и покой. Лишь памятник Бахубали, символ физической и духовной силы человека, который первым из смертных достиг нирваны, по-прежнему возвышался над сонной деревней.

ПАВАПУРИ

На земле Бихара также есть жемчужины джайнской архитектуры. Так, в крупном центре паломничества Пavaпуре, на острове посредине большого озера, покрытого цветами лотоса, возвышается храм Джала-мандир. Он стоит там, где, согласно джайнской традиции, в 527 году до н. э. достиг нирваны последний тиртханкар — Махавира.

Рассказывают, что в те далекие времена озера не было. Согласно легенде, паломники, которые вот уже два с половиной тысячелетия совершают паломничество в Павапури, уносят с собой со священного места горсть земли. Так образовалось озеро, но мы не видели, чтобы кто-нибудь брал землю.

Паломники ведут себя здесь довольно обычно. Сначала они обходят храмы на берегу, а затем по мостику направляются в Джала-мандир. Там паломники читают приветственные мантры, оставляют подношения, совершают обряд омовения на мраморных ступенях. Мостик из красного камня напоминает узкий длинный коридор. Словно красная лента, врезается он в водную гладь и ведет к беломраморному храму. И мостик и все вспомогательные постройки на берегу возведены из красного песчаника. Ажурные резные решетки служат перилами, изящные, покрытые резьбой фонарные столбы радуют глаз. Когда с красного каменного мостика переходишь на белый мрамор, кажется, что ты попадаешь в другой мир. Безусловно, такое впечатление создается от идеальной гармонии храма. Однако великолепные полы, потолки, арки, галереи, резьба по мрамору, удивительная симметрия напоминают мраморные дворцы и усыпальницы Великих Моголов. Очевидно, его строили во времена правления Джахангира или вскоре после него, когда техника обработки мрамора была доведена до совершенства. В центре Джала-мандир находится главная реликвия — плита с отпечатками ступеней Махавиры. Она намного старше всего комплекса и изготовлена в те далекие времена, когда джайны и буддисты еще не изображали своих святых, а поклонялись их символам.

На этом месте скончался семидесятидвухлетний Махавира, или, как его называют джайны, Великий Учитель. Последние тридцать лет своей жизни он провел в странствиях. Махавира проповедовал мир и ненасилие ради совершенства и величия души; призывал не разделять людей на расы, касты и классы, учил, что все они равны независимо от возраста и пола. Махавира не основоположник новой религии, его считают реформатором и продолжателем веры, которую формировала целая плеяда тиртханкаров. И повсюду, где звучали его проповеди, Махавира находил новых учеников и верных последователей. К моменту достижения им нирваны число джайнов-аскетов достигло 50 тысяч, джайнов-мирян, среди которых имелись люди из богатых и родовитых семей, правители, сановники и простые торговцы, было более полумиллиона.

ДИВАЛИ — ФЕСТИВАЛЬ ОГНЕЙ

Большой апостол учения об ахимсе окончил свой земной путь, достигнув нирваны в пятнадцатый день безлунной половины месяца карттика в 527 году до нашей эры. Джайны ежегодно отмечают этот день — зажигают масляные лампы-дивы, символизирующие вечность и универсальность правдивого и озаряющего душу «Огня знания», который зажжет Махавира. Это джайнский Новый год — «Дивали» или «Дипавали» — фестиваль огней. Огонек в глиняной, наполненной маслом чашечке, которая умещается на ладони, — главное украшение праздника. Масляные лампы горят в окнах домов, на крышах и оградах, в храмах и на улицах. В этот день во время обряда поклонения джайны размахивают дивами перед изображением Махавиры, читая приветственную и праздничную мантры.

В Индии множество праздников, и они удивительным образом переплетаются. Так на Ракши Бандхан сестры дарят братьям шелковые шнуры-ракхи. В тот же день отмечают еще один праздник, и он также связан со шнурком. Это Упакарма, или Смена священного шнура. Священный шнур — признак отличия «дваждырожденных», то есть брахманов, которые проходят *упанаяну* — церемонию посвящения. Эта древняя церемония рассматривается как величайшее таинство. Мальчиков-брахманов посвящают в касту в возрасте от восьми до двенадцати лет. В день, который определяет астролог как наиболее благоприятный, ребенку бреют голову, его купают и украшают священным шнуром, состоящим из трех хлопковых нитей белого цвета, и нашептывают ему священный гимн Гаятри из «Ригведы». Вскоре после *упанаяны* мальчика отправляют в дом его гуру. Слово «упанаяна» значит «начало обучения под руководством учителя». Всю последующую жизнь каждый год в светлую половину месяца шраван носящий священный шнур, меняет его на новый. Брахманы собираются в группы со своим гуру и совершают омовение в водах священных рек. Они надевают новый шнур через левое плечо, затем сбрасывают старый, читают ведические мантры и делают подношения богу Солнца.

Что касается Дивали, то его празднуют поклонники разных религий. Для джайнов он важен по одному поводу, а для индусов — по другому. Но все празднуют его пышно и весело. Масляные лампы — *дивы* или электрические огни зажигают во всех городах и деревнях, страна, залитая светом, кажется сказочной.

Дивали отмечают на амаवासия — пятнадцатый день темной половины индуистского месяца картик, который падает на октябрь — ноябрь. Индусы считают, что в этот день Рама — главный герой «Рамаяны» — вышел из леса после четырнадцатилетнего изгнания. Жители Айодхьи встречали его с зажженными лампами. Сейчас праздник Дивали длится пять дней.

В первый день, то есть тринадцатый день картিকা, дома и магазины моют, чистят. Перед порогом дома или квартиры выкладывают многоцветным орнаментом надпись «Добро пожаловать!». Чтобы облегчить эту работу, теперь уже можно купить большую наклейку с готовым приветствием. В этот день принято покупать изделия из золота и серебра, новую металлическую кухонную утварь.

Второй день, или Нарана Чатурдаши, знаменует победу над злым демоном Наракасура, который заточил в своем гареме шестнадцать тысяч женщин, дочерей богов, святых и мудрецов. Бог Кришна убил тирана и освободил прекрасных пленниц. Этот день — самый веселый и шумный. Все просыпаются задолго до восхода солнца, совершают ритуальное омовение, натирают тело благовонными маслами и надевают новые одежды. Вечером обычно устраивают фейерверки, пускают ракеты, повсюду шипят и ухают петарды.

Третий день посвящен умилоствлению Лакшми — богини благополучия и процветания. Во всех домах зажигают дивы, чтобы приветствовать ее. Коммерческие фирмы и частные торговцы подводят итог финансовой деятельности за год и открывают новые счета, заводят новые бухгалтерские книги.

Четвертый день — праздник, или пуджа, Говардханы. Это название пригорка неподалеку от Матхуры в Брадже. Согласно индуистской традиции, бог Кришна поднял его, чтобы укрыть коров и пастухов от ливня, устроенного правителем небес богом Индрой. Поэтому люди в Пенджабе, Харьяне, Уттар-Прадеше и Бихаре складывают сухие лепешки коровьего навоза в пирамиды, символизирующие Говардхану, обильно украшают их цветами и распушенной ватой, поклоняются им. Этот день отмечают и как Аннакут, или «Гора еды». Во всех храмах перед изображениями божеств выкладывают, как правило, горкой всевозможные яства.

Пятый день Дивали называется «Бхатия Дудж». По традиции мужчины в этот день обедают в доме своей сестры, дарят ей подарки. На севере его называют «Яма Двития»,

ведь в семнадцатый день картика бог смерти Яма посетил свою сестру Ямуну, или Джамну, обменялся с ней подарками и дал обещание, что каждый, кто получил на Дивали от сестры тилак и вручил ей свои подарки, никогда не будет наказан богами. Братья и сестры собираются на берегу реки Джамны и, взявшись за руки, окунаются в священные воды.

Азартные игры на Дивали тоже стали национальной традицией. Это связано с легендой о том, что Парвати играла в кости на Дивали со своим супругом богом Шивой, благословив этот день как наиболее благоприятный для игр. Индийцы поистине весьма изобретательны. Кроме костей и карт они придумали десятки разных игр на деньги. На Дивали можно без оглядки предаваться национальной страсти — азартным играм.

В Бокаро Дивали — это, пожалуй, самый веселый праздник года. На каждом углу раздаются взрывы, шипение и треск петард и хлопушек. Вот когда можно вволю пошуметь! Маленькие дети зажигают чудесные, брызгающиеся искрами бенгальские огни, шалят и танцуют. Дети постарше пускают в воздух ракеты самых невообразимых конструкций: двух- и трехступенчатые, с парашютами и без них. Новые наряды, обилие сладостей, всеобщее ликование, иллюминации, бесконечные линии колеблющихся огней див превращают праздник в радостный и щедрый карнавал. Да, именно щедрый. Все охвачены одним порывом — быть щедрыми. Яркие освещенные магазины и ларьки осаждает празднично разодетая толпа. Все, даже бедняки, спешат купить подарки своим детишкам и близким. После праздника эти несчастные снова будут с трудом сводить концы с концами, но в этот день стараются не отказать себе и другим ни в чем.

На Дивали принято ходить в гости. Нагруженные пакетами с подарками для хозяев и гостей, мы обычно отправлялись в дом Чиббара, где нас ждали радушная хозяйка и хозяин дома. Все дома в их высокопоставленном секторе были залиты морем огней. Гирлянды из электрических лампочек свисали с крыши вниз до фундамента дома. Получался великолепный огненный водопад. В изощренности украшений домов чувствовался элемент соперничества. Несмотря на обилие огней, вместе с хозяевами мы зажигали традиционные дивы, и в сверкающем чистотой доме Чиббара, который никому и никогда не мог уступить пальму первенства в размахе и пышности, начинался веселый и шумный прием.

ЧИББАР — ЧЕЛОВЕК ДЕЛА

Плотные шторы надежно защищают кабинет от проникновения ярких лучей солнца. Стены украшены изречениями: «Если хотите, чтобы работа была выполнена вовремя, поручите ее занятому человеку!», «Обращаетесь к деловому человеку — объясните суть дела и дайте возможность ему тоже заняться делом!»

В кабинете за большим столом (чем стол больше, тем выше ранг начальника) в удобном плетеном кресле на колесиках восседает главный инженер Чиббар, высокий и статный пенджабец с пышными усами. Чиббар — воплощение деловитости и уверенности в себе. Он работает на заводе с самого начала строительства и любит вспоминать, что, когда приехал сюда, на месте завода были лишь маленькие примитивные деревни адиваси. Только истинный профессионал мог стоять у истоков создания крупнейшего в Азии металлургического завода. Теперь Чиббар считает завод своим детищем и относится к нему по-отечески, с любовью, даже закрепившуюся за ним репутацию «большого оригинала» он воспринимает с гордостью и делает все для того, чтобы постоянно ее поддерживать.

В его кабинете всегда было чисто в отличие от кабинетов коллег, заваленных горами пыльных чертежей и папок с документацией. На огромном полированном столе лежат лишь бумаги, необходимые сегодня. Кроме чисто внешних проявлений «оригинальности» существовали и внутренние, о которых хорошо знали смежники: например, хозяин этого кабинета никогда не затягивал решение неотложных вопросов, не задерживал ответы на письма.

Как известно, в Индии все проблемы разрешаются за чашкой чая с молоком. В департаменте Чиббара, в отступление от установленных традиций, подавали чай с лимоном. Казалось, все работники получали несказанное удовольствие от заведенных тут порядков и как бы подыгрывали своему руководителю в общем стремлении поддержать образ, или так называемый имидж.

На работу Чиббар всегда надевал элегантный европейский костюм и тем самым задавал тон своим подчиненным. Его руки были унижены перстнями и кольцами. Семейный астролог Чиббаров определил, на каком именно

пальце, какие именно кольца с какими камнями ему следует носить, чтобы оградить себя от злых сил. Практически все мужчины страны носят кольца по указанию астрологов. Но украшений этих обычно бывает не более трех. Чиббар и в этом плане старался казаться оригиналом.

Под статью Чиббару был его заместитель доктор Басу, единственный на заводе работник, который имел научную степень. Это был полный, как и многие жители юга, невысокого роста человек. Он тоже почти всегда ходил в костюме и галстук, только летом, когда столбик термометра поднимался выше сорока градусов по Цельсию, позволял себе сменить пиджак на ослепительно белую рубашку с короткими рукавами. В отличие от других он курил великолепную трубку «Данхилл» и любил похвастать набором ароматных табаков и многочисленных приспособлений для раскуривания и чистки трубки. Когда мы впервые встретились с Басу, он готовился к командировке в Советский Союз и интенсивно изучал русский язык. Он был одним из самых прилежных слушателей курсов русского языка и часто обращался к нам с вопросами по грамматике и фонетике. Несмотря на напряженный ритм работы в департаменте Чиббара, Басу умудрялся заниматься языком в рабочее время и старался, при первой возможности, говорить по-русски даже при обсуждении производственных вопросов.

ГЛАВА «ДОМАШНЕГО ДЕПАРТАМЕНТА»

Дома Чиббар буквально преображался — ходил в легких широких на индийский манер брюках, богато расшитой рубашке навыпуск и курте. Его жена, невысокая стройная женщина со связкой ключей, привязанных к поясу кончиком сари, никогда не обращалась к мужу по имени. Она говорила о нем лишь в третьем лице — «он» или «мистер Чиббар». Чиббар постоянно командовал ею, и порой мы чувствовали себя неловко, когда в нашем присутствии он отдавал ей распоряжения, как будто выстреливал из пушки: «Пушпа, подай воду!», «Пушпа, где дети?», «Пушпа, почему они задерживаются?», «Пушпа, принеси фотографии!».

Постоянно звучало: Пушпа, Пушпа, Пушпа... И маленькая женщина, позвякивая ключами, терпеливо и безропотно выполняла все его поручения.

Когда мы впервые побывали у них, миссис Чиббар показала нам свой дом. Вести хозяйство ей помогали садовник и кухарка, с которой она ездила на рынок.

У Чиббаров был большой двухэтажный, полностью со-

ответствующий должности, занимаемой Чиббаром на заводе, дом. Как и другим руководящим работникам, ему предоставили казенный коттедж высшей категории, то есть дом, в котором не менее десяти комнат. За символическую плату в нем можно было жить до тех пор, пока глава семьи работает на этом предприятии. Если его переводят на другой объект или он выходит на пенсию, дом необходимо освободить. На верхнем этаже находились спальни и уютная терраса, обставленная на манер комнаты отдыха. Там стояли несколько глубоких кресел и мягкие топчаны с бесчисленными подушками. Во время послеобеденной сиесты хозяева предпочитали тенистую террасу обжигающей прохлады кондиционированных спален. На нижнем этаже — огромная гостиная с деревянной винтовой лестницей, ведущей к спальням, и камин с чугунной решеткой в английском стиле. К гостиной примыкала просторная столовая, из которой дверь вела в кухню.

В маленькой кухне была глинобитная печка (ее топили древесным углем) с открытыми отверстиями для огня и вытяжкой. Незамысловатая утварь, начищенная до блеска, вызвала умиление. Электроприборы заменяли ступка и большой нож-бати, вертикально укрепленный на доске. Раньше мы видели бати только на рынке, наблюдая, как мастерски разделявают на нем свой товар торговцы рыбой. С помощью бати они чистили крупные рыбыны и резали на мелкие куски. Нож укреплен стационарно, а торговец орудует рыбой. Страшно было смотреть, как мелькали руки у острого лезвия. Разделав рыбу, торговец заворачивал ломтики рыбы в банановый лист и протягивал покупателю. В нашем представлении бати — атрибут рынка, поэтому мы удивились, когда увидели его на кухне в доме Чиббара.

И хотя кухонная утварь у миссис Чиббар была довольно проста, это не мешало ей готовить изумительно вкусные блюда. Конечно, в их доме не подавали блюда знаменитой могольской кухни, такие, как цыпленок-тандури, для приготовления которого нужна специальная глиняная печь-тандур. Особенно удавались миссис Чиббар блюда из дала (вид гороха) и риса. Вместо хлеба она подавала чапати — вкусные тонкие домашние лепешки из пшеничной муки, которые при желании успешно заменяют вилки и даже ложки. Чапати можно свернуть и набирать ею соусы и приправы. Хорошо получались у нее воздушные, хрустящие лепешки-пури (их жарят в масле на сковороде с выпуклым дном).

Конечно, миссис Чиббар при готовке добавляла в пищу острые приправы. Мы тоже пользовались готовыми припра-

вами, но блюда получались не такими вкусными, как у нее. Узнав, что мы покупаем готовые приправы, миссис Чиббар объяснила, что этого делать не стоит. Оказывается, она сама их готовит, а необходимые компоненты приобретает на рынке. Магазинными приправами пользуются только рестораны или ленивые хозяйки, заверила миссис Чиббар, а уж если покупать, то их надо умело смешивать. Она с готовностью диктовала нам рецепты блюд и приправ, а иногда даже предлагала готовить их вместе. Она ездила с нами на рынок и помогала выбирать овощи и фрукты нужной спелости и размера, учила, какой покупать рис. Мы даже не подозревали, что для приготовления разных блюд следует покупать рис разных сортов. Для нас рис был просто рисом, но миссис Чиббар подробно объяснила, как отличать десять-пятнадцать сортов и выбирать из них тот, который подходит именно для планируемого блюда. Затем мы ехали к Чиббарам. Пока мужчины беседовали в гостиной, женщины уединялись на кухне, и там кипела работа, которой руководила хозяйка дома. Приготовив однажды блюдо по новому рецепту с использованием ранее невиданных и неизвестных овощей и специй, в следующий раз уже чувствуешь себя большим специалистом. Кухарка, несмотря на название своей должности, на самом деле занималась мытьем овощей, уборкой и стиркой. Как хорошая хозяйка в высоком смысле этого слова, миссис Чиббар всегда готовила сама, доверяя кухарке право оправдать свое звание только в те редкие случаи, когда уезжала погостить к родным.

У Чиббаров подавали домашние пиклз — маринованные овощи и фрукты. Чтобы пояснить, что такое пиклз, надо сказать, что после обычной ресторанной приправы из стручкового перца (чили) выступают слезы и посетитель жалобно заказывает холодную воду, ощущение же от чили пиклз намного сильнее. Хозяйка готовила различные варианты пиклз: из манго, чили, диких лимонов или смешанные пиклз на горчичном масле. После ее пиклз холодная вода не помогала и спасал только домашний молочный напиток *дали*. Вслед за десертом, который отдаленно напоминает молочную рисовую кашу с орехами, ужин заканчивался миндалем и тонкой, сладкой, поджаренной в масле лапшой с пряностями, сладостями *ладду*, *джалеби* и *гулабджан*.

Миссис Чиббар обычно готовила два обеда: для себя и дочерей — вегетарианские блюда, а для Чиббара — мясные. Хозяин не ел только говядину. Индусы ведь никогда не употребляют в пищу мясо священного животного. Хозяйка и дочери были вегетарианками. Они не ели не только мясо, но

и рыбу, птицу и яйца. Миссис Чиббар вспоминала, как трудно приходилось ей в первое время после замужества, как она брезговала прикасаться к мясу, когда готовила обед для мужа. Она буквально теряла сознание от страха и отвращения, но со временем привыкла. Чего не сделаешь для любимого мужа! Необходимость готовить мясные блюда помогла ей также избавиться от чувства физического отвращения к людям, которые постоянно едят мясо и животные жиры. Ведь, по ее мнению, от них исходит специфический запах, который неприятен вегетарианцам. Если бы эти люди знали, как они пахнут, то никогда бы не прикоснулись к мясу.

Всякий раз, когда мы оказывались единственными гостями в доме Чиббара, появлялся мистер Рой — высокий, худой человек лет пятидесяти. Это был их семейный астролог. Что-то величественное и благородное было во всем его облике. Он жил в маленькой деревушке, довольно далеко от Бокаро, где не было ни телефона, ни электричества. Для нас так и осталось загадкой, как он узнавал, что вечером мы приедем к Чиббарам. Его неожиданные и незванные приходы интриговали, тем более что идея собраться у Чиббаров часто рождалась в конце рабочего дня. Мы обратили внимание, что Рой никогда не появлялся, если у Чиббара в этот вечер бывали другие знакомые. Мы пытались представить, как вел бы себя астролог в их обществе, особенно при встрече с бравым генералом Чоудхури, который после службы в армии занимал пост директора завода возле Ранчи. Генерал был душой компании. Чиббар всегда подыгрывал ему и заводил речь о боевых подвигах генерала. Их количество возрастало по мере того, как вечер близился к концу и уменьшалось содержимое бутылки. Генерал любил выпить. И чем больше пил, тем становился словоохотливее.

Вера в астрологию настолько распространена в Индии, что буквально на каждом шагу, каждую минуту чувствуешь ее присутствие. Здесь астрологов можно увидеть на улице и базарах сидящими на земле под деревом или шатром. Перед ними всегда разложены таблицы, схемы и книги. Многие гостиницы имеют своего астролога, готового составить гороскоп, предсказать будущее прямо в номере. В книжных магазинах и лавках продаются гороскопы на текущий год, книги типа «Звезды и ваше будущее», «Узнай свое прошлое, настоящее и будущее», «Вы и ваши звезды». Все крупные газеты и иллюстрированные журналы печатают в воскресном приложении гороскоп «Ваши звезды на эту неделю». Политические деятели советуются с астрологами перед нача-

лом очередной избирательной кампании. Если верить прессе, то и Индира Ганди никогда не принимала ни одного важного решения, не посоветовавшись с астрологом. Таков образ жизни.

Вот типичный пример. Завод лихорадочно готовился к пуску новой домны. Недавно назначенный председатель корпорации спешил представить правительству отчет о результатах своей деятельности. Царила обстановка нервозности и спешки. Из столицы поступали запросы о сроках, на церемонию пуска ждали правительственную делегацию. Специалисты, связанные с пусковыми работами, трудились без выходных, рабочие задерживались сверхурочно. Дата пуска определялась на совещании у главного инженера по строительству. Выступавшие единодушно докладывали, что он может быть проведен в понедельник. В атмосфере общего энтузиазма как-то странно прозвучало предложение главного инженера провести еще один цикл испытаний. Присутствовавшие были поражены — все оборудование неоднократно проверено, в отдельности и комплексно, в запасе оставалось еще два дня на устранение выявленных неполадок. Смущенный главный инженер снова и снова пытался обосновать перенос даты пуска домны.

— Может, назначим пуск на вторник? — осторожно предложил кто-то.

— Конечно, вторник лучше, — оживился главный инженер.

— А что если в среду?

— Назначим пуск на среду! Среда — очень хороший день! — главный инженер был счастлив.

С ним никто не смел спорить — он не только главный инженер, но и брахман... Ни указания из правления корпорации, ни уговоры о том, чтобы приблизить дату, не могли ничего изменить. Среда — очень хороший день, и церемония пуска домны состоялась в среду. Через некоторое время мы встретились с ним в гостинице корпорации в Калькутте. Сидя вечером на веранде, вспоминали события, связанные с этим пуском. Главный инженер объяснил нам, непосвященным, что дату пуска установил его астролог и он, естественно, не мог назначить другой день. Хороший день — плохой день, благоприятный — неблагоприятный... для индийцев это столь же однозначно, как для нас хорошая или плохая погода. Опыт показывал, что, если день почему-то не устраивал человека, он просто не появлялся на заводе,

ссылаясь на срочные дела, нездоровье, неназначенные совещания, вымышленные командировки и тысячи других причин.

СЕМЕЙНЫЙ АСТРОЛОГ

Астрологи влияют не только на служебные дела. Они регламентируют все. Родился человек — тут же составляется гороскоп на всю жизнь. Выбирает профессию или место работы — снова гороскоп. Собирается жениться — три гороскопа, на жениха, на невесту, на их вероятный союз. Решил переехать на другое место — еще гороскоп. Астрологи предписывают, какие драгоценные камни следует носить, из какого металла изготавливать украшения. Для всей страны они предсказывают конкретный месяц, благоприятный для заключения браков, и все свадьбы празднуются в этот месяц года. Одно дело читать в газете: «Вероятно, в воскресенье вы станете центром внимания; не упустите возможность и осуществите свои планы» или «вторник — благоприятный день для путешествий, отправляйтесь на Север и избегайте контактов с незнакомыми людьми», совсем другое — жизнь, особенно если у вас в доме на правах уважаемого члена семьи есть астролог. Он не живет с вами под одной крышей, но всегда в курсе дел и прогнозирует абсолютно все. Вы никогда не станете с ним спорить — кто знает, может, он прав. Такого астролога называют «семейным». Это звание оправдано во многих отношениях: он «заботится» о судьбе каждого члена семьи и всех вместе взятых, его не наняли за известную плату, на определенное время (такие астрологи тоже есть), а он получил уникальный статус по наследству от своего отца, который был семейным астрологом ваших родителей. Семейный астролог владеет не только историей семьи, но и знаниями, унаследованными от своих предков-астрологов.

Первая встреча с астрологом семьи Чиббаров произошла во время большого приема в честь состоявшейся в Дели свадьбы их сына. Мы были еще неофитами, и Чиббар взял на себя миссию посвятить нас в индийскую действительность. Он объяснил нам, как выбирают невесту, сколько претенденток ему пришлось отклонить, пока его астролог не сообщил, что гороскопы сына и предполагаемой невесты сочетаются. Братья Чиббара (они жили в Дели) подбирали невесту сыну и вели переговоры с ее родственниками о размере приданого и о месте проведения брако-

сочетания. Согласно старинной традиции, юноша и девушка обычно впервые видят друг друга во время свадебного обряда. Но так как обе семьи причисляли себя к новому поколению, лишенному предрассудков, жениху и невесте устроили свидание в доме дяди, и они смогли не только взглянуть друг на друга до свадьбы, но и немного поговорить. Не было речи о том, нравится ли сыну избранница — он давно заверил родственников, что полностью полагается на их выбор. Чиббар был доволен — девушка оказалась из хорошей семьи, она была красива и за ней давали богатое приданое. Сумму он не называл, но, принимая во внимание происхождение Чиббара и его положение на заводе, образование, которое дали сыну, можно было представить, что семья невесты не поскупилась на украшения и деньги. Когда женился владелец небольшого магазина в нашем секторе, в порыве откровенности он похвастался, что приданое его красивой жены составило три миллиона рупий.

Родители невесты, жившие в Бомбее, возражали против свадьбы в доме жениха в Бокаро из престижных соображений, а Чиббары не соглашались на свадьбу в Бомбее. Чиббар был очень занят, часто ездил в Дели, появлялся в департаменте на день — другой и снова исчезал. После очередного появления посыльный доставил нам два конверта. В одном было приглашение на свадьбу Чиббара-младшего, которая состоится в Дели. Второе гласило, что Чиббар с супругой имеют честь пригласить нас на прием, устраиваемый в их доме по случаю женитьбы сына. Почему свадьба в Дели, а прием через неделю в Бокаро? Доктор Басу раскурлил трубку, распорядился принести чай с лимоном и подтвердил, что свадьбу будут праздновать на «нейтральной» территории в Дели в доме дяди, а прием состоится в городе Бокаро.

На свадьбу в Дели мы так и не смогли поехать, зато с удовольствием посмотрели длинный видеофильм, снятый зятем Чиббара. Свадьбу провели по всем правилам, в соответствии с традициями индуизма. Жених подъехал верхом на белом коне, украшенном гирляндами цветов. Во время просмотра фильма Чиббар заразительно смеялся, комментируя «мастерство» наездника. Несколько предварительных уроков верховой езды оказались бесполезными. И хотя напрокат взяли спокойное старое животное, юноша нервничал, опасаясь, что окажется позорно сброшенным. Обычно свадебный обряд длится несколько дней. В установленный астрологом вечер и час должен произойти самый важный момент, когда жених и невеста соединяются навсегда. Мы

смотрели, как на платформе брахман раскладывал различные культовые предметы. Здесь были установлены глиняные сосуды, наполненные священной водой и другими благотворными предметами. Жениха и невесту провели на платформу и усадили перед брахманом. Он стал читать мантры. Жених, отдавая дань земному благословию, держал масляный светильник над медным сосудом с листьями манго, рисом, кокосовыми орехами — символом воспроизведения и космического плодородия. Вот наступил момент, когда молодой человек окрашивает лоб и пробор невесты ярко-красной краской и надевает ей свадебную гирлянду, *мандал шутра*, а собравшиеся вокруг платформы гости и родственники осыпают молодоженов рисом. Они соединили руки над тарелкой с кокосовым орехом, символом плодородия.

В тот вечер, когда проходил прием в Бокаро, найти дом Чиббара оказалось легким делом. Вдоль улицы выстроилась вереница автомобилей, ведь сюда были приглашены все члены администрации завода, а также прибыли гости из Ранчи и Калькутты, те, кто не смог присутствовать на церемонии в Дели. Разноцветные огни электрических лампочек гирляндами ниспадали с крыши дома, заливая окрестности праздничным сиянием. Звучала музыка, мужчины беседовали в одной части двора, а женщины — в другой. Повсюду стояли кресла и стулья. Сновали сотрудники департамента Чиббара, предлагая гостям прохладительные напитки. Женщины в ярких праздничных сари, дорогих украшениях беседовали о детях, погоде, предстоящей благотворительной ярмарке. У мужчин были более серьезные темы для разговоров — обсуждались производственные вопросы, перемещения в правлении корпорации, волнения среди рабочих, каждый день грозящие перерасти в забастовку.

Вновь прибывшие, прежде чем присоединиться к гостям, проходили в специально отведенную комнату, где молодожены принимали поздравления и подарки. «Принимали», пожалуй, не совсем верное слово. Они безмолвно сидели на пестром диване. На молодой было красное свадебное сари и полный комплект золотых украшений. Она была прекрасна, как и цветок Раджни, чье имя носила. Изысканность, грациозность, красота и смущение создавали образ классической индийской новобрачной. Хотелось полностью увидеть ее лицо, но глаза были опущены. Счастливый муж, в черном английском костюме, лучезарно улыбался. Принимая поздравления, ему тоже не положено говорить, и с гостями беседовали гордые хозяева дома, стоящие рядом. Когда мы поздравляли новобрачных, Чиббар сообщил, что теперь не

только разрешился вопрос с женитьбой сына, но и определена его дальнейшая карьера и молодые сразу переедут в Джемшедпур, где сыну предложили хорошую должность в частной компании «Индиан Оксиджен».

Чиббар представил нас своим гостям. Для них мы были своеобразной диковинкой. А Чиббар не знал большего удовольствия, чем удивлять людей. Со многими мы оказались уже знакомы, и поэтому представление было довольно коротким. Затем Чиббар увлек нас на улицу, сказав, что жаждет представить еще одному человеку.

У ворот в окружении водителей стоял астролог Рой. Было холодно, и он кутался в дорогую кашмирскую шаль. Именно он сказал решающее слово, определившее будущее сына, но он не был среди гостей. Сияющий от удовольствия Чиббар, подкручивая усы, уговаривал воспользоваться встречей и задавать астрологу любые вопросы, ведь тот делает такие верные предсказания! Мы не могли придумать ни одного вопроса — такой неожиданной была эта встреча. Но тут к предложению Чиббара присоединился и Рой. Мы задали вопрос, скорее из вежливости, чем в надежде найти ответ. Мы спросили, почему уже около двух месяцев не получаем писем из дома. Рой помолчал, сосредоточился, а затем сказал, что дома все в порядке и к концу следующей недели наши волнения развеются. Действительно, через какое-то время мы получили несколько писем, видимо, что-то случилось с почтой.

Прием закончился пышным ужином. Чиббаровские подчиненные под руководством доктора Басу выполняли роль официантов. Гостей было много, и работы хватало всем. Первыми ужинали женщины, а затем мужчины.

Когда мы снова были у Чиббаров, вошел мистер Рой и занял свое, видимо, привычное место в кресле, окинув собравшихся извиняющимся взглядом. Он выглядел одновременно и как стеснительный гость, и как уверенный хозяин.

Конечно, зашел разговор об астрологии и о том, что многие ей не верят. Рой доказывал, что это очень строгая наука. Различными способами — тренируя силу воли, читая мантры, выполняя дыхательные упражнения, занимаясь медитацией, советуясь с мудрецами и свами, нося астрологический браслет — человек может уменьшить и даже свести к минимуму неблагоприятные последствия ошибок, совершенных им в прошлом. Дом можно спасти от удара молнии с помощью громоотвода. Так и храм человеческого духа и тела может быть защищен определенным способом, уверял Рой.

— Вы сомневаетесь и не доверяете мне. Пожалуйста, не объясняйте мне то, что очевидно и совершенно естественно,— говорил он.— У нас разный жизненный опыт, разные духовные ценности. Ваша честность похвальна, но возможности ограничены, так же как и у большинства людей. Люди даже представить себе не могут, что открывается перед человеком, который путем медитации и постоянного воспитания воли развивает в себе исключительные способности, вырываясь из плена пяти чувств, которыми наделен от рождения. Я — гражданин планеты и могу путешествовать по свету в любое время и в любое место. Для меня нет расстояний.

— Но существуют различные государства, они имеют границы. А чтобы путешествовать, необходим паспорт, оформленные визы. Даже для того, чтобы нам, имеющим вид на жительство в Индии, выехать в другой город или штат в командировку или на экскурсию, следует сначала получить разрешение от службы безопасности,— стали мы возражать Рюю.

— Поймите, путешествует мое сознание, и ему не нужны никакие бюрократические формальности. Вот сейчас, сидя в этом доме, я могу мысленно перенестись в любой уголок мира, встретиться с кем вы пожелаете. Говорите, кто вас интересует?— возразил Рой.

— Скажите, что сейчас делает наша мама?— воскликнули мы оба в один голос.

Астролог медленно поставил бокал на стол, опустил руки на колени и коснулся лба, как бы разглаживая морщины, немного подумал и сказал, что в данный момент мать сидит на мягком диване, на руках у нее ребенок, но не кровный родственник. Она спокойна и хорошо себя чувствует. Ее не беспокоят неприятные мысли. Ей тепло и уютно.

— Она дома?— поинтересовалась я.

— Я не знаю, как выглядит дом. Но душа ее находится в гармонии с окружением.

— Какие предметы возле нее?

— Я сказал, она сидит на диване. Рядом открытое окно, за которым растет дерево. Ее обвивает приятный прохладный ветерок. Она смотрит в камин.

Камин?! Мы очень удивились. Откуда ему взяться. Ведь в нашем доме камина не было, да и у друзей тоже. Мы стали уверять Роя, что, видимо, это газовая плита, или батарея, или электрообогреватель. Однако он настаивал на своем:

— Камин!

Вернувшись домой, мы написали маме письмо и просили ее как можно подробнее описать, чем она занималась в тот вечер. Мама ответила, что была у соседей на даче, сидела на диване с их внуком и смотрела по телевизору интересный фильм. Сказать, что мы были ошеломлены, все равно что ничего не сказать. Конечно, телевизор! Человек, владеющий трансцендентальным сознанием, не знал, что такое телевизор. В то время в Бихаре телевидения еще не было. Да и в больших индийских городах оно оставалось достоянием богатых семей.

Происшедшее, безусловно, изменило наше отношение к Рою. Теперь мы часто встречали его у Чиббара — он появлялся там, как всегда, неожиданно-негаданно. Слушать его было интересно. Вряд ли найдется на свете человек, которому его будущее безразлично. Каждому хочется заглянуть вперед. Но Рой никогда не говорил только о том, что произойдет. Он нанизывал будущие события на события прошлых жизней. И если рассказ о будущем интриговал, то экскурсии в прошлое казались забавными. Для человека его прошлое существует в воспоминаниях. Они — его реальный жизненный опыт. А что такое воспоминания о прошлых жизнях? Правда, иногда возникают странные ситуации, когда оказываешься в незнакомых местах, впервые встречаешь людей и вдруг кажется, что все это уже когда-то с тобой было. И чем лихорадочнее пытаешься припомнить, тем быстрее улетучивается ощущение повтора. Остается лишь волнующее впечатление от первого мига открытия.

Это явление называют «ложной памятью». Рой рассматривал его как единственную нить, соединяющую человека с его прошлыми рождениями. Он владел высшей профессиональной этикой и никогда не позволял себе облекать в слова грядущие сложности, болезни и трагические события. В таких случаях он советовал избегать каких-то знакомств, не бывать в определенных местах, стараться обращать больше внимания своему здоровью.

ДОМ — ЭТО ЖЕНА

Нас поражала способность Чиббара преображаться самым удивительным образом. На службе это был строгий, деловой и несколько экстравагантный руководитель. Контакты с иностранными специалистами выработали в нем защитный иммунитет — он старался держаться на европейский манер,

поддерживал их взгляды и суждения, всячески доказывал, что свободен от сложившихся в Индии стереотипов и социальных предрассудков. И это удавалось ему. Картинная «прогрессивность», граничащая с позерством, ограждала его от тривиальных вопросов, которыми обычно досаждают иностранцы. Он много говорил о себе, но заведомо умалчивал о главном, о том, что живет по законам своей веры. Даже когда он распахнул перед нами двери своего дома, познакомил с семьей, он все еще пытался играть роль деспотичного руководителя «семейного департамента», помыкающего домочадцами.

Очевидно, Чиббар считал, что так принято в нашей стране. В отношении Роя, которого мы (чего греха таить) не сразу поняли, он вел себя в нашем присутствии нарочито покровительственно и иронично. Наверное, тоже из опасения, что нам не хватит терпения и культуры понять его и оценить представленное им право приобщиться к тому, что так тщательно оберегал от чужаков. Зная отношение иностранцев ко всему индийскому, он, возможно, боялся показаться смешным.

Все это мы поняли позднее. А по мере того как мы выдерживали «экзамены» на восприятие и человечность, которые он нам устраивал, Чиббар тоже преобразался. Теперь на пороге дома нас встречал добродушный глава счастливого семейства, любящий муж и отец, внимательный и заботливый хозяин. Несмотря на то что Чиббары были женаты уже тридцать лет, он умел любоваться супругой, с гордостью говорил, что у него красивая жена и кожа у нее светлая. По дому больше не грохотали, словно пушечные выстрелы, бесконечные «Пушпа-Пушпа». Ее имя производилось ласково. Даже говорить о ней Чиббар стал по-другому:

— Обратите внимание на акварели в гостиной. Это — гималайские пейзажи, сценки на берегу Ганга. Пушпа прекрасно рисовала, пока у нас не было детей, а теперь совсем забросила это занятие. Кроме того, жена хорошо играет на ситаре!

При таких словах дорогого супруга миссис Чиббар очень смущалась и начинала торопливо оправдываться, что у нее совсем нет свободного времени, слишком много всяких забот по дому.

В ведах говорится: «Жена — вот истинный дом». И Чиббар, как правоверный индус, создает для супруги условия, в которых она может быть не только хранительницей домашнего очага, но и его правительницей.

О чем молит бога эта маленькая женщина со светлой кожей? Как и всех матерей мира, больше всего ее заботит будущее детей, а их у Чиббаров четверо. Правда, уже решился вопрос с замужеством старшей дочери, теперь она счастлива со своим супругом-капитаном и воспитывает двух прелестных девочек, позади остались волнения, связанные с женитьбой сына, но сколько еще предстоит пережить, прежде чем они устроят судьбу двух дочерей!

Одна из них уже почти взрослая — она заканчивала школу, а вот младшей еще рано носить сари. Она как цветок, радующий сердце. Этот резвый очаровательный подросток с короткой стрижкой нуждается в особом внимании матери. Ее еще нужно учить и учить и не только в школе. Ведь основное образование, необходимое будущей хозяйке, жене и матери, девочка получает в отчем доме. Это занятия музыкой, танцами, рисованием, вышивкой, домашним хозяйством и приобщение к духовным традициям. Родители заботятся и о приданом. И не для одной дочери, а для двух. К этому обязывает не столько социальное положение семьи, сколько родительская любовь — приданое невесты должно стать основой благополучия молодой семьи. В Индии, выдав дочь замуж, родители прекращают помогать ей материально, ограничиваясь подарками.

Предстоящее замужество дочерей Чиббары рассматривали как стихийное бедствие, неотвратимо приближающееся с каждым днем. Несмотря на то что существует официальный закон об отмене приданого, игнорировать древнюю традицию и то, что считается общепринятым, они не могли. Чиббар часто сокрушался, что, хотя он служащий государственного сектора, тем не менее ему не под силу собрать два приличных приданых. Сколько веков не знают покоя отцы, а матери обращают свои молитвы к Шиве, просят послать дочерям хорошего жениха!

Миссис Чиббар сокрушенно вздыхала, когда показывала нам купленное дочерям в приданое очередное дорогое сари.

Казалось, девочек мало беспокоило, чем разрешатся волнения родителей. Младшая осваивала премудрости науки и увлеченно занималась легкой атлетикой в спортивном клубе в своей школе. В гостиной рядом с камином стояли на полочках ее призы-кубки. И когда она могла похвастаться новой наградой, радости не было предела. Средняя дочь задумывалась о будущем по-своему. Близилось окончание школы, и она мечтала поступить в калькуттский универси-

тет. Но когда подошло время, родители так и не решились ее отпустить — в Калькутте было беспокойно. Не поехала она и в Бомбей, Чиббары по совету Роя решили, что этот город находится слишком далеко. Астролог четко очертил ей запретный круг — жить под родительским кровом и ожидать, пока подберут жениха.

Развлечений в Бокаро было немного. Все они концентрировались в клубе: теннис, бассейн, библиотека, концерты заезжих артистов, просмотры индийских и иностранных фильмов. Только там девочки могли приятно проводить время в окружении сверстников.

«ТОЛЬКО ДЛЯ ЧЛЕНОВ КЛУБА»

Двери клуба были открыты лишь для его членов. Чтобы им стать, необходимо заручиться рекомендациями двух членов «со стажем» и оплатить внушительный вступительный взнос.

Клубная культура в значительной степени была привита индийцам англичанами. Они с готовностью заимствовали ее, развили в соответствии со своими социальными потребностями и ввели в ранг одной из наиболее ярких современных традиций. Создание клубов объяснялось не только тягой к светским развлечениям, но и стремлением к общению. При этом кастовость, столь характерная для индийского общества, проявилась и в принципах существования клуба. Его членами были только служащие и их семьи, а рабочие и торговцы оставались вне его деятельности. И если торговцы создавали свои клубы, принимали участие в работе такого известного клуба, как «Ротари Клуб», то рабочие и не помышляли о клубных собраниях.

Нам приходилось присутствовать в качестве гостей на заседаниях самого престижного «Клуба львов», где все было обставлено в высшей степени церемониально. Там все обращались друг к другу по уставу клуба, не иначе как «уважаемый лев» или «уважаемая львица». Имя величественного сильного зверя подчеркивало социальное положение, материальный статус и влияние его членов. В начале заседания лев-председатель представлял новых членов клуба, потом следовали поздравления с днем рождения или другими знаменательными событиями в жизни собравшихся «львов», вручались подарки, затем в течение нескольких часов читались доклады, звучали выступления на гуманитарные темы. «Клуб львов» стремился решить социальные и по-

литические проблемы не просто общенациональные, но в масштабах всего человечества. Элитарность клуба, членами которого были лишь видные руководители завода, владельцы больших фирм и «отцы города», подчеркивалась и тем, что на заседаниях порой присутствовали министры правительства штата и иностранные гости, представляющие различные фонды ЮНЕСКО. Заканчивались заседания шикарным ужином.

«Ротари Клуб» тоже был весьма замкнутым объединением. Менее элитарным, но весьма престижным, потому что каждый член представлял целое предприятие или общину, профессию или ремесло. Первый «Ротари Клуб» был основан в Чикаго в 1905 году Полем Харрисом. В 1911 году такой клуб появился в метрополии, и англичане не замедлили распространить его деятельность и на Индию. Пожалуй, этот клуб можно представить как местную организацию деловых людей, которые направляют свои усилия на развитие ремесел, предпринимательства, общественных отношений, межпрофессиональных контактов, они заинтересованы в развитии движения доброй воли и международных связей.

«Клуб Бокаро» был менее формальным. Туда приезжали семьями. Жены уединялись в своем кругу, мужчины имели возможность пообщаться за пределами кабинетов и цехов завода, подростки выделялись в отдельные группы, а дети наслаждались играми без присмотра. Каждый находил себе общество и занятие по вкусу.

Члены «Клуба Бокаро», служащие завода, каждый месяц платили членские взносы. И делали это с удовольствием — деньги шли не на выплату жалованья членам правления, которых выбирают каждые два года, а на содержание помещений и организацию различных программ. Члены правления выполняли всю работу на добровольных началах. Быть избранным в правление клуба — великая честь, дань уважения коллег. И если о ком-то говорят: «Он — член правления клуба», это воспринимается как особая рекомендация — значит, он добрый, культурный, энергичный и изобретательный. Назвать его общественником было бы неверно, он не похож на слишком устойчивый стереотип закостенелого функционера на общественных началах, сотрясающего воздух утвержденным планом мероприятий!

В «Клубе Бокаро» тоже существовал план работы. Но каждый его пункт превращался в событие, знаменательное и интересное. Все оказывалось в высшей степени продумано и организовано, посвящено людям, представлено

со вкусом, наполнено радостью жизни и лишено штампов. Возможно, усилия членов правления клуба и оказывались бы тщетными, если бы они не находили отклик у каждого члена. Здесь не было пассивных зрителей. Сидя в переполненном зале во время концерта или показа кинофильма, можно почувствовать, что аудитория не просто сопереживает происходящему, а активно в нем участвует. Когда устраивались спортивные праздники, конкурсы, викторины, лотереи, никто не оставался в стороне, скептически наблюдая за происходящим глазами постороннего. Жить и общаться, вместе радоваться и грустить (а случались и печальные периоды, например дни национального траура), оставаться частью происходящего — предопределяло поведение и настроение людей, собиравшихся в стенах этого клуба.

По вечерам в клубные дни улицы города заполняли автомобили и мотороллеры. Бесконечным потоком они устремлялись к клубу, на запруженной стоянке которого опаздывающие с трудом отыскивали свободное место для парковки. Празднично одетые люди целыми семьями торжественно ступали под сень клуба, где их радостно встречали друзья, соседи, коллеги. До начала программы под звуки мелодий из популярных кинофильмов вели разговоры о самых обыденных делах, политические споры, рассказывали анекдоты, шутили. Можно было узнать и подробности о недавнем паломничестве к святым местам или поездке к родственникам. С особым вниманием слушали рассказы о поездках в другие страны.

Несмотря на страсть к путешествиям по родной стране, индийцы тем не менее редко выезжают за границу. До недавнего времени путешествие в другую страну, особенно морем, воспринималось ортодоксальными индусами неодобрительно. Это объясняется тем, что в пути приходится иметь дело с людьми другой веры и культуры, употреблять незнакомую пищу, а главное — нет условий для выполнения предписанных индуизмом обрядов. После возвращения из поездки за границу этого человека избегали как оскверненного. И чтобы спастись от всеобщего осуждения, вернуть себе уважение окружающих, ему приходилось выполнять специальные очистительные обряды. Сейчас, с развитием контактов с внешним миром, положение несколько изменилось. Известные гуру, основатели различных сект, и свами летают на реактивных лайнерах за океан. Об этом с гордостью сообщают газеты. В наши дни индийцы в основном отправляются за рубеж в деловые поездки, на учебу, стажировку, на заработки или в гости к родным.

Сделал первый робкий шаг и туризм, но о нем еще нельзя говорить всерьез как о массовом явлении. Сказываются не только финансово-экономические сложности, но и банальный консерватизм. Пожалуй, одним из самых выдающихся событий, когда Индия всколыхнулась и послала в дальнее путешествие много простых, но талантливых людей из традиционно-пассивной глубинки, стало открытие фестиваля Индии в СССР. За год до этого уже можно было встретиться с избранниками фестиваля. Их представляли словно космонавтов, готовившихся к полету.

— Он поедет в Москву!— говорили о таком человеке, а избранник, смущаясь и робея, спрашивал, не замерзнет ли он летом в Москве. На фестиваль выбирали самых талантливых и виртуозных, лучших из лучших индийских мастеров. И никакого значения не имело, умеет он читать и писать или нет, кто его родители, живет ли он в современной квартире или в глинобитной хижине. И казалось, что сама Индия танцует на Соборной площади Кремля, на стадионе в Лужниках, радостно приветствуя всех гостей фестиваля! Простые индийские парни и девушки представляли свою великую Родину. Вспомните, как горели у индийцев глаза, как жаждали понимания и одобрения их лица, освещенные отблесками фейерверка! А как потом жадно внимали их рассказам о нашей стране односельчане и друзья!

В дни больших праздников клуб преобразался. Конечно, отмечали не все праздники, ведь их так много и они буквально вплетаются в канву повседневной жизни. Это и официальные праздники, и праздники отдельных общин, племен, религиозных групп. В Индии говорят: «Каждый день — праздник». В этой стране действуют три календаря: древний календарь Викрамы, согласно которому Новый год начинается в октябре—ноябре (индусы называют этот месяц картик), календарь Шака — в этом случае Новый год приходится на март — апрель (месяц чайтра) — и григорианский, начинающийся первого января. Обилие праздников и торжеств естественно. Каждое индусское божество и племенное божество, каждый мусульманский святой, джайнский тиртханкар, гуру сикхов, христианский святой имеют праздник в свою честь. Существуют праздники, связанные с сельскохозяйственными сезонами, солнечными и лунными затмениями. Есть праздники, отмечаемые ежегодно, и те, что случаются раз в десять-двенадцать лет. Всего в официальном списке их насчитывается более пятисот. Праздники приносят радость, все ждут их с нетерпением, особенно дети, к ним тщательно готовятся, соблюдая все предписания

и традиции. Вообще любовь индийцев к праздникам непередаваема, и, хотя она часто идет в ущерб работе, никого это не смущает.

В начале года Корпорация, которой принадлежит завод Бокаро, выпускает календарь, в котором указаны национальные, светские и религиозные праздники. Даты, отмечаемые по григорианскому календарю, неизменны. А дни праздников по эрам Викрамы и Шаки изменяются в каждом году. Получив календарь Корпорации, работники ставят в известность своего руководителя, какие праздники, в зависимости от своего вероисповедания, они будут отмечать, то есть в какие дни они рассчитывают на освобождение от работы.

ДВОЕ ПОСЫЛЬНЫХ

Хиралал, посыльный из нашего офиса, был большим любителем праздников. Он получал зарплату от Корпорации, а работал при иностранных специалистах. Пользуясь таким особым положением и надеясь, что иностранцы плохо осведомлены о правилах для персонала завода, он пользовался случаем и частенько объявлял, что завтра у него праздник, и на работу, естественно, не являлся. Посыльный — должность небольшая, но незаменимая. Отделы и департаменты ежедневно выпускают море бумаг: протоколы совещаний, служебные записки, меморандумы, отчеты, инструкции, письма. При этом должно соблюдаться неписаное правило — их доставляют только посыльные, которые легко ориентируются в лабиринтах коридоров и огромном количестве кабинетов, досконально знают сложную структуру департаментов.

Без Хиралала нить, связывающая нас с индийскими коллегами, прерывалась. Если нужно было отправить телекс или другой срочный документ, когда наш посыльный праздновал очередной праздник, приходилось просить посыльного из соседнего отдела, а это уже считалось нарушением неписаных устоев. Хиралал был непредсказуем, в любой день он мог объявить, что у него праздник, и не явиться на службу. Нам пришлось напомнить ему, что не подобает ортодоксальному индусу отпрашиваться с работы, например, на мусульманские праздники. Невысокий худенький Хиралал очень смутился. Нам было жаль его, но настало время упорядочить его календарь праздников. После этого разговора он стал осторожнее. Но оставалось еще много индуских праздников. Поэтому когда утром, застенчиво улы-

баясь и поправляя привычным движением и без того идеально расчесанные и напомаженные волосы, он появлялся на пороге офиса, мы облегченно вздыхали — значит, обеспечена ритмичная работа отдела.

Один раз в год Хиралал приводил в офис свою семью — четверо маленьких ребятишек и миниатюрную жену. В Индии принято в день трудовой пуджи посещать место работы главы семьи. Это большой праздник труда. В этот день все приходят на работу, но никто не работает. Пуджа начинается рано утром. Рабочие и служащие украшают свои рабочие места, устанавливают изображение божества, зажигают сандаловые палочки, раскладывают специально приготовленные сладости, совершают молитву и проводят остаток дня в беседах с товарищами, любясь своей комнатой, кабинетом или цехом. Эти люди убеждены, что работа должна приносить радость, быть полезной, легко спориться. Она кормит их семьи. И чтобы работалось лучше, следует один раз в год освящать орудия труда и рабочее помещение.

У этого праздника налет какой-то наивной радости, смешанной с чувством гордости и ответственности за свое дело. Мужчины, работавшие на пишущих машинках, сдвигали их вместе и разукрашивали, устраивались полукругом и любовались диковинной пирамидой: из-под груды цветов едва просматривались рычаги и клавиши машинок. Люди неторопливо беседовали, ели сладости и обычно приглашали всех, кто шел мимо по коридору, отведать угощения. Еще более удивительное зрелище представало взорам в цехах завода. Рабочие украшали даже прокатные станы, конвертеры и домы, щиты управления и трубопроводы. На собранные деньги они устанавливали не миниатюрные изображения божеств, а статуи, одетые в шелка и парчу, разукрасив их цветами и мишурой. На многих производствах работали по непрерывной технологии, и тем более поразительным было зрелище, например, разливки стали, когда в устроенном в глубине цеха храме брахман правил пуджу в отблесках раскаленного металла. Через проходную завода солдаты охраны пропускали празднично одетые семьи, спешившие осмотреть и почтить место работы кормильцев. Это единственный день в году, когда вход на территорию предприятия свободный.

Праздник заканчивался к концу дня. Тогда из цехов выносили изображения богов и устанавливали на грузовики, тележки, самодвижущиеся подъемные механизмы, бульдозеры и экскаваторы, то есть на любой вид транспорта.

Фантастическая процессия — кавалькада из импровизированных храмов — медленно выплывала за ворота завода и отправлялась через город к реке, где происходило торжественное затопление божеств. Глиняные и расписанные красками изображения должны раствориться в водах и снова превратиться в элементы, из которых слагается природа и жизнь.

В Индии верят, что все реки текут в священный Ганг. Эта река — дочь бога гор Химавата. Она спускается с небес. И соединяет три мира — небо, землю и преисподнюю, во мрак которой уходит в конце своего пути. Все озера и пруды питаются водами Ганга. Поэтому любая река или подоем подходят для церемонии, завершающей трудовую пуджу. Храмы, движущиеся по направлению реки, сопровождали рабочие и их домочадцы. Люди собирались в группы, и каждая веселилась возле своего храма под звуки панятых оркестров, исполняющих свою мелодию. Люди ганцевали, смеялись, спорили о том, чей храм получился лучше, кто провел пуджу более пышно. Во всем присутствовал элемент соперничества. Из-за шума трудно было понять, продолжали ли брахманы, сидевшие в движущихся храмах, выполнять обряд. Они словно замерли и походили на застывшие божества.

То был праздник низших каст, тех, к которым принадлежат труженики. На заводе складывалась довольно странная картина. Ведь, если разобраться, инженеры тоже не сидели сложа руки. Они много трудились и не напрасно получали зарплату. Среди этих людей были представители самых разных социальных слоев и каст. В современной Индии возможности для получения высшего образования велики. Страна занимает одно из первых мест в мире по числу дипломированных специалистов. И относятся к ним не только брахманы и представители других высших каст, как было в период до получения Индией независимости. Теперь стоит человеку получить диплом, как он начинает подниматься по социальной лестнице, при этом оставаясь в рамках своей касты — она неизменна от рождения до смерти. Но Индия — страна условностей. Соблюдая их, человек, родившийся в низшей касте и получивший высшее образование, уже не позволяет себе смешиваться с равными по рождению. Поэтому инженеры из низших каст не участвовали в трудовой пудже, подражая инженерам-брахманам.

В Индии на современном предприятии довольно часто можно было оказаться свидетелем, как производственные отношения соприкасаются с кастовыми традициями. Очевид-

но, их можно наблюдать повсюду — страна уверенно идет по пути прогресса, сохраняя верность древним обычаям. Чаще всего они проявляли себя, когда начальником оказывался человек более низкого рождения, чем подчиненный. В такой ситуации каждый стремился проявить максимальную деликатность и такт, чтобы не задеть чувства другого.

Хиралал был приписан к одному нашему отделу, а в другом посыльным работал Старик. Этого человека все называли «Старик», потому что никто не знал его имени. По-английски он не говорил. С русским языком дело обстояло несколько лучше: кто-то из наших предшественников научил его приветствию «Как дела?» и ответу «Хорошо». Каждое утро, после традиционного «Намасте!», четко произнося слова, Старик спрашивал: «Как дела?» — и, узнав, что все хорошо, в ответ на наше приветствие «Как дела?» громко кричал:

— Хорошо!

После этого «ритуала» он приступал к выполнению своих обязанностей: садился на свой стул, где дремал или наблюдал за работающими в ожидании, пока все документы для отправки будут собраны. Если Хиралала приходилось иногда искать, словно непослушного ребенка, Старик всегда оставался на месте. Он был надежен и, хотя не знал русского языка, тем не менее поручения выполнял безошибочно. Его звали «Старик», но ему было чуть больше пятидесяти. Очевидно, сказалось достоинство облика: медлительная походка, полнота, светлая кожа, коротко стриженные седые волосы, благородство осанки, а также мудрость и доброта, светившиеся в глазах. Он никогда не носил форму посыльного, храня верность национальному костюму, дхоти и курте, а зимой заворачивался в шаль. Не сговариваясь, все почему-то старались его не слишком загружать работой, передавая максимум бумаг в отдел, где использовали Хиралала.

Однажды наше внимание привлекла довольно странная сценка. Старик-посыльный чинно нес свою папку с документами, а идущие ему навстречу инженеры и даже встреченный им начальник департамента низко и уважительно с ним раскланивались, а он отвечал им улыбкой и легким покровительственным кивком. Может быть, это очередная индийская загадка? Оказывается, Старик был брахманом и кроме доставки нашей корреспонденции на заводе выполнял довольно ответственную миссию. Во время церемонии пуска почти каждого нового объекта завода, новых технологиче-

ских линий он совершал освящающий обряд, торжественную пуджу. Не зная языка, нам трудно было понять, о чем он беседовал с Хиралалом, но тот всегда слушал его внимательно, с почтением и, пожалуй, побаивался его. Ведь именно Старик устраивал бедняге самые суровые выволочки за прогулы.

Когда проводились митинги, Хиралал всегда отпрашивался с работы. Его волновало все — набор кадров на завод, повышение платы за воду и электричество, перспективы по службе, выдвижение кандидатов на выборы в Ассамблею штата. Митинги проходили бурно, и интерес простого человека можно было понять. С утра всюду развешивали лозунги и плакаты, извещавшие, какая партия или фракция проводит митинг. Напротив главного административного здания, на главной дороге, сооружали помост-трибуну, на велорикшах устанавливали громкоговорители. В жаркие дни над трибуной делали огромный навес. Во время митинга движение по центральной дороге прекращалось, а, если он затягивался или перерастал в демонстрацию, выехать с работы можно было только через запасные ворота службы безопасности.

Обычно речи ораторов были довольно короткими. Затем к микрофону подходил человек, который в течение нескольких часов выкрикивал основные лозунги и требования собравшихся. Его слова были рифмованы и читались нараспев, как стих. Толпа вторила хором: «Зиндабад!», «Зиндабад!» («Да здравствует!»). Злые языки утверждали, что на все митинги, даже соперничающих партий, приглашали одного и того же человека-профессионала. Но как бы то ни было, он мастерски руководил настроением собравшихся. К концу рабочего дня страсти обычно утихали. Прокричав последний раз «Ен клаб зиндабад! Зиндабад!» («Да здравствует наше дело!»), участники митинга садились на велосипеды и мирно разъезжались по домам. Сидя в конторе и прислушиваясь к раскатам возгласов «Зиндабад!», мы работали спокойно. Но если с улицы доносился другой призыв — «Мурдабад!» («Долой!»), это значило, что настроение у митингующих воинственное и возможны беспорядки. Нам не касались политические и трудовые конфликты на заводе, так как отношение к советским специалистам было в высшей степени доброжелательным, дружеским и уважительным. Но мы жили рядом с этими людьми, а они не безлика толпа. Там, на улице, шумели тысячи Хиралалов, у каждого имелись свои политические суждения, маленькие трудности и большие проблемы и многодетные семьи. Лозунг «Мур-

дабад» был предвестником, а иногда и сигналом, начинающихся волнений. Если страсти накалялись, толпа начинала громить все на своем пути, вызывали войска охраны.

Хиралал старался не пропустить ни одного события. Потом, взволнованный и разгоряченный, он рассказывал, что происходило на митинге и чем все кончилось. Его активность и стремление везде поучаствовать иногда приносили ему неприятности. Так случилось и в день товарищеского футбольного матча в Бокаро, когда команда пограничных войск должна была играть с советской командой «Цемент» из Новороссийска. Стадион, рассчитанный на десять тысяч зрителей, не мог вместить сотысячную толпу желающих стать свидетелями столь редкого зрелища. Хиралал заранее купил билет и даже сумел пробраться на стадион. Болельщики, которым билетов не хватило, толпились возле стадиона. Полиция с трудом сдерживала натиск толпы. Некоторым болельщикам удавалось проникнуть сквозь кордоны, и они устраивались на траве у кромки поля. Когда полицейские попытались вытеснить безбилетников за пределы стадиона, люди стали бросать камни. Последовал приказ очистить стадион от зрителей, и полиция начала теснить сидящих на трибунах. Град камней усилился. Пошли в ход бамбуковые палки, а потом и гранаты со слезоточивым газом. Матч был сорван. Возмущенные болельщики подожгли несколько полицейских грузовиков и автобусов. Прибыли войска службы безопасности, вызванные на подмогу полиции. Началась давка. Люди бежали, бросив свои велосипеды. Полицейские подбирали их. Они так и остались невостребованными, так как болельщики боялись идти в участок. На следующий день Хиралал пришел на работу побитый и сообщил, что лишился велосипеда. Еще долго ему приходилось ходить пешком на митинги, пока не наступил новый финансовый год и он смог приобрести на льготных условиях велосипед от Корпорации.

Известно, что индусы поклоняются божеству в разных формах. Однажды Хиралал нас очень удивил. Оказавшись в нашем доме, он увидел в гостиной три маски, которые мы приобрели в Пури. Это были изображения богов знаменитого храма Джаганнатх — самого Джаганнатха (он же Кришна — восьмое воплощение Вишну), его старшего брата Баларама и их сестры Субхадры. Маски были расположены в том же порядке, как в храме. Посыльный решил, что перед ним домашний алтарь, который имеется в каждой индийской семье. Он бросил на пол папки с бумагами, совершил поклонение, а потом, разобравшись, смутился.

Когда начиналась подготовка к Дассехре (в Западной Бенгалии и большей части Бихара его называют Дурга Пуджа), Хиралал несколько раз в день отправлялся на пустырь возле городской библиотеки посмотреть, как сооружают гигантские чучела демонов. Дассехра — праздник в честь победы бога Рамы над демоном Раваной, описанной в «Рамаяне». За несколько дней до его начала повсюду идет торговля цветной бумагой, клеем, гвоздями, булавками, хлопушками для фейерверка. Из бамбука, ткани и бумаги повсюду возводят временные храмы для поклонения богине Дурге. На пустыре возле библиотеки, где обычно проводятся самые массовые митинги и праздники, к этому празднику сооружают огромные фигуры десятиголового Раваны и его преданных служителей, брата и сына, Сурпанатха и Кумбхакарна. Высоко поднимают впечатляющие образы демонов в юбках, с тощими ногами и непропорционально короткими руками, торчащими в разные стороны. Умельцы раскрашивают их в розовый, зеленый, желтый и коричневый цвета, чтобы создать иллюзию отвратительных и устрашающих правителей сил зла. Внутри эти фигуры мастерски заряжены шутихами.

На Дассехру к изображениям демонов со всех сторон стекаются толпы празднично одетых людей. Каждый спешил посмотреть театрализованное представление о жизни бога Рамы под названием «Рамлила». Здесь собираются все жители города. Из окрестных деревень на грузовиках, тракторах и повозках, запряженных волами, прибывают крестьяне со своими домочадцами. Многие приходят пешком.

Подготовкой и проведением праздника в Бокаро занимался специально созданный оргкомитет, в который вошли члены правления клуба Бокаро и представители общины выходцев из северо-западного района Индии, среди которых был и Чиббар. Оргкомитет провел сбор пожертвований на Рамлилу, закупил материалы, пригласил лучших пиротехников и мастеров для изготовления демонов. Подбирали также и актеров для представления сцен из жизни Рамы и его победы над Раваной. Обычно Рамлилу разыгрывают мальчишки-подростки. Их доставляют к месту праздника на украшенных грузовиках. Костюмы актеров и сложный грим делают их похожими на взрослых мужественных героев древнего эпоса. Трудно было догадаться, что женские образы также исполняли мальчишки, до такой степени они

были женственными, грациозными и в то же время казались хрупкими, беззащитными. На свободной от зрителей площадке вокруг исполинских демонов становились грузовики. Там были и различные приспособления для предстоящего фейерверка — мельницы, карусели, вертушки в виде фантастических кустов и деревьев. Актеры спускались с грузовиков и начиналось феерическое представление. В этот раз зрительские симпатии завоевал юноша, исполняющий роль Ханумана. Он был подвижен, и его длинный обезьяний хвост мелькал именно там, где разворачивались самые драматические сцены схваток добра со злом. Например, когда Хануман замахивался на демона булавой, толпа замирала, а затем взрывалась возгласами, подбадривающими героев. Публика реагировала эмоционально, порой казалось, что именно в это мгновение решается судьба героев, а исход поединка зрителям неизвестен.

Кульминация праздника пришлась на наступление сумерек — Рама выпустил горящую стрелу и поразил ею гигантское чучело Раваны. Мгновенно вспыхнули одежды и стали срабатывать по цепной реакции шутихи, которыми был начинен манекен. Толпа возликовала. Ликующие крики «Рамачандраджи ки джай!» сливались с потрескиванием объятых пламенем и искрами фейерверка горящего чучела Раваны. Огонь перенесся на других демонов, и, когда все три обезображенные исполина догорели, тысячами огней вспыхнули вертушки, карусели и мельницы, рассыпались огненными блестками фантастические фонтаны. Снова восторжествовало добро. Участников представления чествовали, будто они были не актеры, а живые герои. Представители оргкомитета вручили мальчикам подарки. Расходясь по домам, возбужденные и счастливые люди, перебывая друг друга, вспоминали самые яркие моменты Рамлилы и поразительные эффекты фейерверка.

Мы несколько задержались, ожидая, пока схлынет толпа зрителей. Настало время поздравить Чиббара с успехом Дассехры. Он был счастлив и, подкручивая усы, подробно рассказывал, как подбирали мальчиков для представления. А когда он предложил нам заехать к нему домой, генерал Чоудхури, прикативший с супругой на праздник из Ранчи, торжественно сообщил, что уже перенес в дом Чиббара свой офис и весь запас виски. Привыкшие к его шуткам и розыгрышам, все были изрядно удивлены, узнав, что на сей раз генерал говорил вполне серьезно. Дело в том, что правление нашей Корпорации находилось в Дели и по его календарю праздников Дассехра празднова-

лась только день. На заводе в Ранчи, где генерал был директором, действовал календарь, выпускаемый правительством Бихара, а, как известно, в Бихаре и Западной Бенгалии этот праздник совпадает с началом сбора урожая. По календарю штата Дурга Пуджа в тот год праздновалась с 28 сентября по 2 октября. Второе октября — национальный праздник, день рождения Махатмы Ганди. Чоудхури вынужден был закрыть завод на все эти дни, оставив двух охранников, а сам с супругой прибыл в Бокаро полюбоваться созданной Чиббаром Рамлилой и погостить у него. Когда завод заработает на полную мощность, он даже не брался предсказывать — многие рабочие ушли в свои деревни на сбор урожая и возвратятся лишь после окончания работ.

— Они уже не работали за неделю до праздников, — жаловался Чоудхури. — В канун Дурга Пуджи рабочие собираются в группы, именующие себя «комитетом пуджи», и обходят дома, магазины, лавочки и мастерские, требуют денег на устройство пандалов, временных храмов с изображением богини Дурги. Ко мне они приходили дважды — домой и на работу. Несколько раз пришлось откупаться уже по пути в Бокаро. Жители деревень, через которые проходит дорога, тоже имеют «комитеты пуджи». Эти «комитеты» с их, так сказать, «добровольными взносами» сильно напоминают дакойтов. Представители «комитетов» преграждают дорогу огромными камнями и убирают их лишь тогда, когда получают деньги на пуджу!

Генерал ворчал скорее по привычке. Конечно, его беспокоили производственные показатели завода после хотя и запланированного, но слишком затяжного простоя. Но в глубине души он был уверен, что все обойдется.

РАНЧИ

Нам приходилось довольно часто ездить в Ранчи — там находятся заводы и правление Корпорации тяжелого машиностроения, выполняющие заказы металлургического завода Бокаро. Всякий раз, заезжая в Ранчи к Чоудхури, любовались его огромным старинным особняком, который стоял в глубине большого сада, обнесенного каменным забором. Здесь царили тишина и покой. Могучие деревья отбрасывали густую прохладную тень, аккуратные дорожки вели к уютным беседкам. Повсюду цвели розы и бугенвиллии. Видимо, этот райский уголок некогда принадлежал канувше-

му в Лету английскому деятелю колониальной администрации.

Ранчи знаменит своими водопадами в окрестных горах. С огромной высоты низвергаются мощные потоки воды, наполняя окрестности гулом и ревом, шелестом и журчанием. Когда заканчивается сезон дождей и водопады предстают в своем полном величии, к ним съезжаются семьями и большими компаниями любители прогулок и пикников.

Мы часто бывали в Ранчи, и нам казалось, что знаем этот город хорошо и уже ничем больше он удивить нас не сможет. Но именно в Ранчи еще раз мы убедились, что Индия непознаваема и способна одарить ищущего бесконечными открытиями, поверхностными и глубинными, по степени его интереса.

Собираясь в ту памятную поездку, мы немного нервничали. Как-то все не ладилось, и нам пришлось несколько раз переносить день отъезда: то не было подходящей машины, то представитель конструкторского бюро не мог поехать, то путали планы подоспевшие праздники. Когда наконец мы все-таки прибыли в Ранчи, выяснилось, что в государственной проектно-конструкторской фирме МЕКОН, цели поездки, свой календарь праздников и Дурга Пуджа отмечается здесь на два дня дольше, чем на других предприятиях штата. Возвращаться в Бокаро и приезжать сюда дня через два не имело смысла, и, посоветовавшись с Мукерджи, представителем конструкторского бюро, мы отправились устраиваться в гостиницу. Водитель отпросился до утра, а мы решили проведать Чоудхури. Но тут появился Мукерджи и принялся уговаривать нас вместе прогуляться по городу. Он успел переодеться в широкие белые брюки и белую куртку. Отутюженные одежды и тщательно скрываемое волнение заронили мысль, что он просит нас не просто погулять — наше присутствие имеет для него особое значение.

ШКОЛА ЙОГИ

Ранчи — городок небольшой, и довольно быстро мы оказались на тихой улице вдали от центра. Мукерджи остановился у большого старинного здания, похожего на дворец и расположенного за оградой парка. Возле него мелькали мальчишки в голубых рубашках и шортах. Надпись на арке ворот «Йогода Сатсанга Брахмачария Видьялая» ни о чем нам не говорила.

— Неужели вы ничего не знаете о свами Йогананде?—
удивился наш спутник.

Ну конечно, Йогананда... йогода!

— О, Шри Йогананда,— вздохнул Мукерджи.— Такие люди появляются только в Индии и очень редко.

Йогананда родился в семье служащего колониальной администрации. Он вырос в Калькутте и в 1915 году, окончив университет, совершил довольно необычный для выпускника шаг. Хотя перед ним открывалась возможность сделать блестящую карьеру на государственной службе, он отклонил все предложения и стал отшельником — *саньяси*. Известен Йогананда тем, что создал свое собственное учение, «йогоду», и приложил много усилий для возрождения системы крияйога, которая была практически утеряна в давние времена.

В поисках гуру Йогананда обращался к самым удивительным и легендарным личностям. Например, к свами Пранабананда, «святому, имеющему два тела», чьи поклонники уверяли, что, сидя в позе лотоса у себя дома в Варанаси и погружившись в состояние глубокой медитации, этот человек мог в то же время появляться в другом месте. Сам Пранабананда скромно подтверждал, что таким способом свободно видится и общается со своими учениками в далекой Калькутте. Способность являться более чем в одном теле называется «сиддхи».

Йогананда пытался обрести гуру и в Нагендре Бхадуре, «летающем святом», и какое-то время даже посещал его ашрам в Калькутте. Ашрам — это центр, основанный учителем, святым, где собираются или живут его ученики и последователи. Нагендра Бхадур в совершенстве владел пранаямами, методами контроля жизненной силы с помощью регулирования дыхания, которые упоминаются в восьмиступенчатой йоге. Он обладал необыкновенной способностью, которую часто демонстрировал своим ученикам: поднимался на воздух и подолгу висел над землей, нарушая все законы гравитации. В юности он отказался от богатого наследства и вступил на путь йоги. Он никогда не покидал свой ашрам и появлялся на улице, у порога ашрама, лишь во время религиозных фестивалей.

Йогананду в ученики звал и Ганда Баба Вишудананда, «благоухающий святой», овладевший секретами йоги у таинственного гуру в Тибете. Ганда Баба придавал любой аромат цветам без запаха, оживлял увядшие цветы, мог воздействовать на кожу человека так, что она начинала источать благоухание. Однажды, когда в доме святого

в Бурдване собралось много гостей, друг Йогананды попросил свами материализовать мандарины. На глазах собравшихся лепешки на блюде стали надуваться и внутри каждой оказался свежий очищенный мандарин. Йогананда, однако, решил, что чудеса, которыми владеет «благоухающий святой», хоть и эффектно, но духовно бесполезны и служат скорее развлечением. Не стал он учеником и Рама Гопала, «святого, победителя тигров», который был известен многими подвигами, когда выходил победителем из неравных схваток, укрощал тигров. Рам Гопал овладел тайной «укрощения диких зверей в джунглях человеческого сознания», которую познал у загадочного гуру в Гималаях.

Никто из легендарных мудрецов, свами и йогов не стал учителем Йогананды. Сердце его не нуждалось в подсказке, чтобы мгновенно узнать своего гуру. Встреча состоялась при совершенно фантастических обстоятельствах в Варанаси, хотя оба жили в Калькутте. Величием своего примера Юктешвар Гири научил Йогананду критериям истинного Человека. Именно он послужил прототипом святого, описанного в таинственной книге «Тибетская йога и тайные учения», которая популярна в кругах читателей, увлекающихся загадочными и необычными явлениями. Юктешвар Гири был учеником Лахири Махасайя, который обладал сверхъестественными способностями, но жил в миру, как простой человек, был женат, имел детей и выполнял свою главную миссию — нес окружающим учение крияйогу и всей жизнью доказывал: обычный человек может достичь освобождения, если будет следовать по праведному пути.

Когда Йогананда отрекся от уз материального мира и получил титул «свами», он посвятил себя просветительской деятельности. Первая группа его учеников состояла лишь из нескольких мальчиков. Позднее им были основаны школы не только в родной Бенгалии, но и в других провинциях. Они существуют и в наши дни под эгидой общества «Йогода Сатсанга», основателем которого тоже был Йогананда.

Мы стояли перед входом в его первую школу. Взволнованный Мукерджи сделал несколько шагов к арке, оглянулся и нервным шепотом пригласил нас войти в родную школу, где учился в детстве.

— Тут прошли самые счастливые годы моей жизни, — его голос дрожал, а по щекам текли слезы.

Игравшие в парке ученики (они были одеты в голубую форму) обратили на нас внимание. Статный пожилой человек напряженно всматривался в Мукерджи. Вот его глаза радостно засветились, и он двинулся навстречу бывшему

ученику. Этот худощавый, не по годам подвижный человек оказался директором школы. Показалось странным, что он одет в обычные дхоти и курту, а не в оранжевое одеяние. Мукерджи склонился в приветствии «снимаю прах с ваших ног». Директор поднял его и, строго глядя прямо в глаза, принялся расспрашивать, как он живет, где работает, как оказался в Ранчи. Потом настал черед самого главного вопроса, которого боялся Мукерджи, для ответа на который ему потребовалось наше присутствие:

— Почему столько лет ты не был в родной школе?

И тут нам стала понятна его готовность поехать в неинтересную командировку в МЕКОН, где нас ожидали бесконечные переговоры. Вот откуда то волнение, с которым он не мог справиться, и просьба сопровождать его, как выяснилось, для моральной поддержки. Строгость директора была нарочитой, ответы Мукерджи его явно не интересовали, и он был рад видеть ученика, тем более с гостями.

Мы шли по аккуратным дорожкам, вдоль которых цвели кусты роз. А мальчики, бросив свои игры, на почтительном расстоянии сопровождали нас к одноэтажному белому домику с ажурными решетками — административному зданию школы и центра «Йогода Сатсанга». В помещении было прохладно и уютно. Его украшала большая фотография Юктешвара Гири.

— Шри Юктешвар был необыкновенным человеком, — рассказывал директор. — Образно говоря, его ноги твердо стояли на земле, а голова была в небесах. Он всегда носил традиционные одежды свами, а выходя на улицу, одевал сандалии, сделанные по обычаю йогов из шкуры тигра или кожи оленя. Он прекрасно говорил по-английски и по-французски, на хинди и бенгали, свободно владел санскритом. В его доме в Серампуре, на окраине Калькутты, который он превратил в ашрам, жили ученики, челы. Шри Юктешвар считал их интеллектуальное и духовное развитие целью своей жизни. Многие думают, что Шри Юктешвар был бы самым популярным гуру в Индии, если бы не прямота и критичность его высказываний. Идеи Шри Юктешвара развивают его ученики. В Пури, на месте его захоронения (ведь свами не кремируют), находится ашрам Юктешвара. Он стоит на берегу Бенгальского залива. Наверное, вы видели его, если бывали в Пури.

Действительно, мы видели этот небольшой двухэтажный домик. Его нельзя не увидеть — ашрам и небольшой храм стоят на берегу рядом с гостиницами и просторными правительственными бунгало. Но кто же мог подумать,

что этот маленький беленький домик с зелеными солнцезащитными жалюзи вспомнится как часть такого хитро-сплетения — Юктешвар, Калькутта, Серампур, Йогананда, свами на большом портрете, взволнованный Мукерджи, МЕКОН, школа «Йогода Сатсанга» в Ранчи...

Встреча с Йоганандой была предсказана Юктешвару легендарным Бабаджи. Индусы считают, что была она неслучайной, как нет ничего случайного в этой жизни. Однажды вместе со своим другом Йогананда отправился на базар в Варанаси, чтобы купить свежие фрукты. В шуме и сутолоке базарной площади ему бросился в глаза высокий в оранжевых одеждах человек с посохом отшельника. Тот пристально его разглядывал. Юноши приблизились к отшельнику, и Йогананда испытал состояние невероятного блаженства от его близости. Они прошли мимо, отшельник продолжал следить за ними глазами, не повернув головы. По мере того как они удалялись, Йогананда чувствовал, что радость, только что согревшая его ищущую учителя душу, с каждым шагом меркла и в душу проникал леденящий холод. Он не мог идти дальше.

Бросив корзину и своего растерянного друга, он бегом кинулся назад, к Юктешвару. По силе эмоционального взрыва это была встреча двух людей, которые всю жизнь искали друг друга. Йогананда нашел своего гуру. Он был готов следовать за ним, но Юктешвар распорядился иначе: Йогананда сам должен прийти в его серампурский ашрам лишь через девять месяцев. Совершив паломничество в Гималаи, в назначенный день и час Йогананда стоял на пороге ашрама Юктешвара. Став челою, по настоянию гуру, он поступил в калькуттский университет, а окончив его, после церемонии посвящения, которую совершил духовный учитель, Йогананда стал свами. Однако он не удалился в Гималаи, куда с детства стремился, не ушел в лесной ашрам, а остался жить в обществе, среди людей. Его всегда интересовали вопросы правильного воспитания молодежи. В существовавшей официальной системе образования упор делался на развитие интеллекта и тела, а моральные и духовные ценности, без овладения которыми нельзя достичь спасения, ускользали.

В 1918 году Йогананда решил организовать школу, где мальчики становились бы мужчинами. Занятия с первой группой из семи учеников он проводил в бенгальской деревушке Дихика. Через год благодаря щедрости махарджи Касимбазара появилась возможность перевести увеличившуюся группу учеников в Ранчи. Таким образом, новая

школа «Йогода Сатсанга Брахмачария Видьялая» разместилась во дворе махараджи.

Уроки в Видьялае ведутся по программе начальной и средней школы, но кроме общеобразовательных предметов, ученики изучают и осваивают различные традиционные ремесла. Мальчики работают в большом саду, который окружает школу. Выращенные там фрукты и овощи подают в школьной столовой.

Все занятия здесь проходят на открытом воздухе, в соответствии с идеалами индусских риши, лесные ашрамы которых с незапамятных времен были центрами светского и религиозного обучения юношей. Во дворе школы учебные классы — столы и скамейки в тени густых манговых деревьев, классная доска на высоких ножках, немного напоминающая мольберт, прислонена к стволу дерева.

Отличительная черта этой школы — обучение медитации йогов и уникальной системе здорового физического и морального развития — йогде. Йогананда исходил из того, что организм усилием воли может подзаряжаться космической энергией. Владая йогодой, можно легко пополнить свою жизненную энергию от неограниченных запасов космической энергии. Мальчики в школе методически изучают эту систему и развивают необходимые способности, позволяющие «перебрасывать» жизненную энергию из одной части тела в другую, что помогает им достичь совершенства при выполнении самых трудных асан, сидеть в идеально правильной позе. Йогода как система — блестящее средство для гармоничного духовного, умственного и физического совершенства. Развиваются интеллектуальные способности, тренируются тело, чувства, воля.

— С помощью йогды ученик достигает абсолютного раскрытия своих физических, умственных и духовных способностей. Мы, учителя, считаем, что, применяя простые, но глубоко научные методы концентрации и медитации, можно решать многие сложные проблемы, с которыми сталкивается человек в жизни, — говорил директор. — Идеи Йогананды о правильном воспитании полны здравого смысла, логичны, практичны и совершенно лишены мистицизма.

Все ученики изучают жизнеописание и философские концепции Шри Юктешвара Гири и Шри Йогананды и посвящены в традиции школы. Некоторые эпизоды ее истории стали предметом гордости. Так, в 1925 году здесь побывал Махатма Ганди. Директор показал бережно хранимую книгу для посетителей, в которой Отец нации оставил

запись о том, что школа и используемые ею методы, принципы обучения и воспитания произвели на него глубокое впечатление. Махатма Ганди выразил надежду, что в школе всегда будут поощрять работу с прялкой. В 1935 году Йогананда посетил Махатму Ганди в его ашраме в Вардхе и посвятил его в крияйогу. Обряд посвящения прошли также Махадев Десаи, секретарь Ганди, и его друг доктор Пингам. Перед посвящением Йогананда обучил их основным принципам и некоторым упражнениям своей системы — йогоды. Люди, выполняющие эти упражнения, знают, что тело условно состоит из двадцати частей. Большим усилием воли энергия направляется в различные части тела. Поскольку Ганди почти не укрывался одеждой, пульсирующий эффект упражнений был явственно виден на его обнаженном теле.

Йогананда поддерживал дружбу с Рабиндранатом Тагором. Впервые он получил приглашение приехать в Шантиникетон и обсудить проблемы образования через два года после открытия школы в Ранчи. Их школы имели много общего. Прежде всего то, что школа в Шантиникетоне, позднее превращенная в университет, и школа в Ранчи были созданы в неортодоксальном духе. Учащиеся занимались на открытом воздухе. Основатели школ использовали лишь простые методы воспитания, которые давали простор для созидательных устремлений воспитанников. Правда, Рабиндранат Тагор придавал больше значения литературе, в частности поэзии, самовыражению в музыке и танце. Его ученики в Шантиникетоне соблюдали период молчания, но никогда не обучались по системе йогов. Рабиндранат Тагор бывал у Йогананды в Ранчи. И в наши дни в «Йогода Сатсангу» часто приезжают студенты и преподаватели университета Вишвабхарати в Шантиникетоне.

Свами Пранабананда, «святой, имеющий два тела», был глубоко тронут, увидев прилежных мальчиков, сидящих часами без движения под сенью деревьев в состоянии медитации. «Сердце мое наполнилось радостью,— писал он, —увидев, что идеи правильного воспитания юношей Лахири Махасая воплощены в этой школе». С посещением свами Пранабанандой связана поучительная история, с которой из поколения в поколение знакомят учеников. Когда Пранабананда беседовал с обитателями «Йогода Сатсанги», один ученик спросил великого йога, станет ли он свами? Пранабананда долго, внимательно смотрел на мальчика и мягко улыбался. Все видели, что взгляд свами проникал в будущее.

— Когда ты подрастешь, мальчик, тебя будет ждать красивая невеста,— наконец сказал он.

Предсказание сбылось. Мальчик вырос и женился, так и не став свами, несмотря на то что очень желал этого и несколько лет готовился к вступлению в орден.

— Не думайте, что в школе всегда дела шли гладко,— продолжал директор.— Особенно трудные времена наступили тогда, когда закончил свой земной путь старый махараджа Касимбазара, тот самый, который некогда пожертвовал дворец, превращенный в центральное здание школы. Он постоянно делал большие подношения на содержание школы. Тогда Йогананде пришлось обратиться за помощью к видным деятелям и просветителям в Калькутте. После неоднократных бесед он убедил молодого махараджу Касимбазара продолжить дело отца-благотворителя. Из Калькутты тоже пошли пожертвования, и вскоре школа обрела независимый статус постоянно финансируемой неприбыльной организации. Она превратилась в своего рода центр, где обучение ведется с использованием элементов системы йоги.

Воспитанники через избираемые комитеты сами регулируют внеклассную работу. В школе «Йогода Сатсанга» в большом почете спорт. В холле бывшего дворца директор показал старинные шкафы темного дерева, где хранятся кубки, завоеванные в различных соревнованиях. Самые популярные игры учащихся — хоккей на траве, футбол и теннис. Ученики имеют навыки оказания первой помощи. Когда случаются стихийные бедствия, засухи, наводнения, они всегда приходят на помощь пострадавшим. При школе работает медпункт, где не только учащиеся, но и жители деревень получают бесплатную консультацию и могут подвергнуться небольшой хирургической операции.

В начальной школе учится много мальчиков из племен колов, санталов и мунда. Их обучение ведется на хинди. В деревнях, прилегающих к Ранчи, преподаватели школы проводят также занятия для девочек.

Посвящение в крияйогу — особая отличительная черта школы. Мальчики ежедневно выполняют дыхательные упражнения и асаны, читают нараспев «Гиту» и на примерах, достойных подражания, учатся таким добродетелям, как скромность, честь, правдивость и самоотречение.

Во фруктовом саду нам показали скромный храм, почерневший от времени и дождей. Внутри него каменная скульптура, украшенная цветами.

— Это Лахири Махасайя, *йогаватар* («воплощение

йога»), — пояснил нам директор. — Он был необыкновенным человеком, гуру Шри Юктешвара, учителя Шри Йогананды. Скульптура напоминает ученикам, что и великий йог, распространитель криййоги, тоже был мальчиком. Символика храма — непрерывность ученической преемственности.

Согласно принятой в школе доктрине, криййога не имеет ничего общего с ненаучными дыхательными упражнениями, которым учат некоторые недобросовестные учителя. Попытки насильственно задерживать воздух в легких неестественны. А упражнения по системе Крия с самого начала их выполнения сопровождаются чувством умиротворения и успокоительным ощущением восстановительного эффекта в позвоночнике. Йогаватар Лахири Махасайя распространял методику криййоги, применение которой успокаивает смятение чувств и позволяет человеку ощутить возрастающую идентичность с космическим сознанием.

Не каждый может посвятить желающего в криййогу. Это доступно только тем, кто прошел духовное обучение и стоит на пути Крия. Посвященные и вступившие в общество «Йогода Сатсанга» дают клятву не раскрывать тайну техники Крия. Таким образом, простое и истинное учение защищено от искажений и сохраняется в неизменной, первоначальной форме. Оно представляет собой не просто технику медитации, концентрирования энергии. Это образ жизни, и он требует от посвященных соблюдения моральной дисциплины и строгого выполнения предписаний.

Директор не преминул показать и хорошую библиотеку, в которой собраны книги и журналы на английском, хинди и бенгали, поступившие от благотворителей за годы существования школы. Один из залов бывшего дворца превращен в школьный музей. С наивной непосредственностью, свойственной не только детям, но и взрослым индийцам, разложены минералы и полудрагоценные камни, археологические находки, бесценные фризы из исчезнувших древних храмов. Их привез сюда из разных поездок Йогананда.

Мукерджи попросил директора показать вид с веранды, откуда хорошо просматриваются учебные классы в саду. В школьные годы он любил это место и затем, всю жизнь, вспоминая школу, мысленно любовался ею именно с веранды дворца. Столы для занятий под деревьями пустовали. В глубине сада мальчики азартно играли в хоккей на траве.

Директор заверил нас, что подобные школы есть в городах Западной Бенгалии, в частности в Лакханпуре и Исмаличаке. А в Калькутте на берегу Ганга в Дакшинешваре

еще в конце 30-х годов был открыт храм Йогода Матх, который сейчас превращен в координационный центр общества «Йогода Сатсанга», всех его школ и ашрамов. Общество издает журнал «Йогода Мэгэзин», рассылает материалы уроков сатсанга студентам во все районы страны.

— Конечно,— подчеркнул директор,— в образовательной, гуманитарной и религиозной деятельности общества участвуют учителя, верные идее последователи, свами, «те, кто стремится достичь единства с собой».

Нам приходилось видеть свами на узких улочках Варанаси, гхатах Насика, в Аллахабаде. И если встречи с отшельниками-монахами, приходящими в предписанное время в места священного омовения, были естественными, то появление их в оранжевых одеяниях в холлах супергостиниц и в залах аэропортов было зрелищем удивительным.

Отшельники-свами принадлежат к монашескому ордену, созданному в VIII веке одним из наиболее известных и почитаемых философов-реформаторов — Шанкарачарией, учеником полумифического гуру Говинда Джати. Кроме философских комментариев к священным книгам Шанкарачария писал также и стихи. Особенно хороши его поэмы о любви к матери, которую приравнивают к божеству. Он писал: «Хотя в мире существует много плохих сыновей, никогда еще не было плохой матери». Его перу принадлежат также строки о наставнике: «В трех мирах нет подходящего сравнения для настоящего гуру. Если предположить, что действительно существует философский камень, то он может лишь превратить металл в золото, но не в другой философский камень. Чтимый учитель же создает в ученике, припадающем к его стопам, равного себе. Гуру, таким образом, бесподобен». От него тянется цепь ученической преемственности высших учителей, носящих титул Джагадгуру Шри Шанкарачария. Нынешний глава ордена живет в небольшом ашраме древнего храма Говардхан Матх на берегу океана в Пури.

Если у гуру возникают сомнения, он отговаривает «незрелого» ученика от вступления в орден. Тот, кто не достиг осознания цели, не может носить оранжевое одеяние, так как внешним символом отшельника он будет вводить в заблуждение окружающих. Когда же ученик выполнил все требования и вступает в орден, его посвящают те, кто носит титул свами.

Существует два обряда посвящения. Сложное посвящение в свами — это церемония у священного огня, когда выполняется символический похоронный обряд, при кото-

ром посвящаемого как бы кремируют в огне мудрости. Иногда выполняется упрощенный обряд посвящения. Тогда гуру окунает белую ткань в оранжевую краску — традиционный цвет одежды монахов ордена. Когда оранжевая ткань высыхает, учитель оборачивает ею посвященного, как в символ отшельника. Для упрощенного обряда используют хлопчатобумажную ткань, ведь в Индии, где монахи принимают обет бедности, свами, одетый в шелковые облачения, — явление необычное. Говорят, что Йогананда, следуя примеру йогов, носил одежду из шелка, потому что шелк лучше хлопка сохраняет невидимые токи тела. Посвящаемые в свами дают клятву бедности, безбрачия и послушания главе ордена. Имя свами обычно оканчивается на «ананда», что переводится как «высшее блаженство» и означает его стремление достичь освобождения проповедуемым путем или наличием таких качеств, как любовь к ближнему, мудрость, пронизательность, преданность, полезная деятельность, готовность прийти на помощь страждущему и занятия по системе йогов. К новому имени свами добавляют слово, которое означает одно из десяти ответвлений ордена, например *гури* («гора»), *сагар* («море»), *бхарати* («земля Индии»), *аранья* («лес»).

Правила монашеского ордена и предписания священных книг не позволяют свами после обряда посвящения поддерживать мирские связи, сохранять привычные отношения с родными и близкими. Он больше не имеет права выполнять семейные обрядовые церемонии. Однако сам Шанкарачария, преобразователь древнего ордена, проигнорировал этот запрет. Когда умерла его мать, которую он очень любил, Шанкарачария поджег погребальный костер небесным огнем, который вспыхнул в его поднятой руке.

Идея бескорыстной помощи и полезной деятельности на благо людей, отказ от личных привязанностей и мирских стремлений приводят к тому, что большинство свами посвящают себя милосердным делам, занимаются просветительной и воспитательной деятельностью. Отбросив предубеждения, связанные с кастовыми и социальными различиями, свами следует заповедям человеческого братства, справедливо считая, что таким путем он может оправдать свое звание.

— Господин директор, можно ли считать свами йогом? — спросили мы.

— Свами — это отшельник и монах. Он не всегда бывает йогом, в то время как любой человек, достигающий ступени высшего сознания по определенной системе, им считается.

ся. Йог может быть холостым или женатым, иметь профессию, работать или принадлежать к какой-либо религиозной секте,— объяснял директор.— Свами следует путем холодных логических рассуждений, а йог занимается по определенной последовательной методике, которая дисциплинирует тело, сознание и постепенно освобождает душу. Самосовершенствуясь, йог не может просто принимать на веру положения, основанные на чувствах или религиозных понятиях, он должен постигнуть их сам, выполняя хорошо проверенные серии духовных упражнений, которые составили древние мудрецы — риши. Во все времена йога давала Индии людей действительно свободных. Йога — это метод управления чувствами и ограничение естественной беспорядочности мыслей, которая не позволяет людям познать истинный характер духовного начала. Учение йоги воздействует на человека благотворно, как исцеляющий свет солнца. От директора мы узнали, что йогу как философскую систему основал Патанджали, живший во II веке до нашей эры.

Система йоги Патанджали известна как «Восьмиступенчатый путь». Первые ступени знания называются «яма» и «нияма». Яма — это правила морального поведения, включающие непричинение зла всем живым существам, правдивость, воздержание, избавление от таких чувств, как жадность и зависть, соблюдение принципа «не укради». К нияме относятся правила обязательного выполнения религиозных обрядов: поддержание чистоты тела и духа, самодисциплина, постоянное стремление к знаниям и способность чувствовать удовлетворение от того, что человек имеет. Затем следуют асаны, пранаяма и пратьяхара. Асаны — это позы, упражнения, развивающие физические способности в особенности позвоночника, который должен удерживать тело в правильной позе и удобном для медитации положении. Пранаяма — контроль праны, невидимых жизненных токов. Пратьяхара — изоляция чувств от внешних воздействий. Последние ступени, дхарана и самадхи, относятся уже к формам мистической йоги. Дхарана — способность сосредоточиться на одной мысли, а самадхи — сверхъестественное познание, то есть умение познать то, что недоступно ни простым людям, ни йогам, которые не достигли заветной восьмой ступени.

Как ни странно, всегда существовал вопрос: кто же значительнее, свами или йог? Но еще в «Махабхарате» дан четкий ответ: «Йог стоит выше аскета, выше философа-эмпирика и выше человека, интересующегося плодами своей деятельности. Поэтому, о Арджуна, в любых обстоятельст-

вах будь йогом». Не имеет никакого значения, по какому пути следует стремящийся к истине, если он достигает заветную цель единства с Абсолютом, богом. «Бхагавад-гита» указывает, что метод йогои всеохватывающий и применим для всех, а не только для небольшого круга лиц, склонных к монашескому образу жизни. Истинный йог может жить среди людей и выполнять свои мирские обязанности. Это не отдаляет его от цели достижения высокой стадии духовного сознания.

В «Йога Сутре» упоминаются различные сверхъестественные способности йогов, вибхути и сиддхи. Истинное знание — всегда сила. Путь його разделен на четыре стадии, на каждой из которых проявляется вибхути. Достигнув новой ступени способностей, йог узнает, что успешно прошел испытание очередной стадии. Проявление характерных способностей является доказательством, своеобразным пробным камнем его продвижения по пути йогои.

Патанджали предупреждал тех, кто занимается по системе йогов, что единственной целью может быть только «воплощенная душа», а не достижение сверхъестественных способностей. Вибхути лишь случайные цветы, растущие вдоль священного пути. Йог старается не проявлять свои сверхъестественные способности, чтобы не пробуждать ложную гордыню и не отвлекаться от достижения высшего сознания. Когда же он достигает абсолютной цели, то может демонстрировать свои способности или воздерживаться от проявления их. Но все его действия, и обычные и сверхъестественные, выполняются уже без вовлечения закона кармы. Образно говоря, «металлические стружки» кармы притягиваются только там, где все еще существует магнетизм личного «я».

Занятия йогой на всех ступенях возможны лишь под руководством гуру. «Бхагавад гита» указывает: «Пытайся познать истину, обратившись к духовному учителю. Вопросай его смиренно и служи ему. Самореализованные души способны дать тебе знание, ибо они видят истину». Поступки и помыслы учеников — плоды трудов учителя. Успехи последователей всегда свидетельствуют о знаниях учителя. Намного проще овладеть прочными знаниями, морально-этическими ценностями, чем воплотить их, внести в повседневную жизнь людей. То, что привлекает ум, часто не обладает достаточной силой, чтобы вызвать правильные действия. Но когда учение в руках истинного гуру, тот личным примером ведет за собой ученика.

Мы слушали директора, наблюдали за юношами, увле-

ченными игрой, и думали о том, что наступит время, они подрастут и каждый пойдет своим путем. Обогащенные знаниями и моральными ценностями, высочайшей культурой йоги, большинство выпускников, как и их предшественники, вернутся в свои семьи, будут жить среди обычных людей, собственным примером влияя на них, готовые в любой момент прийти на помощь, свято следуя высоким идеалам, которые стали основой их личности. Самосовершенствуясь, они будут всегда заботиться об окружающих. В древних текстах говорится: «Невежественные люди исполняют свои обязанности ради плодов их, мудрые же делают это ради того, чтобы вывести людей на правильный путь». И если они и не станут мудрецами, все же жизнь свою проживут истинными людьми.

В Ранчи мы не только услышали рассказ о том, что пробуждает особый интерес к духовной культуре Индии, но и стали свидетелями совершенно удивительного метода воспитания юношей. Рациональные йогические системы труднодоступны людям, лишь соприкоснувшись с ними. Чтобы понять их суть, не говоря о практическом использовании, пожалуй, не хватит жизни. Таинственный мистицизм, окружающий свами и йогов, крайне притягателен, но недоступен нашему пониманию. Он существует, интригует, но так и остается необъяснимым.

Переполненные впечатлениями от встречи с директором «Йогода Сатсанга Брахмачария Видьялая» и его воспитанниками, мы с тоской думали о нелепых и весьма тщетных попытках некоторых энтузиастов йоги в нашей стране, которые пытаются имитировать гигантскую систему, усматривая в ней лишь комплекс физических упражнений, отрывая его от недоступной, да и бесполезной для них философии. Практическое применение асан в нашей климатической зоне, в условиях другого рациона питания, занятости людей, которые трудятся полный рабочий день и несут массу других забот, возможно только при участии методистов, которые могут разработать комплекс оздоровительных упражнений, используя рациональные элементы гимнастики йогов. Но не более... Сколько людей, самостоятельно принявшихся заниматься гимнастикой йогов, причинили себе непоправимый вред! Вспоминается, как в Дели, выступая перед нашими соотечественниками, йог Гианандер втолковывал, что нельзя самостоятельно заниматься йогой, выполнять стойку на голове, делая упор на темя. Это ведет к травме позвоночника. В этой

асане упор делается исключительно на верхнюю точку лба.

После встречи в Ранчи мы новыми глазами посмотрели на индийских коллег. Оказалось, что многие весьма серьезно занимаются йогой, хотя тщетна была бы попытка отличить их по внешнему виду. Думалось, что йог всегда строен, не имеет избыточного веса и выглядит моложе своих лет. На деле оказалось, что и довольно полные люди были ревностными последователями системы. Все самосовершенствовались под руководством личного гуру, верили, что правильным образом жизни смогут достичь освобождения, прервав бесконечный цикл перерождений. Признают они авторитет и ныне здравствующих святых.

САЙ БАБА

Как-то, находясь в столице, мы стали свидетелями того, как возле одного из особняков на тихой респектабельной улице Голф Линкс собралась большая толпа. У ограды стояли полицейские. Оказывается, в Дели приехал свами Сай Баба, и многочисленные поклонники поспешили на встречу с ним. Они волновались, пытались заглянуть во двор, где он должен был появиться, выкрикивали на разные лады: «Даршан! Даршан!». Это слово означает «явление» или «встреча со святым» и в данном случае использовалось как призыв: «Явись!» Люди жаждали увидеть свами, почувствовать его присутствие, а если повезет, удостоиться беседы, а может, и магического прикосновения.

Наступил момент, когда выкрики перешли в шепот. — Даршан! Даршан! — произносили люди.

Их взгляды были прикованы к резной двери особняка. Дверь распахнулась, и на пороге появился статный, высокий мужчина лет пятидесяти с пышным ореолом волос в афро-американском стиле. Оранжевый балахон отшельника спускался до земли скрывая полную фигуру и стройные длинные ноги. Облачения отшельника были украшены искусной вышивкой. Нам показалось, что Сай Баба держался несколько картинно. На его полном лице, окруженном шапкой волос, играла улыбка. Он немного постоял на пороге, сложив руки на груди, а когда стал спускаться по ступеням, развел их в стороны ладонями вверх, как бы демонстрируя свое величие. Наступила тишина. Люди

любовались святым, а он шел по человеческому коридору. Поклонники улыбались и, казалось, были погружены в состояние какой-то сладостной эйфории.

Церемония общения с поклонниками длилась недолго. Походив среди людей, Сай Баба всего несколько раз останавливался для короткого разговора с избранными счастливыми, сыпал им немного пепла. Из разговора мы смогли уловить лишь одну фразу: «Свами с тобой». Потом святой удалился, а паломники, немного постояв возле дома, стали расходиться. Люди продолжали улыбаться, бережно сжимая в руках полученный пепел. Казалось, они уносят с собой благодать. Так окончился даршан на Голф Линкс.

В Индии Сай Баба известен тем, что может материализовать из воздуха священный пепел, кольца и медальоны. Поклонники уверяют, что иногда он материализует золотой перстень с собственным эмалевым изображением. Он щедро раздает пепел пришедшим на даршан не только в качестве своеобразного благословения, но и для того, чтобы поклонники могли использовать его для лечения различных болезней. Говорят, Сай Баба мало значения придает чудесам, считая их вполне естественными. По его мнению, они служат для укрепления веры в тех, кто обращается к нему за помощью.

Необычная история Сай Бабы широко известна в Индии и несколько объясняет его удивительную популярность. В деревне Путтапартхи родился мальчик Сатхиям Раджу. Однажды его укусил скорпион, и он сутки пролежал без сознания. Затем началась горячка. В бреду мальчик декламировал стихи поэтов, которые никогда не читал. Родители Сатхияма приводили врачей со всей округи, но они ничем не могли помочь. Тогда решили обратиться к знахарям, чтобы те изгнали из ребенка злого духа. Но и знахари оказались бессильны. Недели через две Сатхиям пришел в сознание и сообщил, что в него переселился дух святого Ширди Сай Бабы. Было от чего прийти в изумление отцу Сатхияма, который теперь должен был относиться к сыну как к почитаемому отцу. Ширди Сай Баба жил задолго до рождения мальчика. Слово *баба* означает «почитаемый отец», ведь внутрисемейные отношения в Индии строятся на безусловном почитании родителей. В доме стали твориться чудеса: на бровях мальчика появлялся пепел, из воздуха возникали фрукты, цветы, по стенам ползали бумажные деньги, купюры в одну рупию.

Сатхиям перестал ходить в школу, заявив, что освобожден от иллюзий. К нему стали прислушиваться одно-

сельчане, особенно после того, как он рассказал крестьянину, где найти пропавшую буйволицу, и предсказал брахману, что скоро вернется его пропавший без вести сын. Он быстро убедил окружающих в необычности своего дара. Даже родители, скептически настроенные брат и учитель истории признали его божественное превосходство. Один из поклонников предоставил ему свой дом. Туда к Сай Бабе стали приходить на даршан люди. Возле этого дома в саду был устроен и первый храм.

Сейчас у Сай Бабы несколько ашрамов. В Хайдарабаде действует Сайцентр «Шивам». В Уайтфилде под Бангалуром при ашраме создано несколько учебных заведений, действующих под эгидой и покровительством свами. Там находятся колледжи и институт высшего знания, колледж науки и искусства, общежитие для студентов. Так Сай Баба стал просветителем-организатором. В ашраме Уайтфилда постоянно живет несколько сотен ревностных его поклонников. Они говорят, что близость Сай Бабы помогает им переосмыслить концепцию основного предназначения человека в жизни, пересмотреть морально-этические ценности. В этом сложном занятии велико значение и самой обаятельной личности Сай Бабы.

В ашраме Уайтфилд в 1980 году была проведена трехдневная Всемирная конференция Сатья Сай, на которую съехались несколько тысяч человек из многих стран. Среди них были и гости, и паломники, и делегаты. Состав участников был самый разнообразный: врачи, бизнесмены, учителя, правительственные чиновники. Спустя два месяца в клубе Бокаро демонстрировали документальный фильм о конференции, снятый по инициативе правительства Индии. Сай Баба выходил на даршан, такой же нарочито картинный, как и во время даршана на Голф Линкс. Он более щедро раздавал пепел, чаще останавливался, чтобы поговорить с паломниками, низко склонялся к инвалидам, привезенным родными на носилках и в инвалидных креслах бог весть из каких стран и штатов Индии. Была показана и пресс-конференция, на которой журналисты донимали свами вопросами:

— Говорят, вы занимаетесь фокусами?— подставляя микрофон Сай Бабе, спросил самый бойкий репортер.

— Пусть говорят,— улыбнулся в ответ святой и потер пальцы, воспроизводя немного пепла.— У вас проблемы со здоровьем. Принимайте это с водой три раза в день. Вы курите и не только напрасно тратите деньги, но и разрушаете себя.

Среди поклонников Сай Бабы много участников движения, которое называется «Поток желаний». Эти люди стараются сделать общество счастливым, для чего необходимо отрешиться от эгоизма и стяжательских настроений, ограничить свои чрезмерные желания. Сам свами объясняет популярность движения тем, что не только бедняки страдают, ведь проблемы терзают и тех, кто обеспечен едой, одеждой, жильем. Он спрашивает: счастливы ли они, удовлетворены ли, живут ли в мире и гармонии? Чтобы стало меньше проблем, а благополучные семьи испытали радость удовлетворения в поисках путей освобождения, Сай Баба призывает каждую семью накормить хотя бы одного голодного в день. После встречи с Сай Бабой люди чувствуют себя счастливыми, спокойными и удовлетворенными. Но это состояние не может длиться долго, его нужно постоянно поддерживать самостоятельными поступками, выполняя наиболее часто звучащий наказ свами: «Будь всегда правдивым, работай и живи с преданностью и любовью».

Некоторые особо ревностные поклонники упрекают его в том, что он не облегчает жизнь людям, не предотвращает стихийные бедствия, такие, как наводнения или засуха. Сай Баба объясняет, что это законы природы, в которые он не вправе вмешиваться. К нему обращаются в надежде на исцеление, но и в этом случае свами помогает не всем, а выборочно, в зависимости от индивидуальной кармы человека. Он приходит на помощь лишь тем, кто исчерпал свою карму или подходит к ее концу, в зависимости от прошлой кармы. Даже в Бангалуре есть такие люди, которые не очень одобрительно относятся к деятельности Сай Бабы, упрекают его в том, что он помогает только богатым. Заметьте, индийцы не сомневаются в его сверхъестественных способностях! Что касается того, кому помогать и как, то к кругу людей, обращающихся к Сай Бабе, которые считаются его самыми ревностными поклонниками, действительно относятся отставные министры штатов, член парламента Ориссы, научный сотрудник министерства обороны, генералы, директор технологического института, крупные промышленники и бизнесмены и даже бывший махараджа Сандура с супругой. Однако не следует забывать, что строительство школ, колледжей, ашрамов и храмов ведется за счет добровольных пожертвований частных лиц и делается это для простых людей, а не для самого Сай Бабы.

Работы на строительстве помещений ашрама и храма, при возведении колонны стамбха выполнялись только добро-

вольцами из числа его поклонников. Деньги поступают от филантропов или зарабатываются, как сделали, например, студенты при строительстве общежития Сайколледжа. Они устраивали благотворительные спектакли, вязали свитера, вышивали носовые платки и сами продавали их на благотворительной ярмарке, собрав двадцать пять тысяч рупий. В другом случае студенты участвовали в благотворительном концерте и на вырученные деньги пробурили скважину для питьевой воды в деревне.

В отличие от многих современных «реактивных гуру» Сай Баба крайне редко выезжает за границу, хотя в ряде стран, в том числе в США, в Голливуде, есть «Сайцентр». Он не одобряет такие поездки и как-то выговаривал своему почитателю, вернувшемуся из США:

— У тебя много денег, ты едешь туда-сюда, но для чего? Счастье здесь, в тебе, но ты не видишь этого, не понимаешь, что богатство в тебе самом.

Поклонники Сай Бабы утверждают, что свами не любит принимать пожертвования, подарки от тех, кому помог советом или исцелением. Подарки ему ни к чему. Известно, что он обычно ходит босиком, всегда носит хотя и расширенное, но традиционное оранжевое одеяние. Любой человек почитает за честь оказать ему гостеприимство. Он даже отказывался принять уникальную резную деревянную дверь двухсотлетней давности, которую поклонник-коллекционер пожертвовал для строящегося в Бангалуре храма, заявив, что обычная дверь тоже хорошо послужит своей цели. В то же время Сай Баба благожелателен к тем, кто организует сбор средств, проявляет заботу о деятельности ашрамов и «Сайцентра», подбирает квалифицированных специалистов для строительных работ. Он часто встречается с ними, подолгу беседует и дарит им более памятные и дорогие подарки, чем визитные карточки со своим портретом, которые обычно щедро раздает, извлекая из широкого рукава своего оранжевого облачения.

Его визитную карточку мы видели у приятеля Нараяна, полного и всегда улыбающегося сотрудника департамента подготовки кадров Натараджана, который до Бокаро жил и работал в Бангалуре. Он и его родители уже много лет считают себя последователями Сай Бабы. Много раз присутствовали они на даршанах в Уайтфилде.

— Мне было двенадцать лет, когда я впервые увидел Сай Бабу, — рассказывал Натараджан. — Я не хотел идти на даршан. Моя школьная команда по крикету играла в то утро с ребятами из соседней школы. Я должен был быть с ними.

Но отец сказал, что ни о какой игре не может быть и речи и мы будем сопровождать семью его друга Тальвара на встречу с великим святым. Родительское слово — закон. Понимая желание Тальваров увидеть свами, я недоумевал, почему родители решили, что и для меня встреча с ним важнее крикета. Об истории Тальваров в нашем доме говорили много. Дело в том, что как только Тальвар и его жена узнали о существовании Сай Бабы, он явился госпоже Тальвар во сне и пообещал, что через семь дней они услышат хорошие новости. Спустя неделю давний судебный иск разрешился в их пользу. Теперь они хотели увидеть свами наяву. В толпе поклонников я, как ребенок, оказался в первом ряду. Верьте или не верьте, когда он появился и приблизился ко мне, я забыл даже обожаемый крикет. От него исходила благодать, безмятежное спокойствие обволакивало меня. Я больше не хотел ничего, только бы продлились эти минуты, только бы не покидал меня свет Сай Бабы. Каждый раз при его появлении я испытываю счастье, уношу это чувство с собой, оно греет и смягчает мою душу. С какими бы сложными проблемами и грустными мыслями ни приходилось мне приходиться на его даршан, он дарит покой и радость, утоляет жажду страждущего, как хрустальной чистоты горный родник, стекающий с вершин Гималаев. Мои родители и Тальвары всегда стараются не пропустить встречи со свами. Тальвар — бизнесмен. Он участвовал в постройке храма и придумал для Сай Бабы праздничную колесницу, сделанную из обыкновенного джипа. Дело в том, что во время Всемирной конференции 1980 года с торжественным выездом свами вышла неувязка. Поскольку Сай Баба родом не из знатной семьи и не имеет опыта езды на слоне, он не смог проехать во всем великолепии на слонихе Гите, как подобает в подобных случаях, перед собравшимися гостями и делегатами. Организаторы выезда объявили, что хоудах оказался неудачным, и принялись думать, чем можно заменить слониху. Хотели использовать карету, и поклонники уже приводили своих лошадей, чтобы можно было отобрать самых достойных животных. Но свами отверг эту идею. Тогда Тальвар предложил проект колесницы на базе джипа, украсив ее медными пластинками с декоративным орнаментом и изображениями мифических птиц и животных. Колесница получилась великолепная. В знак признательности Сай Баба материализовал Тальвару золотой медальон со своим портретом. К свадьбе дочери Тальвары получили от свами ритуальные свадебные священные цепи и сари.

Сотни людей обращаются к нему с различными просьбами, пишут письма, приходят на даршан, надеясь удостоиться совета свами по поводу предстоящей операции, перемещения по службе, вступления в брак детей, расширения своего бизнеса. Многие приводят детей и родственников, страдающих неизлечимыми болезнями, в надежде на чудо. Сай Баба на даршанах обещает *мукти* — освобождение души. Он часто обращается к людям со словами: «Свами позаботится о тебе», «Свами всегда с тобой», проповедует, что доброту человек достигает через гармонию мыслей, слов, поступков и в общении с хорошими людьми, призывает отказаться от дурных привычек — курения и наркотиков.

Так кто же такой Сай Баба? *Бхагаван*, как его иногда называют, то есть «верховная божественная личность»? Свами, который находится в единстве с собой? Самореализованная душа, овладевшая трансцендентальным сознанием без обучения у великих гуру в Гималаях? Великий притворщик, разыгрывающий из себя йога и посягнувший на владение *вибхути* — сверхъестественной способностью воздействовать на умы других людей, на тайный ход событий? Может, он — очередная легенда, слухи о которой подогревают иностранцы, смешавшие трансцендентальную медитацию, хатхайогу, культ свами и крияйогу, которые в поисках высшей ступени духовной реализации читают нараспев гимны, бхаджаны, в ашраме Сай Бабы? Но как же быть с теми, кому Сай Баба помог, исцелил от недуга? В документальном фильме о конференции был эпизод, когда он склоняется над носилками инвалида-европейца, перенесшего в детстве полиомиелит, и через несколько мгновений человек встает с носилок и делает первые неуверенные шаги. Вот оно, чудо исцеления и не в комедии «Праздник святого Йоргена», а в документальных материалах, отснятых по заказу правительства страны. Министр образования Индии, участвовавший в конференции, сдержанно заявил, что особенностью форума в Уайтфилде стало единение людей разных национальностей. А редактор крупного левого еженедельника «Блитц» Каринджа был более категоричен. Он считал, что Шри Баба создает новую нацию.

После демонстрации этого фильма в Бокаро много говорили о Сай Бабе. Вспоминали удивительные истории, связанные с их родственниками и знакомыми, пересказывали прочитанное и услышанное о феноменальных способностях святого. Изредка высказывались и сомнения... Их формулировали деликатно, не потому что следовали принципу героя чеховского «Письма к ученому соседу» («этого не

может быть, потому что этого не может быть никогда»), а исходя из того, что существует слишком много явлений, понять природу которых человек не способен в силу природной ограниченности. Сколько сотен лет люди не могли разгадать причину свечения Солнца и звезд, а что же говорить о сверхъестественных способностях людей исключительных? Часто разговоры о Сай Бабе возникали даже при обсуждении производственных вопросов. Вернувшись из совместной командировки в Ориссу, Чиббар буквально шокировал своих подчиненных, сравнив с Сай Бабой владельца цементного завода, который засыпал окрестности цементом более щедро, чем свами одаривает своих последователей священным пеплом.

ЦЕМЕНТНЫЙ ЗАВОД В РАЙГАРХЕ

Приехав в конце дня в городок Райгарх, где была запланирована встреча с владельцем завода, мы были поражены фантастическим пейзажем. Дома, деревья, земля, трава и асфальт — все было покрыто толстым слоем цементной пыли. Сохранив реальные очертания, городок ошеломлял монотонной причудливостью сюрреалистического облика. Нас встречал управляющий, чтобы сообщить, что хозяин задерживается в Дели и должен вернуться через день-два. Мы решили переночевать в гест-хаузе завода, маленькой гостинице, утром отправиться дальше, а в Райгарх заехать на обратном пути. На следующее утро мы с трудом узнали свою машину. Из салатовой она превратилась в серую. Пыль проникла через плотно закрытые дверцы в салон и толстым слоем покрыла сиденья, коврики, панель рулевого управления. В небольшом дворике, выложенном полированными каменными плитами, свиперы, уборщики, специальной мокрой джутовой щеткой постоянно сметали пыль, но это мало помогало. Днем городок, утративший многообразие красок, производил удручающее впечатление.

Когда Райгарх остался далеко позади, вновь засияло индийское буйство красок — голубое небо, зелень полей, синева озер, черные блестящие спины буйволов, многоцветные одежды крестьян. Мы ехали на северо-западную окраину штата, увозя в машине и на своей одежде «щедрые» гостинцы Райгарха. На заводе, куда мы спешили, чтобы выяснить, не смогут ли они освоить выпуск нового типа огнеупорных кирпичей для Бокаро, нас встретили недоуменным вопросом: что с нами случилось в пути? На этом

частном заводе тоже были свои проблемы, но суть их сводилась к тому, что оборудование было не просто старым, а скорее музейным. Можно только удивляться, как на допотопных установках они могли выполнять сложные заказы. Однако все работы проводились качественно с установленными допусками. Поразили нас там и слоны — их использовали вместо маневровых паровозов. Огромное животное подводило к груженому вагону, и слон медленно переталкивал его на перегрузку к месту, где формируется железнодорожный состав. Бивни у слонов подпилены, и на срезы надеты металлические колпаки, чтобы они не раслаивались. Оказывается, держать несколько рабочих слонов намного выгоднее, чем один тепловоз или паровоз. Пока мы наблюдали за работой слонов, самого большого красавца укрыли цветной попоной.

По заведенному здесь ритуалу гости должны проехать на слоне. Ездить на слоне с хоухахом сложно, а без него просто рискованно. На него трудно забраться без посторонней помощи или специальной площадки. Этот слон оказался спокойным, он послушно опустился на колени, безропотно вытерпел наши попытки вскарабкаться на спину. Потом аккуратно поднялся и, медленно раскачиваясь, двинулся по территории завода. Сидя на слоне, Чиббар подкручивал усы и спрашивал, не стал ли он теперь похожим на махараджу. Женщины, занятые на погрузке вагонов, глядя на нас, весело смеялись. Эти орисские красавицы с татуировками на руках и ступнях были из одного племени. Необычно выглядели их серебряные браслеты с колокольчиками, которые в других местах женщины никогда на работу не надевают. В крыле носа у каждой была вколота не маленькая капелька-камешек, а массивная сережка. Развеселились и их детишки, которые до этого играли в тени высокого здания цеха.

Поздним вечером после переговоров мы решили немного погулять, но у калитки нам преградил дорогу охранник. Напрасно он пытался что-то объяснить нам на языке ория. Мы ничего не понимали, и тут он по-английски произнес слово «тигр». Пришлось повернуть назад. Утром, когда отправились осматривать окрестности, мы увидели, что наша маленькая гостиница расположилась в джунглях на склоне горы. Внизу по узкой грунтовой дороге медленно двигалась одинокая повозка, запряженная волами. Тишину раннего утра разорвала песня крестьянина. В саду среди кустов роз и бугенвилеи работал садовник...

Владелец завода подтвердил, что волнения охранника

были не напрасными — в этой части штата действительно водятся тигры. Недавно сюда приезжал главный лесничий дистрикта. Дорогу ему возле гостиницы вечером преградил леопард. Лесничий долго сигналил и кричал на него. Наконец леопард встал и ушел в лес. Южнее в джунглях обитают дикие слоны, такие, как те, что мы видели на заводе. Их отлавливают и приучают работать.

Нам так не хотелось покидать это царство дикой природы, старенький завод и его гостеприимных хозяев, тем более что впереди нас ждал Райгарх. Владелец цементного завода уже прилетел из Дели и сам встречал нас. В его просторном кондиционированном кабинете на стене висела панорамная цветная фотография — вид завода с самолета. Фотографию пересекали два мощных шлейфа цементной пыли, поднимающиеся из труб. Во время беседы взгляд невольно останавливался на фотографии. Чиббар не выдержал и спросил:

— Почему бы вам не установить пылеуловители?

— Пылеуловители? — владелец был ошеломлен. — Да знаете, сколько стоит один электрофильтр? Несколько миллионов рупий!

Это Чиббар знал. Помнил он и о том, что за последний год цена на мешок цемента на рынке утроилась.

— Совершенно верно, — согласился хозяин. — Но меня такое положение устраивает, а сырья у нас достаточно. Вот если бы правительство установило фильтры, я бы не возражал.

Что мы могли возразить на его слова? Это было его предприятие, а мы приехали не только обсудить ритмичность поставок, но и попытаться уговорить директора увеличить количество огнеупоров для ремонта одной из домен. Он не дал нам никаких гарантий, но пообещал подумать, так как производство цемента проще и прибыльнее.

Владелец завода принадлежал к клану Далмия, одному из самых состоятельных и известных в Индии. Глава семейства, правоверный индус и полный вегетарианец, прославился как убежденный лидер движения, выступающего против убоя коров. Семейство Далмия активно пропагандировало подлинно индусский образ жизни, соблюдение всех ритуалов и традиций. Для этого использовали все средства. Так, в гест-хаузах на их заводах с приезжих не берут денег за проживание в гостинице и питание в ресторане, но соблюдают обязательное условие — в ресторане подают лишь вегетарианские блюда и не употребляют спиртных напитков.

С тяжелым чувством покидали мы Райгарх. Даже обычно разговорчивый Чиббар молчал и мрачно смотрел в окно. Светлая цементная дымка Райгарха удручала не меньше, чем черная угольная пыль в открытых карьерах Хазарибагха. И здесь и там страдали люди, вынужденные не только работать, но и жить со своими семьями в адских условиях загрязнения. Конечно, владельца завода подобное положение устраивало. Меньше затрат — выше прибыль. Его большой дом практически всегда пустует, а семья постоянно живет в Дели. Он сам периодически прилетает сюда на личном самолете. Его не волнует проблема цементной пыли, которая засыпала всю округу, ведь сырье в избытке, и привезти его дешевле, чем заботиться об экономии и устанавливать пылеуловители.

БАСАНТА МЕЛА

Вернувшись в Бокаро, решили сначала подвезти Чиббара, а потом ехать в свой сектор. Но в доме Чиббара пришлось задержаться, когда навстречу выбежали заплаканные девочки. Всклипывая и перебивая друг друга, они жаловались отцу, что астролог Рой не разрешает им участвовать в Басанта Меле, благотворительной ярмарке (обычно она проводится в городском парке), где будет так интересно. Чиббар попросил нас войти в дом. Неловко присутствовать при семейных сценах, но потом мы поняли, что наш друг знал, что девочки быстрее успокоятся в присутствии гостей. Он разговаривал с ними ласково, в его голосе не слышалось ноток раздражения или гнева. Чиббар даже не пытался подчинить их власти своего авторитета. Излив душу, девочки вытерли слезы, а спустя еще несколько минут уже заказывали нам подарки с ярмарки.

Басанта Мела проводится ежегодно. Ее организацией занимается Комитет женщин Бокаро. Не остаются в стороне и городские власти, администрация завода, «Клуб Бокаро». Собранные на ярмарке деньги передаются на улучшение условий жизни крестьян окрестных деревень — на закупку швейных машинок для сельскохозяйственных кооперативов, оборудование пунктов медицинской помощи и рытье новых колодцев.

За неделю до ярмарки в городском парке начинается оживленная работа. Инженеры городской администрации размечают площадки для временных павильонов. Рабочие

монтируют каркасы из бамбуковых шестов и обтягивают яркими расписными тканями, украшают драпировками, фонариками, лентами и гирляндами разноцветных электрических лампочек. Так в парке появляется живописный городок — торговые павильоны, сцены для выступления артистов, шатры для показа фокусов, арена цирка шапито, новые аттракционы. Торговцы подтягивают к парку свои передвижные лавочки.

Накануне открытия во многих домах кипит работа. Женщины пекут пирожные и торты, готовят сладости на продажу. Занимаются этим не только жены подчиненных, но и высокопоставленных начальников. В Комитете женщин активистки сортируют, складывают и оформляют собранные для ярмарки игрушки, кухонную утварь, одежду, сувениры. В школах отбирают самые удачные поделки учеников.

Ярмарка открывается обычно в субботу, во второй половине дня. Сигнал к открытию — обход павильонов управляющим директором и мэром города. По мере того как они двигаются по территории, в уже посещенных павильонах начинается оживленная торговля. Тон задают жены начальников, члены Комитета женщин, которые стремятся продать подороже самые обычные вещи, собранные их членами. Даже чашечка чая и сладости стоят на благотворительной ярмарке намного дороже, чем обычно. Не только торговать, но и покупать на Басанта Меле считается благородным делом, благочестивым поступком.

На следующий день, в воскресенье, когда на нее хлынули крестьяне из окрестных деревень, ярмарка стала особенно оживленной. Окруженные детьми женщины в дешевых ярких сари, в праздничных украшениях гордо ступали босыми ногами по асфальту. Впереди семейства важно вышагивал его глава в самой лучшей рубашке, обернув длинный шарф вокруг шеи. Особенно красочно и шумно двигались семьи адиваси. Некоторые мужчины прихватили свои луки и стрелы, чтобы подчеркнуть торжественность момента. Полиция в парке усилила наряды, чтобы регулировать наплыв посетителей, бамбуковыми шестами оградила подходы к павильонам, в кантинах выставили дополнительные столы и стулья.

На ярмарке в тот день можно было увидеть ритуальные маски и барабаны, изготовлением которых славятся мастера одного племени в дальней деревне Пурулия. Одни маски изображали богов, другие — людей. Были там и маски для ритуальных танцев, большие и красочные. Над ними мастера

работали долго и тщательно. Маски простых дюдей представляли мужчин и женщин этого племени. Их вешали обычно на стене в доме. Они были сделаны настолько реалистично, что в сумерках казались отсеченными головами. На их лицах играла улыбка, а глаза с голубоватой поволокой смотрели в упор. Возле лавочек с изделиями Пурулии стоял барабанный грохот — новые обладатели барабанов проверяли их звучание, продавцы демонстрировали высокое качество товара.

К вечеру, когда жара спадала, начинались представления артистов и фокусников, канатоходцев и заклинателей змей. Можно было развлечься азартным боем петухов или поединком кобры и мангусты. Кантины и площадки с детскими аттракционами окружала густая толпа. Лишь поздно вечером парк пустел, отключалась праздничная иллюминация, затихали звуки музыки. Через день, словно по мановению волшебной палочки, исчезали яркие павильоны и шатры, флаги и транспаранты, кантины и аттракционы. В вернувшейся тишине городского парка ничто больше не напоминало о шумном и красочном празднике Басанта Мела.

БУДНИ ГОРОДСКОГО ПАРКА

В будни городской парк жил тихой и неприметной жизнью. По воскресеньям здесь звучали радостные голоса и смех детей. В тени деревьев люди устраивали пикники, по дорожкам чинно прогуливались жители Бокаро и вели размеренные беседы. Тут обычно устраивали выставки цветов и детского рисунка, конкурсы вязаных изделий местных мастериц. В парке имелись детская железная дорога и небольшой зоопарк, где обитали пятнистые и карликовые олени, гималайский медвежонок, большой старый крокодил и лиса. В клетках томилась павлины, попугаи и голуби, с тоской наблюдающие за своими собратьями, которые резвились на свободе. Зимой в парке появлялись тибетцы с дрессированными гималайскими медведями. На взрослых медведях были надеты прочные металлические намордники, хозяева держали животных на цепи. В январе-феврале в город приходили погонщики слонов. Днем слоны работали — перевозили объемные грузы, а ночью отдыхали у ворот нашего сектора. В воскресные дни погонщики слонов в ярких одеждах катали детишек верхом на празднично украшенных слонах.

ДЕЛИЙСКИЙ ЗООПАРК

В один из наших приездов в Дели мы решили посетить зоопарк. В ту зиму перелетные птицы избрали его местом зимовки. Делийский зоопарк живописно раскинулся на территории огромного ухоженного парка у подножия холма, на вершине которого возвышались стены и бастионы Пурана Кила — крепости, построенной во время Шер Шаха как резиденции его двора. Птичьи колонии никто не беспокоил, а корма тут было достаточно. Полюбовавшись удивительным зрелищем, мы возвращались боковой аллеей, и тут заметили огромную поляну, на которой росли деревья. Она была окружена рвом с водой. Животные в зоопарке содержатся в естественных условиях и отделены от посетителей преградами. Перед нами была «вотчина» тигра. Солнце освещало поляну. Людей возле вольера не было, и, запасшись терпением, мы решили дожидаться появления зверя и сделать хороший снимок. Но тигр почему-то не шел позировать, а прижимался к сетке в дальнем конце вольера. Неизвестно, сколько бы еще времени нам пришлось ожидать, если бы не проходившие мимо индийцы, которые сказали, что тигр не выйдет на поляну, потому что сейчас увезут его подругу. Мы поспешили к входу в вольер, даже не обратив внимания на гималайского медвежонка, который бродил по дорожке.

За вольером собрались работники зоопарка и несколько таких же, как мы, посетителей. Перед входом стоял грузовичок с низким кузовом. Борта были опущены, и в тесной клетке тройного плетения, уже закрепленной в кузове, билась и рычала великолепная тигрица. Шесть крепких сикхов вытащили из двери вольера еще одну клетку с таким же мощным защитным плетением. В ней сидели два тигренок. Работники закрепили и эту клетку в кузове. Симпатичные неуклюжие тигрята были похожи на ласковых котят. Рука сама потянулась к клетке. Но человек, руководивший отправкой животных, резко остановил нас и показал свою руку, на которой тигренок, когда его загоняли в клетку, от локтя до кисти оставил три глубокие кровоточащие царапины. Это был заместитель директора зоопарка. Он рассказал, что тигрицу брали из зоопарка в Пенджабе, чтобы получить потомство. Теперь из трех родившихся тигрят один остается с отцом здесь, в Делийском зоопарке, а два других отправляются назад вместе с тигрицей.

— Я никогда не беседовал с русскими, — сказал он,

узнав, кто мы.— Интересно, а как у вас относятся к диким животным?

Мы пытались вспомнить все, что знали, чтобы удовлетворить его интерес. Рассказали даже о льве Кинге, которого воспитывали в небольшой бакинской квартире супруги Берберовы, о его кинокарьере и гибели... Но мы не знали тогда, какая трагедия произошла в доме Берберовых, когда Кинг-младший и другие хищные воспитанники вышли из повиновения. Еще не были написаны и лучшие статьи В. Пескова о неоправданных попытках людей держать животных в неподходящих для них условиях. Наш собеседник был профессионал, он всю жизнь работал с хищниками. Время от времени, когда предоставлялась такая возможность, брал на воспитание тигренка, и тот жил в его большом доме. Но когда ежедневная норма свежего мяса для зверя достигала шести-восьми килограммов, семейный бюджет не мог выдержать такую нагрузку. Он возвращал тигренка в зоопарк. Да и тигренок достигал того возраста, когда держать его в доме становилось опасно.

Нашему собеседнику подали на подпись сопроводительные документы. Он перелистал их, взглянул на нас и отдал работникам какое-то указание на хинди. Сикхи стали откреплять и сдвигать клетку с тиграми.

— Я никогда не думал, что русские любят животных. Вы мои первые друзья из России, и я хочу подарить вам тигренка,— торжественно произнес он.— Документы сейчас оформят.

Мы не могли поверить в происходящее. Но тигрят уже тащили назад в вольер, чтобы заключить в отдельные клетки и тут мы поняли, что возможность оказаться с тигренком на руках довольно реальная. Может, если бы у нас было время спокойно подумать и оценить щедрый подарок, вспомнить о крошечном зоопарке в Бокаро, который с готовностью принял бы обаятельного хищника, мы не стали бы останавливать сикхов и уговаривать заместителя директора не лишать пенджабский зоопарк права на нового обитателя.

РЕВА

...На бензоколонке в Реве было оживленно. Перебивая друг друга, люди пытались помочь нам советами. Нет, нас не интересовало направление — дорогу мы знали хорошо. Это был тот участок трассы Дели — Канпур, где отсчет

километров до Кхаджурахо дается цифрами красного цвета. Впереди, за плоской равниной Мадхья-Прадеш, лежали невысокие, но труднодоступные горы Виндхья, вершины которых смахивали на неприступные средневековые крепости. За горами находятся алмазные копи Панны и дальше, на расстоянии часа езды, храмы деревни Кхаджурахо. Нас интересовало, где в Реве расположен дворец бывшего махараджи, в котором сохранился единственный питомник белых тигров. Местные жители единодушно советовали ехать во дворец, который находился в черте города и хорошо просматривался с дороги. Но когда речь заходила о питомнике, они беспомощно разводили руками — этот дворец заброшен, и там давно никто не живет. Нам помог местный доктор, подъехавший на заправку в светлом «Фиате». Он-то и подсказал, что в тридцати километрах от трассы есть загородный дворец бывшего правителя. Если питомник существует, то только там.

Мы не остановились возле городского дворца — не хотелось терять время на осмотр закрытого, пришедшего в полное запустение строения. От его былого величия остались лишь стены да воспоминания гостей махараджи и путешественников, которых поражал своей роскошью зал для приемов. Стены, сплошь покрытые позолотой и инкрустацией, резные колонны, зубчатые арки, скрытые ниши для золотых светильников, толстые рельефные ковры и парчовые драпировки штор — все было рассчитано на то, чтобы создать атмосферу, достойную великого правителя. Хрустальные люстры свисали с потолка, расписанного в стиле гобелена. Вход украшали разрисованные колонны из тикового дерева. В глубине дурбара, на возвышении, стоял трон — огромная бархатная подушка, которую поддерживали два золотых льва. О самом дворце писали, что он был сложным нагромождением бесчисленных комнат, коридоров, залов и внутренних двориков. Есть воспоминания и о наполненных сокровищами подземельях. Теперь он стоит в полном забвении, а рядом живет своей жизнью провинциальный городок Рева. Где-то в стороне от него сохранился загородный дворец, куда мы и держали путь.

Свернув с трассы, мы долго ехали по безлюдной дороге, вдоль которой росли старые баньяны. Потом появилось селение, а за ним показался и дворец. Он стоял на искусственном островке на полноводной реке. От берега и деревни он был отделен двумя глубокими, заполненными водой крепостными рвами, сходящимися под тупым углом в том месте, где переброшен подъемный мост. Сад и лужайки,

некогда содержавшиеся многочисленными садовниками в образцовом порядке, заросли высокой травой и огромными лопухами.

Дворец с открытыми верандами, галереями и переходами представлял собой несколько отдельных помещений, очевидно построенных в разные годы. Справа парадная часть дворца. Там проходили частные аудиенции и большие приемы. В центре располагалась женская половина, *зенана*, слева — хозяйственные постройки. От парадной части дворца к причалу вела крытая веранда, сюда подходили прогулочные лодки махараджи и его знатных гостей. Местами потрескались стены, осыпалась штукатурка, виднелись желтые разводы, оставленные тропическими ливнями. Но площадки были чисто подметены, повсюду стояли горшки с ухоженными растениями, небольшие фигурки богов и каменные фризы древних храмов. Дворец напоминал археологический музей. Холодно и надменно замерли у стен безлюдного дворца старинные чугунные литые пушки.

Редьярд Киплинг считал, что провидение создало махараджей для того, чтобы человечество могло лицезреть великолепные мраморные дворцы, слонов, тигров и удивительной красоты драгоценные камни. Именно с махараджами связаны самые ошеломляющие индийские легенды. Рассказы об их богатстве, пороках и добродетелях, скупости и расточительности, эксцентричных выходках и честолюбии породили много слухов, небылиц и анекдотов, которые приводили в восторг людей, жаждущих восточной экзотики, подогревали азарт авантюристов, искателей приключений и кладов.

БАГХЕЛЫ

Индия на своем веку видела много правителей, как своих, так и чужеземных. Сменяя один другого, они славились жестокостью и деспотизмом и реже были отмечены печатью добродетели и благожелательности. «Землей царских сыновей», Раджпутаной называли раньше Раджастхан. «Сыновья царей», раджпуты, свое происхождение ведут от древнеиндийской касты воинов и правителей. История Раджпутаны, полная романтических легенд о героических подвигах раджпутов, связана с борьбой индусских правителей с мусульманскими завоевателями. Когда-то раджпутские правители держали под своей властью большую часть Северной и Центральной Индии. Они правили своими небольшими

княжествами из неприступных дворцов-крепостей, сооруженных в горах. Эти воинственные правители считали себя потомками Солнца и Луны. Они имели свои армии, и войны оставались для них основным развлечением.

Правители многочисленных индуистских государств-княжеств были довольно плохо осведомлены о событиях, происходивших в других частях Индостана. Полной неожиданностью для них явилось появление мусульманских завоевателей и образование Делийского султаната. В XI веке тюрк Махмуд вторгся в Пенджаб и положил начало мусульманским завоеваниям в Индии и тем империям, которым было суждено просуществовать восемьсот пятьдесят лет. Однако завоевателей ждало самое упорное, героическое сопротивление именно в пустынях и скалистых горах Раджпутаны. Раджпуты неохотно объединялись для защиты своих владений от мусульман, они вели свои войска в бой, одурманенные опиумом.

Если урожай мака оказывался скудным, раджпуты прерывали или откладывали военные кампании. Осада раджпутских крепостей завершалась по-разному. Порой обеим сторонам удавалось прийти к мирному соглашению. Тогда раджпутские князья, сохраняя независимость, выплачивали императору ежегодно богатую дань, отдавали ему в жены дочерей и принимали участие со своим войском в его военных походах. Моголы высоко ценили воинское мастерство раджпутов, и многие «сыновья царей» получали видные посты при дворе мусульманских правителей. Если осада раджпутской крепости завершалась успешно, то всех ее защитников беспощадно уничтожали, а те, кому удавалось спастись, покидали объятые пламенем дворцы.

Далеко от родных мест забросила судьба одного из «царских сыновей», потомка могущественного клана раджпутов из северного Гуджарата. Он женился на дочери местного вождя и со своими сторонниками нашел надежное пристанище в Реве, в пустынных равнинах Мадхья-Прадеш, защищенных горами Виндхья. Круг его приближенных значительно расширился, когда к нему прибыли родственники, оставшиеся в живых после нападения на Гуджарат полчищ жестокого Ала-уд-дина Хилджи. Раджпутов, укрывшихся за горами Виндхья, стали называть «багхелами», а их владения «Багхелкханд». Эти места были настолько труднодоступны и удалены от Дели и Раджпутаны, где индийские князья продолжали отстаивать свою независимость, что багхелам долго удавалось оставаться вне поля зрения мусульманских завоевателей.

Неизвестно, как долго могло сохраняться подобное положение, если бы не молва о великом певце Тансене, который услаждал слух махараджи Ревы в крепости Бандхогарх. Великий Могол Акбар был большим поклонником музыки и, когда узнал о чудесном певце, отправил в Реву гонца с требованием доставить Тансена к императорскому дворцу. Махараджа какое-то время колебался, но затем решил, что лучше поступиться эстетическим наслаждением, чем идти на военный конфликт.

Дебют певца в Дели имел ошеломляющий успех. Акбар осыпал его подарками. Император высоко ценил его талант. Он считал, что подобный певец рождается лишь раз в тысячу лет. Когда через несколько лет Тансен умер, опечаленный Акбар заявил — вместе с ним скончалась сама музыка.

Музыкальный успех Тансена положил конец изоляции Багхелкханда. Индийская мудрость гласит: «Правителям, клеветникам и змеям ни в чем не стоит доверять: они высказывают уважение и неожиданно губят». Вскоре после кончины певца коварный Акбар двинул свои войска на Багхелкханд, разрушил крепость Бандхогарх и попытался установить там могольское правление. Оно оказалось не слишком деспотичным. Багхелкханд был поделен между раджпутскими правителями, и главным среди них по-прежнему считался махараджа Ревы. Князья-багхелы время от времени поступали на службу к Моголам, где получали высокие командные должности и отмечались наградами за успехи в военных кампаниях. Моголы старались не вспоминать о вольном и непокорном нраве багхелов, который так ярко проявил когда-то раджа Ревы Бирбхан Багхела, вступивший в открытый конфликт с Шер Шахом. Раджа пытался укрыться в раджастханской крепости Калинджар, при осаде которой Шер Шах погиб.

Распространив свою власть на Багхелкханд, Моголы со временем оставили князей в покое. Воспользовавшись этим, махараджа Ревы приступил к возведению новой крепости, которой было суждено стать городом-дворцом, построенным в лучших традициях могольской и индуистской архитектуры. Теперь эту крепость называют «городским дворцом».

Если в могольские времена багхелы прославились тем, что послали Акбару знаменитого певца, то во времена британской колонизации Индии Багхелкханд снискал печальную известность тем, что вплоть до начала XIX века в джунглях Ревы укрывались профессиональные разбойники — *пиндари*. Иногда эти грабители поступали на службу в

войска маратхов, но в основном жили за счет добычи, которую захватывали, грабя и убивая невинных путешественников. Чтобы как-то оправдать свои злодеяния, пиндари заверяли, что убийство с грабежом — это религиозный обряд. Четыре месяца в году, как обычные крестьяне, они обрабатывали свои поля, а остальное время года занимались разбоем. Перед тем как вернуться в родные деревни к очередному сезону полевых работ, они совершали обязательное паломничество в храм Бховани в Биндучале, принося в жертву божеству часть своего «заработка». Брахман без колебаний и угрызений совести принимал эти подношения. В начале прошлого века англичане обнаружили, что пиндари из Багхелкханда совершают набеги и на деревни Ост-Индской компании. Ритуал убийств, совмещенный с грабежом, шокировал англичан не менее, чем обряд сати. Английские завоеватели навязали правителю Багхелкханда договор, разрешавший войскам Ост-Индской компании преследовать банды пиндари и на территории княжества. Покончив с бандитами, англичане, однако, не спешили покинуть Багхелкханд — уж очень им понравился обитатель местных джунглей — белый тигр. Так леса Ревы прославились как самое знаменитое место в Индии для охоты.

Здесь водилось много разных диких животных, но на белого тигра охотились только махараджа и его почетные гости. Менее важные гости, получавшие разрешение на охоту в Реве, не могли похвастаться ценным трофеем. Дело в том, что шикари махараджи, следуя приказу правителя, тайно отгоняли тигров с дороги «второсортных» гостей. Махараджи были страстными охотниками, последний из них оказался самым удачливым и за свою жизнь отстрелил более 800 тигров.

Трудно понять, почему белый тигр считается более красивым зверем, чем его обычный золотисто-черный собрат, но он всегда пользовался, как и сейчас, особой славой. Махараджа с величайшим почтением относился к обладателям британской короны. В знак уважения к монарху он приказал сделать чучело белого тигра и отправил в подарок королю. Правитель Ревы был крайне разочарован, узнав, что его подарок не украсил залы и коридоры Букингемского дворца, а стал экспонатом в Музее естественной истории. Махараджу задело не безразличие короля, скорее это было недоумение: как такой дивный зверь оказался выставленным напоказ толпе. В следующий раз, когда готовили очередной подарок, махараджа приказал из

тигровых шкур сделать ковер. Когда в Реву приезжали гости, побывавшие на приемах в Букингемском дворце, махараджа с пристрастием расспрашивал, не видели ли они его ковер и где он помещен.

ВАССАЛЬНЫЕ КНЯЖЕСТВА

В 1858 году после ликвидации Ост-Индской компании управление Индией перешло к английской короне. Но королева Виктория стала сюзереном раджей, махараджей, махаравалов, назимов, навабов и других носителей величественных и экзотических титулов, под властью которых осталась треть территории субконтинента. Шестьсот князей управляли своими владениями. Если одни княжества представляли собой пыльный клочок земли, то другие по территории были равны Британским островам.

Индийские князья всегда ставили себя выше завоевателей, династии которых сменяли одна другую, в то время как правящие кланы раджпутов сохраняли власть, унаследованную от предков, которые правили в северо-западной Индии еще две тысячи лет назад. Они утверждали, что происходят от Рамы и Кришны, верили, что являются потомками Солнца и Луны.

Понятно, что в стране с древними традициями, где высоко развито поклонение божествам, романтические легенды воспевали божественное происхождение князей. Так, махараджи Майсура утверждали, что ведут свою родословную от Луны. Один раз в год, в день осеннего равноденствия, махараджа становился для своих подданных воплощением Бога на земле. На девять дней он уединялся в темной комнате своего дворца, как садху в гималайской пещере. Все эти дни он не умывался, не брился. На него нельзя было ни смотреть, ни касаться, ведь на эти дни в него вселялся Бог. На девятый день затворник выходил из уединения. У ворот дворца его ждал слон, украшенный расшитой золотом попоной и серебряным щитом с изумрудами на лбу. На слоне в сопровождении вооруженных копьями всадников махараджа направлялся к ипподрому Майсура, где на глазах подданных, заполнявших трибуны, брахманы, читая мантры, умывали, брили и кормили его. Когда солнце опускалось за горизонт и наступала темнота, махарадже подводили черного коня. Он садился на него, и в этот момент по периметру ипподрома загорались тысячи факелов. В их дрожащем розовом свете правитель скакал на черном

коне по дорожке ипподрома под аплодисменты подданных, которые ликовали, что сын Луны снова вернулся к людям.

Махараны Удайпура заявляли о своем происхождении от еще более значительного небесного светила — Солнца. Они владели самым древним и престижным тронem в Индии, ведь махараны находились у власти более двух тысяч лет. Раз в год махарана Удайпура тоже предстал перед подданными воплощением божества. Большая лодка доставляла его через кишасщее крокодилами озеро на церемонию символического «водворения» во дворец. Позади правителя, на палубе стояли придворные в длинных одеждах из тонкого белого муслина, похожие на хор из древнегреческих трагедий.

Махараджа Алвара, небольшого государства на окраине Раджастхана, считал себя воплощением Рамы и носил черные шелковые перчатки, которые он никогда не снимал, считая, что они предохраняют его священные пальцы от оскверняющего прикосновения смертных. Он не снял перчатку даже для рукопожатия с английским королем. Махараджа приказал придворным брахманам вычислить точный размер тюрбана, который носил Рама, чтобы украсить себя таким же головным убором. Один из махараджей Алвара вошел в историю как самый жестокий тиран. По его приказу при охоте на тигров приманкой служили младенцы. Англичане вынуждены были сместить его с престола и отправить в изгнание.

Махараджа Варанаси, религиозной столицы Индии, прославился тем, что при пробуждении от сна его глаза должны были видеть корову — индуистский символ космической вечности. Каждое утро корову доставляли к окну спальни правителя и толкали в бок, чтобы мычание священного животного будило благочестивого махараджу. Однажды, когда махараджа гостил у наваба Рампура, возникла серьезная проблема, связанная с выполнением священного ритуала пробуждения, так как гостя разместили в комнатах на втором этаже дворца. Чтобы не нарушать заведенную традицию, наваб купил подъемный механизм, с помощью которого перепуганную корову, подвешенную на стропях, поднимали к окну спальни махараджи. Несчастное животное оглашало мычанием окрестности и будило не только гостя, но и всех обитателей дворца.

Все индийские правители заключали соглашения с англичанами и в обмен на лояльность получали гарантии сохранности своих владений. Для подданных они по-прежнему оставались верховными правителями, вершили право-

судие, имели свои армии, хотя и не могли полностью оградить себя от периодического вмешательства резидентов, дипломатических представителей британской короны, в дела управления государством. Тридцать правителей построили великолепные дворцы и под своей властью держали четверть территории всего субконтинента.

В 1947—1948 годах была проведена интеграция княжеств с Индийским союзом, в ходе которой в него вошли 555 княжеств. Правители, утратив свой статус, продолжают пользоваться традиционным почитанием своих бывших подданных и уважением в стране. Многие дворцы, полностью или частично, они превратили в музеи или гостиницы, некоторые продали. Индийцы и иностранные гости с интересом осматривают чудесные дворцы в Джайпуре, Амбере, Рамнагаре, Хайдарабаде, наслаждаются комфортом экзотических отелей, размещенных в бывших дворцах. Но мало кто знает, что в окрестностях Ревы тоже сохранился дворец экс-махараджи. Но это не центральная резиденция, а загородный дворец, в стороне от туристических маршрутов.

ДВОРЕЦ В РЕВЕ

И вот мы стоим возле дворца Говиндгарх, построенного еще при махарадже Рагхурадже Сингхе в конце прошлого века. Медленно несет свои воды широкая река, на противоположном берегу темнеют джунгли, голубой дымкой окутаны вершины далеких гор. Там, за рекой, нет ни одного селения, не видно ни одной хижины. Рагхурадж Сингх желал, чтобы из окон дворца открывалась панорама девственной природы, и люди, повинувшись его воле, оставались верными традиции и не селились на противоположном берегу реки. Мы не были уверены, сможем ли побывать внутри дворца, однако не жалели, что потратили много времени для того, чтобы увидеть эту красивую реку, загадочные джунгли и места, некогда считавшиеся лучшими для охоты на белого тигра. На террасе нас встретили люди в яркой военной форме, ведь махараджа имел свою армию.

Выяснилось, что в здании дворца открыт небольшой музей. Покупая билеты, мы гадали, что тут интересного можно увидеть после посещения прекрасных дворцов Джайпура, Рамнагара и Майсура? Охранник улыбался. Он оставил свою винтовку у входа и повел нас сначала по открытой лестнице, а затем по сумрачному коридору с высоким потолком. Когда мы вошли в огромный зал для публичных церемоний, неожиданно зажглись большие хру-

стальные люстры, и тут мы попятнулись назад — пол был выстлан шкурами белых тигров. На покрытые лепкой с позолотой стены ложились радужные блики от сверкающих, без признаков пыли, хрустальных люстр.

В центре зала, глядя прямо на нас, злобно скалилось великолепно выделанное чучело огромного белого тигра — любимца старого махараджи. Тигр выглядел настолько естественно, что к нему было страшно приблизиться. Стены увешаны огнестрельным и холодным оружием. Запомнились раджпутские *катары* — короткие кинжалы с двойной поперечной рукояткой и защитными металлическими накладками. Катар привязывали к руке воина ремнем, и он расставался с ним лишь после битвы. Они бывают разные — с одинарным, двойным или тройным лезвием. Средневековые оружейники делали удивительные, изощренные орудия убийства. Двойное и тройное лезвие катара раздвигается в момент нанесения удара. Вот кинжал, в рукоятке которого спрятан пистолет, а в этом маленьком пистолете под двойным стволом скрыто выбрасывающееся лезвие. Катары и пистолеты в течение многих веков считались не только боевым оружием, они были нужны при сведении счетов в дворцовых интригах. А сколько умения и мастерства потребовалось от создателей, украсивших стены дворца круглыми, обтянутыми буйволиной кожей раджпутскими щитами, боевыми топориками-фарса, шлемами, расшитыми золотом и драгоценными камнями кольчугами!

В зале на стене большой портрет последнего махараджи — полного, цветущего мужчины с густыми, закрученными вверх усами, в раджпутском оранжевом тюрбане и халате. Он изображен во время приема — *дарбара*. На коленях у него покоится сабля в золотых ножнах, с рукояткой, украшенной изумрудами. Не очень стройную талию стягивает широкий серебряный пояс. Рукава и плечи халата расшиты серебром. На шее у махараджи колье из крупных жемчужин в четыре ряда. Грудь украшают четыре ожерелья такого же крупного розового жемчуга, а также пышная гирлянда желтых цветов. Тюрбан сколот брошью — кораллы в серебряной оправе и семь огромных жемчужин. Парадный костюм правителя был тщательно выписан неизвестным художником. Каждая складка одежды и драгоценности подчеркивают величие махараджи, его божественное происхождение. В нагромождении деталей костюма не сразу обращаешь внимание на лицо, которое поражает сочетанием совершенно несовместимых качеств — надменности и доброты.

Когда мы стояли возле портрета, к нам подошел пожилой человек, одетый в белые брюки и длинный пиджак шервани. Он представился финансовым советником экс-махараджи:

— Его Высочество махараджа Ревы воевал под командованием лорда Маунтбеттена в Бирме против японцев и награжден крестом «За боевые заслуги», — сказал он.

Предупредительные манеры, вежливая улыбка и хороший английский язык свидетельствовали о прекрасном воспитании, высокой культуре носителя важного титула. Советник махараджи — должность наследственная. Он пригласил нас подойти к дальней стене зала, которая была отгорожена стеклом. Охранник включил свет, и за стеклом мы увидели полный комплект для парадного выезда правителя на слоне: массивный серебряный хоуда, расшитая серебром гигантская попона, щит, огромные, выше человеческого роста, серебряные подвески, которые крепили к голове слона. Слоновья сбруя тоже была обильно украшена серебряными пластинами и заклепками. Хоуда покрывали чеканные орнаменты. В свете электрических ламп начищенное серебро сияло. Финансовый советник был доволен произведенным эффектом. Он принялся объяснять, что серебряный комплект с хоудом надевали на слона лишь во время торжественных выездов старого махараджи. Каждый индуистский бог путешествует на каком-то конкретном животном. Так Шива ездит на быке Нанди, Сарасвати — на лебедь, Ганеш — верхом на мышке. Махараджа, согласно традиции, должен передвигаться на слоне. Слоны — это опора вселенной, они поддерживают небо и облака. Положение махараджи определялось количеством, возрастом и размером слонов, находившихся при его дворце.

— Еще более пышные выезды, чем в нашем княжестве, устраивались махараджей Бароды, — объяснял нам советник. — Он разъезжал на богато украшенном слоне. Это был столетний монстр, огромные бивни которого повергли в битвах более двадцати соперников. Хоуда, в котором сидел князь, сбруя и огромное покрывало — шабрак, брошенное на спину животного, были сделаны из чистого золота. Вместо подвесок с каждого уха слона свисали по десять золотых цепей, каждая из них символизировала одну из его побед.

В княжестве Барода торжества в честь дня рождения правителя обязательно сопровождалась поединком слонов. Очевидцы рассказывали, что кровь стыла в жилах, когда двух огромных слонов, доведенных до бешенства уколами

копий, выпускали друг против друга. Сотрясая небо разъяренным ревом и поднимая клубы пыли, огромные животные сражались до тех пор, пока один из них погибал.

Иногда слонов использовали и для более прозаических целей. В конце прошлого века махараджа Гвалиора решил украсить свой дворец такой люстрой, которая превосходила бы по размерам самую большую люстру Букингемского дворца. Люстра уже была заказана в Вене, когда один из придворных высказал опасение, что потолок может не выдержать веса хрустального гиганта. Махараджа разрешил сомнения весьма оригинальным способом — он приказал подвесить огромного слона к потолку дворца с помощью специально сооруженного крана. Здание выдержало испытание, и вскоре новая люстра украсила дворец, а честолюбие правителя было удовлетворено.

Очевидно, наш приезд внес какое-то разнообразие в обыденную жизнь обитателей дворца, и финансовый советник не спешил с нами прощаться.

— В Говиндгархе прекрасная коллекция оружия и драгоценностей, однако гости крайне редко посещают нас, — сетовал он.

В застекленных витринах, по его словам, хранилась лишь незначительная часть сокровищ махараджи, а лучшие драгоценные камни не были выставлены. Тем не менее обилие украшений лишало нас возможности по достоинству оценить каждый экспонат. Сверкали прекрасно обработанные драгоценные камни в перстнях, колье, брошах, подвесках, браслетах, женских серьгах, заколках, пряжках и поясах. Но самое большое впечатление производили не столько украшения, сколько обыкновенные бытовые предметы, безделицы, которыми пользовался махараджа. Здесь были тарелки и вазы, выточенные из цельного полудрагоценного камня. Такая ваза похожа на половинку скорлупы страусиного яйца. Прозрачные тонкие шедевры из нефрита, опала, аметиста, оникса поражали изысканностью. Пожалуй, нигде, кроме дворца турецкого султана Топ Копы в Стамбуле, мы не видели подобных vaz.

Удивительная массивная металлическая чаша с толстыми стенками стояла на полу. Она имела самое прямое отношение к сокровищам. Оказывается, это был сейф-ловушка, в котором когда-то хранились драгоценности. Финансовый советник достал из кармана ключ, завел пружину скрытого устройства и вставил внутрь руку. Раздался щелчок, выскочили две кривые острые металлические пластины и цепко обхватили руку. Когда срабатывала пружина,

вор не мог освободить руку без ключа, а тяжесть чаши не позволяла унести ее с собой. Таким образом, посягнувшего на сокровища махараджи заставляли прямо на месте преступления.

Махараджей, князей, навабов и ран объединяли страстные увлечения, которым они предавались с необычайным рвением: охота, автомобили, спорт, строительство дворцов и гаремов. Многие были одержимы любовью к драгоценным камням.

Та же страсть владела и махараджей Бароды. Его парадные одежды были сотканы из золотых нитей, которые плели только члены одной семьи в княжестве. Эти люди отращивали длинные ногти, которые затем подрезали и подпиливали, словно зубья гребня, чтобы ими можно было расчесывать золотые нити. Коллекция бриллиантов махараджи Бароды включала Звезду Юга — седьмой по величине камень в мире. Особенно этот правитель гордился коллекцией гобеленов, фон которых расшивали жемчугом, а сюжеты создавали из рубинов, изумрудов и сапфиров. У кого-то из князей имелся самый большой в мире топаз.

Много легенд связано с сокровищами махараджей Джайпура. Местные жители утверждают, что несметные сокровища и сейчас хранятся в пещере форта Джайгарх недалеко от Амбера. Вход в пещеру охраняет воинственное племя мина. Согласно одной легенде, махараджа мог посетить эту пещеру раз в жизни, чтобы выбрать драгоценные камни, которые украшали его правление. Согласно другой, семейный астролог, наследующий тайну подземелья от своего отца-астролога, проводит правителя к сокровищам каждый год в день рождения махараджи. Из этой пещеры появились такие удивительные украшения, как ожерелье, состоящее из нескольких рядов рубинов, где каждый камень величиной с голубиное яйцо, и трех изумрудов, самый крупный из которых весит девяносто каратов.

В городском дворце Джайпура, при входе в зал для публичных церемоний, стоят самые большие в мире серебряные изделия — кувшины. Их изготовили по приказу одного из махараджей для поездки в Великобританию. По предписанию брахманов, чтобы избежать осквернения во время длительного путешествия, махараджа должен был употреблять лишь воду из священного Ганга в течение всего пребывания за пределами Индостана. Высота кувшина — 160 сантиметров, а вес — 308 килограммов. Пятьдесят семь тысяч серебряных монет ушло на изготовление сосудов. После поездки в Великобританию о кувшинах

забыли, и они много лет пылились в помещении, где складывали ненужные вещи, и лишь в 1962 году их обнаружил работник музея дворца. Сейчас они заняли достойное место, а гиды, показывая серебряных исполинов, будоражат воображение туристов, рассказывая очередную легенду о том, как в свое время экс-махараджа объявил:

— Всякий, кто сможет поднять кувшин и унести без посторонней помощи, станет его владельцем.

Во внутреннем дворе Говиндгарха мы увидели два гигантских диковинных экипажа высотой с двухэтажный дом. Когда-то в них впрягали слонов. Диаметр колеса слоновой повозки более двух метров, деревянный балдахин над сиденьями завершается башенками. Время, солнце и дожди не смогли стереть яркие росписи и инкрустации. В этих экипажах махараджа и махарани путешествовали из городского в загородный дворец. Финансовый советник посетовал, что в настоящее время экипажи нельзя даже продать — большой дворцовый мост давно не ремонтировался и обветшал.

Ворота внутреннего двора были приоткрыты. Когда мы подошли к ним, то увидели еще один атрибут тех героических и грозных времен — прочные деревянные ворота с внешней стороны покрывали острые выступающие на сорок сантиметров шипы, служившие некогда защитой при атаке боевых слонов. За такими воротами махараджа чувствовал себя в полной безопасности, тем более что подвесной мост, переброшенный через глубокий ров с водой, поднимали. Глядя на величественные экипажи, ворота с шипами, размеры дворцовых залов, огромные портреты, гигантские люстры и украшения, нам показалось, что в этом дворце жили великаны, и лишь голос финансового советника вернул нас к действительности.

— Это зенана, — пояснил он, указывая на другую половину дворца, где узкие окна были закрыты солнцезащитными жалюзи и густыми резными решетками. — Для женщин здесь создавали особую атмосферу покоя, комфорта, безопасности и уединения. Гаремы были большие, порой в них обитало до 350 женщин. Тут жили не только жены и наложницы махараджи, но и пожилые женщины, отвергнутые или доставшиеся по наследству жены и наложницы отца, незамужние сестры, многочисленные племянницы и другие родственницы. В гареме воспитывали детей. Довольно сложно было содержать гарем, обеспечивать продуктами, одеждой, всем необходимым, поддерживать дисциплину, порядок и выполнять прихоти женщин. Прихо-

дилось следить еще и за тем, чтобы подарки махараджи попадали в руки именно той женщины, которой они предназначались. Содержание каждой обитательницы гарема определялось самим правителем. Размер его зависел от того, какое место занимала та или иная из них в сердце махараджи. Но времена больших гаремов прошли.

Через огромные ворота мы снова вышли к реке:

— Раньше этим выходом пользовались лишь жены махараджи. Это ворота Сати,— сказал советник.

Он поспешил пояснить, что название следует понимать символически. Когда строился дворец, обряд сати был давно запрещен англичанами. Но, создавая Говиндгарх, строители соблюдали древние традиции устройства княжеских дворцов, где должны быть ворота Сати и стена, на которой женщины, идущие на обряд сати, оставляли отпечаток своей ладони. До введения запрета, когда умирал правитель, его жены и наложницы обычно поднимались на погребальный костер со словами: «Без нашего господина даже жизнь будет смертью...»

История Ревы не знает случаев массового самоожжения женщин. Но во многих княжествах Раджпутаны на погребальный костер шли одна или две жены и несколько любимых наложниц. Жен облачали в свадебный наряд желтого, золотистого или красного цвета. При выполнении этого обряда они не закрывали, как обычно, голову и лицо свободным концом сари, а перебрасывали его через плечо, чтобы все подданные могли их видеть. Сати считались святыми женщинами. Бросаясь в огонь, они не только демонстрировали верность своему супругу. При этом их пепел смешивали с прахом правителя, предки которого произошли от Луны или Солнца, или Священного огня. Говорили, что в старину вдовам давали наркотики, чтобы они не уклонялись от выполнения своего долга и не пытались избежать своей участи. Наркотики вызывали отупение чувств, но при этом сохранялась способность двигаться без посторонней помощи. Сати должна была сама взойти на костер — таков был обычай. Девочек выдавали замуж рано. Случалось, что ко времени кончины супруга им исполнялось лет двенадцать-четырнадцать. Когда сати появлялась в воротах, толпа встречала ее одобрительными криками.

Женщины двигались медленно. Впереди процессии под звуки морских раковин торжественно несли носилки с покойным махараджей. Толпа осыпала носилки гирляндами цветов. Оказывая знаки почтения вдовам, женщины,

стоявшие на пути процессии, старались дотронуться до подола сари сати, когда те проходили мимо, или целовали землю, по которой ступали их ноги.

Процессию возглавляли брахманы, одетые в белые дхоти. Их головы были обриты по случаю смерти правителя, а обнаженную грудь украшали священные шнурки-ожерелья из семян тулси, на лбу белой краской нанесены широкие полосы — символ Шивы. Перед тем как взойти на костер, сати всегда снимала золотые кольца, браслеты, булавки, брошки, драгоценные камни и ножные браслеты (все, что было частью ее приданого), чтобы не уносить их в пламя. Затем она мыла руки в воде из священного Ганга и трижды обходила вокруг погребального костра, произнося в напряженной тишине древнее заклинание, которое сопровождает последнее путешествие мертвых: «Рам... Рам, Рам... Рам, Рам...». Наследник престола выполнял свой долг — подносил факел к погребальному костру, заранее подготовленному брахманами, и поджигал его у изголовья покойного.

Вместе с советником мы вернулись к зданию дворца. Терраса дворца выходила на берег реки с изящной беседкой. Внизу, у причала, стояла лодка.

— Вечерами тут любил отдыхать махараджа, — вздохнул финансовый советник. — Остались лишь воспоминания, да эти пушки.

Он указал на орудия, которые мы сначала приняли за музейные экспонаты. Советник все еще жил воспоминаниями о былых временах, когда сам был молод, полон сил, занимал важный пост при дворе богатого и могущественного правителя. Он помнил звуки салютующих пушек. Салют, действительно, был важной частью дворцового этикета. Ведь по количеству залпов в честь гостя можно было определить место правителя на лестнице княжеской иерархии. Количество залпов строго устанавливалось. Только вице-король мог увеличить их число в награду правителю за выдающиеся заслуги перед короной или уменьшить в качестве наказания. Размер княжества и количество населения были вовсе не определяющими факторами. Преданность и верность верховной власти, пролитая кровь и средства, потраченные на ее защиту, имели намного большее значение. Лишь пять правителей — Хайдарабада, Гвалиора, Кашмира, Майсура и Бароды — обладали правом на высшую почесть — салют в 21 залп. За ними следовали государства, в честь правителей которых давали 19, 17, 15, 13, 11 и 9 залпов. А для 425 так называемых «забытых»

правителей маленьких, незначительных княжеств салют вообще не производился.

Те правители, которым салют «полагался», довольно болезненно воспринимали любые посягательства на свои права. Так, махараджа Бароды, оскорбленный тем, что англичане назначили резиденту в его княжестве, малоизвестному полковнику, такой же салют, как и ему (в 21 залп), распорядился отлить две пушки из чистого золота, чтобы его салют звучал более престижно. Обиженный резидент отправил в Лондон донесение, в котором обвинял махараджу в том, что тот использует средневековые методы правления и держит в гареме рабынь. Разгневанный махараджа позвал лучших астрологов и садху, чтобы они предложили способ, как избавиться от резидента, и те определили по расположению звезд благоприятный момент для выполнения опасного замысла. Они рекомендовали отравить полковника алмазной пылью.

Махараджа выбрал бриллиант, размером с желудь, который «соответствовал» статусу резидента и званию полковника. Астрологи истерли камень в порошок и однажды за ужином подсыпали свое зелье в пищу англичанину. Прежде чем порошок успел произвести желаемый эффект, острая боль в желудке привела полковника в госпиталь, где ему была оказана медицинская помощь. Попытка преднамеренного убийства представителя верховной власти превратилась в дело государственной важности. На судей не произвели должного впечатления ни заверения брахманов в том, что они выполнили все обряды, необходимые для перерождения души полковника, ни уверения придворного ювелира, что бриллиант, съеденный резидентом, точно соответствовал званию английского полковника. Махараджа был лишен престола и отправлен в изгнание.

Рассказывая эту историю, финансовый советник посетовал:

— К сожалению, славные времена прошли, дворец приходит в упадок, навсегда умолкли пушки, нет парадных выездов на слонах, бездействуют и разрушаются экипажи, старый махараджа скончался, а молодой уехал за границу.

Экс-правитель сохранил свой титул. В наши дни его земли не облагаются налогом, он не может быть арестован или привлечен к суду, имеет право поднимать свой флаг над резиденцией, на его автомобиле с флажком установлены особые номера, и во дворце есть вооруженная охрана. Он может охотиться и ловить рыбу, где захочет, без лицензии. День рождения правителя бывшие подданные

отмечают как национальный праздник. После присоединения княжества к Индийскому Союзу Рева лишилась былого величия, городской дворец опустел, стало сложно содержать питомник белых тигров. Экс-махараджа подумывает, не продать ли городской дворец. Сожалеет он и о том, что в комнатах дворца слишком высоки потолки, чтобы перестроить дворец под гостиницу. Возможно, центральное правительство заинтересуется, купит дворец и сумеет использовать его.

— А где же питомник тигров? — поинтересовались мы. — Мы много о нем читали и слышали. Нам так хотелось бы его увидеть.

— Питомник находится в предгорьях Виндхья, довольно далеко от Говиндгарха. Там есть и охотничий домик махараджи, в котором сейчас живут шикари. Белые тигры — опасные животные, и их нельзя держать близко от города или селения. В джунглях, в специальных вольерах, они чувствуют себя лучше, чем в «каменных мешках» при дворце. Охотничьи угодья махараджи теперь объявлены заповедником департамента по туризму. А наш питомник был и остается единственным местом в Индии, где разводят и содержат белых тигров. Если вы видели белого тигра в зоопарке, значит, он из Ревы.

Мы не скрывали своего разочарования. Следуя за советником по переходам дворца и вслушиваясь в эхо шагов по пустынным коридорам, мы надеялись услышать приглушенное кашляющее рычание белого хищника и ждали, что наконец-то наш добровольный гид скажет:

— А это вход в питомник тигров...

По пути к машине мы прошли мимо храма Шивы. У лингама из черного камня, расписанного красной и белой красками и украшенного цветами, молившиеся женщины монотонно читали мантру: *«Ом джай джагдиш харе, Ом шанги, шанги, шанги»*.

Оглянувшись назад, мы увидели две одинокие фигуры в павильоне у реки — там стояли финансовый советник и охранник со старинным «Энфилдом». Советник поднял руку в прощальном приветствии. Он что-то говорил внимательно слушающему его охраннику.

Через несколько месяцев нам в руки попало великолепно оформленное издание о заповедниках Индии. В нем сообщалось, что во дворце махараджи Ревы есть питомник, в котором содержатся семь белых тигров...

Мы любили вспоминать Говиндгарх всякий раз, когда гуляли в Бокаро вдоль Буйволиного озера и раз-

валин старого дворца. Обычно Чиббар встречал нас традиционным вопросом:

— Опять шли пешком?

Сначала мы пытались объяснить ему, что воскресная прогулка в нежаркий день — большое удовольствие, но Чиббар, привыкший к комфорту автомобиля, никак не мог нас понять. В Индии принято, что человек, имеющий в своем распоряжении машину, должен ездить, а не ходить. Поэтому мы стали выбирать для прогулок самые безлюдные места в районе озера.

После свадьбы сына Чиббара молодоженов мы не видели — вскоре они уехали из Бокаро. Однажды, узнав, что мы собираемся в Джамшедпур, Чиббар попросил взять с собой супругу и дочь — они давно собирались навестить молодых. Сам Чиббар был постоянно занят и не мог сопровождать их. Он обрадовался, что может отправить их к сыну в обществе близких друзей. Ранним утром мы выехали на двух автомобилях. Часть пути проходила через Западную Бенгалию. За окнами мелькали рисовые чеки, огороды, манговые рощи, маленькие и большие селения. При подъезде к Джамшедпуру равнина отступила, дорога пошла по холмам, поросшим лесами, и скалистым горам. Порой они буквально нависали над ней.

ДЖАМШЕДПУР

Этот город — своеобразный мемориал человеку, тому, кто открыл новую эру в истории Индии, эру индустриализации. В начале XX века, преодолев сопротивление колониальной администрации, парс Джамшетджи Тата основал металлургический завод. Деревушка Сакчи выросла в Джамшедпур — крупный город металлургов, а железнодорожная станция стала называться «Татанагар». Новые названия навсегда увековечили имя крупнейшего промышленника страны.

Той зимой Джамшедпур приобрел славу «неблагополучного места». Волна за волной город сотрясали жестокие межобщинные столкновения. Улица Манго Лейн, густо застроенная лавками, магазинами, жилыми домами, индуистскими храмами и мечетями, соединяющая Джамшедпур с Татанагаром, стала центром стычек индусов и мусульман, которые жили рядом. Каждая община имеет свой, исторически проверенный способ, как спровоцировать ком-

муналистскую резню и беспорядки. Для этого индусы используют музыку. Суровую атмосферу службы в мечети не должны нарушать посторонние звуки. Нет более надежного и проверенного способа возбудить взрыв ненависти соседей-мусульман, чем устроить шествие с музыкальным сопровождением перед мечетью во время молитвы в пятницу.

Средством провокаций против индусов мусульманам служит культ священной коровы. Сама мысль, что человек может обожествлять такое тупое животное, как корова, вызывает у мусульман отвращение. Когда стадо жалобно мычащих животных гнали мимо храма на скотобойню до введения на территории Бихара закона, запрещающего убой коров, в беспорядках, которые неизбежно за этим следовали, гибли тысячи людей. В наши дни любая попытка мусульман посягнуть на жизнь святой коровы тоже вызывает межобщинные войны.

Причиной межобщинного конфликта той зимой послужила музыкальная процессия, проведенная индусами по маршруту, против которого возражала мусульманская община. Правые индуистские группировки настояли на том, чтобы процессия прошла мимо мечети. Зная, во что это выльется, они заранее тщательно подготовились, пригласив в город вооруженных экстремистов с Севера. Беспорядки достигли таких размеров, что для усмирения пришлось вызвать войска — полиция не в состоянии была справиться с разъяренной толпой верующих. Затем последовали взаимные обвинения лидеров обеих религиозных общин, упреки в адрес городской администрации, которая не проявила дальновидности и не изменила путь следования процессии. Тогда центральное правительство назначило комиссию по расследованию причин беспорядков.

Проезжая по Манго Лейн, мы видели сожженные дома, разбитые витрины, разграбленные магазины, оскверненные могильные камни на крошечных мусульманских кладбищах.

Чиббар-младший снимал квартиру в районе, удаленном от Манго Лейн. Но и там у перекрестков стояли темно-зеленые армейские палатки — посты по наведению порядка в городе.

Водитель долго сигналил перед закрытыми воротами аккуратного, увитого зеленью большого коттеджа. Появившийся садовник внимательно разглядывал людей, сидевших в машине. Узнав наконец миссис Чиббар, он заулыбался и бросился открывать ворота. Сын Чиббара был дома. Он работал сменным инженером на заводе крупной частной

компании «Индиан Оксиджен» и в тот день выходил во вторую смену. Он был вполне доволен работой и условиями жизни в Джемшедпуре, чего нельзя было сказать о его молодой супруге, которая скучала по родителям и шумной бомбейской жизни. Она никак не могла привыкнуть к незнакомому городу и отсутствию развлечений. Больше всего ее угнетала сменная работа мужа — она боялась оставаться дома одна, ведь обстановка в городе неспокойная. Супруг отшучивался: скоро он станет большим начальником и его переведут на работу в Калькутту, в центральное отделение компании, а пока ей не придется скучать, так как в гости приехали свекровь и сестра.

Центр города резко отличался от Манго Лейн: широкие, хорошо спланированные улицы, современные дома, чистота, тишина, сдержанная деловитость. В Джемшедпуре все связано с заводом, который принадлежит семейству Таты. Многочисленные промышленные предприятия работают на завод. Ряд крупных компаний имеют в Джемшедпуре представительства и филиалы. Проблема занятости населения в значительной степени решена, и долгое время Джемшедпур считался образцовым индустриальным городом нового типа. Администрация гордилась тем, что на заводе за всю историю его существования не было ни одной забастовки. Однако в конце 70-х годов город сотрясли и забастовки, и межобщинные столкновения. О том, что заводу принадлежит практически все в этом городе, напоминают постоянно встречающиеся надписи — TISCO — сокращенное название завода. Семейство Таты кроме металлургических владеет также автомобильными и машиностроительными предприятиями, которые производят грузовики, автобусы, электровозы и железнодорожные вагоны. Фабрики Таты выпускают лучшие ткани, пищевые продукты и парфюмерные изделия, а транспортные агентства Таты перевозят грузы и пассажиров.

TISCO имеет свой сложившийся имидж, представительский образ, составными которого считаются производственная дисциплина и дружеские, уважительные отношения между работниками. Мы обратили внимание на дисциплину еще в гест-хаузе компании. Небольшая, уютная, утопающая в цветах гостиница принадлежала заводу. Попасть в нее можно лишь с разрешения администрации компании. По комфорту номера не уступают лучшим гостиницам страны, а обслуживающий персонал по исполнительности и квалификации может служить образцом совершенства. Бесшумно скользят по залу ресторана официанты в белоснежной фор-

ме с неизменной эмблемой TISCO на нагрудном кармане. Услужливые коридорные готовы днем и ночью выполнять любые пожелания гостя. Правда, один из представителей администрации во время беседы признался, что дисциплина в значительной степени держится на страхе потерять работу. Долгое время на заводе не было профсоюза, некому было защитить права рабочих. После увольнения с завода практически невозможно найти работу в городе, и потерявшие работу вынуждены уезжать в другие места.

В центре Джамшедпура, на пологом склоне горы, раскинулся большой парк, тоже принадлежащий TISCO. На фоне синих гор каскады фонтанов, бассейны с лотосами, прекрасный розарий, ухоженные газоны. Белые лодочки, скользящие по спокойному озеру, напоминали персидские сады, которые Моголы устраивали в предгорьях Гималаев. В самой высокой точке парка установлен памятник Джамшетджи Тате.

Возле кустов роз мы увидели старого садовника в белой мусульманской шапочке. Взглянув на нас, он сложил руки у груди и четко произнес:

— Намасте, сахиб!

От привычки старого садовника видеть в каждом европейце господина веяло колониальными временами. «Сахиб» означает «господин», а индийцев, которые умели писать по-английски, называли при англичанах «бабу». Теперь «бабу» стало формой обращения индийцев друг к другу.

В конторах представительств царила деловая атмосфера. Сотрудники этих офисов относятся к административно-технической элите, поэтому они живут в прекрасных особняках, ездят на японских «тойотах» и «датсунах». На работе они появляются в элегантных европейских костюмах, а не в национальных одеждах. Толстые затемненные стекла защищают их кабинеты от солнечных лучей. Мощные кондиционеры подают во все помещения прохладный ароматизированный воздух. Представители различных фирм, связанных с металлургией, солидно и неторопливо ведут деловые беседы. Производственные вопросы решаются здесь быстро. Лишь иногда при встрече хорошо знакомых людей разговор принимает неформальный характер — вспоминают общих знакомых, которые пошли на повышение и перебрались в главные офисы Бомбея и Дели, говорят о планах и перспективах на будущее. Кстати, именно тут, в деловых кулуарах Джамшедпура, Чиббар решил вопрос о переводе сына в калькуттское отделение «Индиан Оксиджен».

Знакомства и связи всегда и везде полезны, но особенно это чувствовалось в Индии, когда зачастую случайное знакомство на каком-нибудь совещании, приеме или в гостях совершенно меняло к нам отношение и даже помогало при решении сложных дел — проблемы разрешались в считанные минуты. То же самое произошло с нами и в Аллахабаде, городе, где нет представительства корпорации, так как там не найти не только металлургического завода, но и каких-либо предприятий тяжелой промышленности.

Аллахабад — древняя индусская Праяга — веками влечет к себе паломников. И хотя таинственный Сангам будоражит воображение многих туристов, попасть туда почти невозможно. Мы столкнулись с нежеланием снабдить нас туристической информацией, проспектами или помочь забронировать гостиницу. Сотрудник турбюро в гостинице «Ашока», где мы жили в Варанаси, всегда приветливый и любезный молодой человек, который помог заказать гида на раннее утро при поездке на гхаты у берега Ганга и охотно снабжал нас буклетами по разным городам, часами готовый болтать на любые темы, при расспросах об Аллахабаде изменился в лице и сдержанно ответил, что смотреть там нечего, а буклетов у него нет.

— А Сангам? — поинтересовались мы.

— Ничего интересного, — отрезал он.

Так же, без энтузиазма, отнеслись к нашим расспросам и служащие других туристических фирм. Нам удалось лишь выяснить адрес бюро в Аллахабаде.

Когда мы свернули с дороги Нагпур — Варанаси, мы оказались на участке, где шел ремонт. Машину затрясло, и кабину заполнили клубы красной пыли. Мы подумали, что, может быть, сотрудник турбюро был прав и ехать сюда не следовало. Наконец машина выбралась на огромный двухъярусный мост, соединяющий берега Ганга. По нижнему ярусу двигались машины, а по верхнему громыхал, подавая сигналы, длинный товарный поезд. Видимо, мост — наследство от британского владычества. Его строили, как и большинство других мостов, с большими трудностями, так как в некоторых местах опоры приходилось вгонять метров на тридцать в дно реки, а здесь, принимая во внимание капризный характер Ганга, наверное, еще глубже. Весь переезд через мост машина тянулась за военным грузовиком. В кузове сидели солдаты, одетые в обычную темно-зеленую форму, но на голове у них были затейливые цветные

тюрбаны. Они с любопытством разглядывали нас. Как потом выяснилось, военных тут много, а европейцев, в отличие от Баранаси, можно встретить довольно редко.

Вдали, на изгибе реки, виднелся массивный форт, построенный во времена Акбара. Дорога к центру проходила через старую часть города, Чоук, где узкие улочки были заполнены людьми, а в воздухе висел густой аромат от уличных жаровен. Сигналы автомашин тонули в разногласных призывах торговцев овощами и фруктами. Стены старинных домов были покрыты плесенью, даже жаркое солнце не могло с ней справиться в узких лабиринтах улиц.

При въезде в город наши злоключения не кончились — по указанному адресу в огромном комплексе зданий размещалось много различных учреждений правительства штата, но туристического бюро не было. После долгих поисков мы все же вынуждены были вернуться обратно, так как в том районе располагались если не все, то, во всяком случае, большинство учреждений города. Мы долго бродили по длинным коридорам, переходя от одного просторного помещения к другому. Чиновники задавали один и тот же вопрос о том, кто мы, но никто толком не знал, где находится туристическое бюро. Неожиданно нам повезло — в офис вошел какой-то важный начальник. Узнав, что мы ищем, он пригласил нас в свой кабинет, вызвал посыльного, заказал чай и стал по телефону выяснять местонахождение необходимого нам бюро. Действительно, до недавнего времени оно размещалось здесь, но затем переехало в другое здание, и его адрес еще мало кто знает, так что неудивительно, что нам пришлось поездить. Он вышел вместе с нами на улицу и подробно объяснил водителю, куда ехать.

Туристическое бюро располагалось в небольшом домике, в тени густых деревьев, на расстоянии квартала от полицейского управления города. В здании еще шел ремонт. Порывшись в ящиках стола, клерк вынул тоненький невзрачный буклет, отпечатанный на простой бумаге, без привычных рекламных фотографий и с извинением вручил его нам — это все, чем он располагал. Так же как и его коллеги, он считал, что смотреть в городе особенно нечего, но заверил, что мы легко сможем попасть в форт, с террас которого открывается великолепный вид на Сангам.

Новая часть города в какой-то мере была похожа на европейские города — здание верховного суда и церковь построены в английском стиле, улицы широкие и прямые с рядами густых деревьев. Прохожие были в строгих

деловых костюмах и галстуках. В тени деревьев поблескивали витрины больших магазинов, где продавались дорогие ковры и сари, изделия из дерева и слоновой кости. Позолотой выделялись названия ювелирных магазинов. Здесь же, на Сивил Лайнз, разместились кондиционированные дорогие рестораны с китайской и европейской кухней. Мы обратили внимание на то, что в этой части города мы не встретили ни одного нищего или бродягу, ни одной коровы, не видели и привычных торговых палаток.

По пути к форту все чаще попадались темно-зеленые армейские грузовики. Создавалось впечатление, что дорога ведет к военному центру, а не к месту паломничества. А когда машина выкатила на поле, отделяющее форт от города, это предчувствие полностью подтвердилось. Теперь мы мчались вдоль военных палаточных городков. Солдаты выскакивали из палаток и с удивлением провожали взглядом наш «амбассадор», который держал путь туда, куда указывала стрелка периодически попадавшегося указателя «Для посетителей». Мы еще раз развернули проспект, полученный в туристическом бюро, чтобы убедиться, что не нарушаем правил, въехав на территорию, занятую войсками. Из него следовало, что форт открыт для туристов именно в этот день недели. Машина въехала в ворота форта. На круглой клумбе перед приземистым помещением белыми камешками было выложено «штаб».

Миновав изумленного часового, мы вошли в дверь с табличкой, на которой было написано «Дежурный офицер». За столом сидел майор в безупречно выглаженной форме. Он зачем-то потрогал телефон, перевернул лежавшие перед ним бумаги текстом вниз и в недоумении уставился на нас. Мы показали ему проспект и объяснили, что хотели бы попасть в форт на экскурсию. Майор встал, задернул шторкой карту-схему форта с расположением частей и начал терпеливо втолковывать нам, неразумным и наивным штатским, что форт — заведение военное и тут расположены воинские части. Поглаживая кончики усов, он внушал, что он не имеет права давать разрешение на посещение форта, для этого нужно получить указание из министерства обороны. На запрос в Дели и ответ уйдет несколько дней, так что нам нет смысла терять время на ожидание. Извиняясь, он объяснял, что в проспекте допущена ошибка и он не несет за нее ответственность, так как вход в форт туристам запрещен. Пытаясь утешить нас, майор сказал, что в форте нет ничего интересного — храм Папал Пури, который описывался в проспекте, существует символически, от него

осталась лишь большая смоковница. Раз в год они действительно пускают к храму группу паломников-индусов, для них не требуется специального разрешения, но ведь советские люди не индусы и не паломники, так что и говорить не о чем. Он посоветовал проехать к Сангаму через расположение воинских частей вдоль наружной стены крепости, но туда лучше отправиться рано утром, а не во второй половине дня. Майор еще раз извинился, что не имеет права пропустить нас в форт, и проводил до машины.

Расстроенные и обескураженные, мы вернулись на Сивил Лайнз. Хотя мы провели в городе полдня, дальше знакомства с несколькими чиновниками и армейским майором дело как-то не пошло. Во время обеда, когда мы в который раз рассматривали бездарно составленный проспект, расхваливавший загородные полуразрушенные гробницы и сады времен могольских правителей, официант сообщил, что нас спрашивает какой-то джентльмен. Спускаясь в вестибюль, мы не знали, что нашим злоключениям в незнакомом городе приходит конец. Внизу стоял водитель с представительным мужчиной в темном официальном костюме, белой рубашке и темном галстуке. В полумраке мы не сразу узнали адвоката Бхаттачария. Он когда-то работал в отделе контрактов, а затем уволился и теперь изредка навещался в Бокаро. Бхаттачария раньше говорил нам, откуда он родом, но в нашем сознании отложилось лишь то, что этот город расположен на берегу Ганга.

Вернувшись к столику, мы поведали адвокату о постигших нас неудачах. Бхаттачария очень обрадовался, что наконец-то может быть нам полезен. Этот человек, как и любой индус, был уверен, что, помогая другим, совершает добрый поступок и таким образом заботится о своей карме. Он категорически отказался пообедать вместе с нами, так как уже поел дома и, не теряя времени, отправился в комнату администратора, где находился телефон. Ему надо было предупредить ожидающего его в суде клиента, что он задерживается. Затем он сделал еще несколько звонков.

— Сейчас вы отправитесь в гостиницу «Турист Лондж», — объявил он. — Там уже ждут вас. По пути в гостиницу я расскажу, где следует побывать, затем на машине осмотрите город. Тем временем я займусь клиентом, а вечером мы встретимся и обсудим планы на завтра.

В «Турист Лондж» улыбчивый портье проводил нас в чистый уютный номер, обставленный без каких-либо излишеств. Когда он закрыл за собой дверь, еще раз пожелав приятных впечатлений от пребывания в Праяге, мы вдруг

увидели за закрытой балконной дверью одиноко сидящую фигуру, завернутую в белую простыню. Мы остолбенели. Что-то зловещее усматривалось в застывших линиях тела под складками простыни. Вызванный коридорный бесстрашно направился к балконной двери. Он распахнул дверь и рукой дотронулся до фигуры. В этот момент раздался странный крик — большая обезьяна высоко подпрыгнула, а затем кинулась вниз, увлекая за собой похищенную простыню. Мы долго смеялись над собой и «загадочным привидением». Затем Бхаттачария распрощался с нами до вечера, а мы отправились в дом-музей Джавахарлала Неру.

Имя семьи Неру впервые можно встретить где-то после 1716 года, когда Радж Каул, выходец из небольшой общины кашмирских брахманов, перебрался в Дели и поступил на службу при дворе могольского императора Фаррукх Сияра. В награду за верность император подарил ему участок земли, расположенный возле канала (на урду слово канал звучит как *нахар*). Радж Каул и его потомки стали носить двойную фамилию Каул-Нахар. Со временем первую половину фамилии опустили, а вторая была переделана в Неру. Известность семье принес Мотилал Неру. Он родился в Аллахабаде в 1861 году. Это был человек блестящих способностей. Натура широкая, деятельная, Мотилал любил жить с размахом, быть в центре внимания. Его особняк на Сивил Лайнс, в районе, где находились дома европейцев и местной знати, славился как один из самых престижных в Аллахабаде. В 1900 году, когда Джавахарлалу исполнилось одиннадцать лет, Мотилал купил большой особняк на окраине города. Он был построен на том месте, где, согласно индуистским преданиям, произошла встреча Рамы с братом Бхаратой и где бывал мудрец Вальмики, автор «Рамаяны». Мотилал Неру вложил огромные средства в перестройку и благоустройство своей новой резиденции. Он назвал ее «Ананд Бхаван» («Обитель радости»). Гостеприимство Мотилала, обаяние его личности привлекали в «Ананд Бхаван» как индийцев, так и европейцев. Здесь бывали и философы, и поэты, и политические и общественные деятели. В 1919 году Мотилал Неру приступил к изданию в Аллахабаде на собственные средства газеты «Индепендент». Его сын Джавахарлал был одним из редакторов этого антиколониального издания. Настал день, когда с одобрения сына Мотилал подарил «Обитель радости» партии Индийский национальный конгресс. Особняк получил новое название — «Сварадж Бхаван» («Обитель свободы»). В дни сатьяграхи, кампании гражданского неповинове-

ния, часть дома была превращена в больницу для индийцев, пострадавших во время столкновений с полицией и войсками колонизаторов.

Через широко распахнутые металлические ворота «Ананд Бхавана» идут аллахабадцы и приезжие, крестьяне и горожане, индусы и мусульмане, чтобы собственными глазами увидеть дом, где прошли годы юности Джавахарлала Неру, выросла его дочь Индира, рождались и получали право на воплощение в жизнь самые смелые идеи борьбы за независимость.

В тени старых ветвистых деревьев, в окружении подстриженных лужаек и цветущих роз, на небольшом возвышении стоит двухэтажный дом, окруженный со всех сторон широкими верандами. Балконы, арки, ярусы колонн покрыты резьбой. Широкие террасы и балконы придают зданию легкость, создают спасительную прохладу в его внутренних помещениях даже в жаркие дни. Завершает сооружение павильон — купол на стройных колоннах, под сенью которого устроена смотровая площадка, откуда открывается живописный вид на парк с ухоженными дорожками и цветущими кустами бугенвилей. Прочитав мемориальную надпись на большом монолите при входе на территорию «Ананд Бхавана», люди торжественно направляются в дом. Их лица напряжены. Глаза скользят по картинам, по старинным индийским миниатюрам, по фарфору и мрамору, по бронзовым и серебряным статуэткам, которые напоминают о гармонии культур разных эпох и миров. Люди подолгу останавливаются перед фотографиями, горячим шепотом произносят дорогие сердцу имена: «Махатма Ганди, Джавахарлал Неру, Индира Ганди». С трепетным благоговением они разглядывают в библиотеке сборники законов и древние рукописи, старенькую прялку, напольное бюро и покрытый белой тканью настил в комнате, в которой останавливался Махатма Ганди. Взоры посетителей полны любви и почтения. Такими глазами люди смотрят лишь на самое дорогое в жизни — на детей, родителей и на божество, которому поклоняются. Но в храмах люди часто опускают головы, здесь же они высоко их поднимают. Да, индийцы любят свою историю и дорожат ею.

Из тихой, торжественной обстановки музея мы окунулись в бурлящую атмосферу университетского городка. Аллахабадский университет славится академическими традициями, прекрасной школой. Он дал Индии много блестящих политиков, известных юристов, преуспевающих бизнесменов, талантливых писателей, журналистов и филосо-

фов. Дух свободолюбия царит в студенческих аудиториях университета. Здесь чаще, чем в других университетах страны, вспыхивают студенческие волнения. Порой они достигают такого размаха, что приходится закрывать университет на несколько недель. Спустя короткое время едва налаженный учебный процесс вновь оказывается под угрозой срыва из-за очередной волны студенческого неповиновения. Студенты требуют то отмены письменных экзаменов, то отставки ректора, то увольнения неугодных преподавателей, то в ущерб занятиям слишком энергично откликаются на какую-либо политическую кампанию.

Подъезжая к старинному комплексу аллахабадского университета, мы не подозревали, что окажемся в котле бурлящих страстей. Оказывается, проходили выборы студенческого комитета. Первые этажи учебных корпусов были оклеены предвыборными плакатами и листовками, сплошь покрыты пестрыми граффити на хинди и английском. Проемы арок и окон администрация предусмотрительно закрыла металлическими сетчатыми щитами. Студенты считали, что выборы комитета самоуправления — дело первоочередной важности, во всяком случае, важнее занятий. Для них главное — политическая активность, развитие навыков ведения политической борьбы и способности сплотить вокруг себя единомышленников. С Аллахабадом связаны важные страницы истории борьбы за завоевание независимости. Дж. Неру, Лал Бахадур Шастри, Индира Ганди, лидеры и активисты движения обрели в этом городе навыки политической деятельности. Аллахабадские студенты никогда не забывают о том, что Аллахабад — политическая кузница страны и каждый из них в будущем может стать продолжателем славной традиции. Кандидаты на выборах в студенческий комитет рассматривают предвыборную кампанию как генеральную репетицию на пути к карьере в большой политике. Выступая на студенческих митингах, они как бы примериваются к креслу главного министра штата или лидера крупной политической партии. Обо всем этом мы узнали у студентов, собравшихся у входа в университет.

Тем временем продолжались выступления кандидатов. Динамик доносил их энергичные речи. В предвыборной борьбе участвовало двадцать кандидатов. И каждый из них вложил в свою кампанию по пятнадцать тысяч рупий (!), огромную сумму, совсем не соответствующую бюджету простого студента. Студенты держались по-разному. Одни охотно рассказывали нам о происходящих событиях и с удо-

вольствием позировали с плакатами перед фотоаппаратом. Другие нервничали и проявляли недовольство нашим появлением. Они расспрашивали водителя, не представляем ли мы какую-нибудь газету. Затем к нам подошел один из преподавателей и, сославшись на свой опыт, посоветовал не особенно задерживаться на территории университета, потому что митинг вот-вот закончится и затем, как обычно, произойдет стычка противоборствующих группировок, во время которой в пылу страстей студенты могут забросать камнями и нас, и нашу машину. Студенты, с которыми мы только что беседовали, утвердительно кивали головами.

Вечером Бхаттачария, как и обещал, приехал к нам в гостиницу. Мы заказали ужин в номер и сидели на балконе. Возле «Турист Лондж» кипела жизнь — из маленького ресторанчика, пристроившегося на тротуаре, рядом со въездом во двор гостиницы, доносились запахи горящего масла и карри. Мы вспоминали общих знакомых, делились нашими впечатлениями от посещения «Ананд Бхавана» и университета. Воспоминания и рассказы затянулись допоздна. Стало прохладно, стихала суета на главной улице, лишь изредка проезжало такси или тихо проскальзывала на шуршащих шинах коляска велорикши. Бхаттачария днем успел переговорить с кем-то из своих знакомых, тот позвонил своему другу, человеку влиятельному, который добился от военных властей разрешения на посещение нами форта. Но Бхаттачария считал, что не стоит тратить время на форт. Намного важнее побывать на Сангаме, где в эти дни проводился Магха Мела — древнейший религиозный фестиваль Индии. Каждые двенадцать лет он празднуется как Кумбха Мела. Бхаттачария поручил своему помощнику заняться завтра с его клиентами в суде, а сам он рано утром заедет за нами.

Время проведения Магха Мела определяют астрологи, принимая в расчет расположение солнца и луны, причем хорошим предзнаменованием считается, если праздник совпадает с солнечным затмением. Иногда за основу отсчета берется какое-нибудь легендарное событие, например битва на Курукшетре, описанная в «Махабхарате». На празднование стекаются сотни тысяч, а порой и миллионы паломников со всех концов Индии. Их объединяет желание принять участие в ритуальном омовении. Пожалуй, это самый большой религиозный фестиваль на Земле.

В его основе лежит древняя индуистская легенда. Давным-давно, когда еще не было ни небес, ни земли, существовал лишь океан, на поверхности которого плавал

Брахма в состоянии забвения. Он проснулся и, желая заявить о себе, создал космос. Второстепенные боги и демоны, не удовлетворенные тем, что совершил Брахма, с помощью горы Мандары и питона Анантты принялись вспенивать океан. Из воды вышли яды, но Шива разом поглотил их. Поэтому его часто изображают с синим лицом и коброй вокруг шеи, которая успокаивает жгучую боль от яда. Затем из океана появились корова, летающий конь, лира и сирена. За ними выплыл Дханвантари, врач — исцелитель богов. В руках он держал кувшин с амритой — нектаром бессмертия. В битве за кувшин победили демоны, но Дханвантари превратился в птицу, выхватил у демонов кувшин и понес его в рай. Он летал двенадцать дней, пролив четыре капли амриты, они упали на землю в Праяге, Хардваре, Насике и Уджайне.

С древних времен в этих городах проводится большой индуистский праздник. Каждые двенадцать лет он приобретает особый размах и фанатичность — на него стремятся попасть и паломники-миряне, и садху. Его название «Кумбха Мела», несомненно, связано с легендой о кувшине с амритой, ведь кувшин на санскрите называется «кумбха». Мела на Сангаме в древней Праяге имеет для паломников-индусов особое значение.

Ганг славится необычными свойствами своей воды. Индусы считают его воду совершенно чистой, хотя в этой реке выполняют ритуальные омовения миллионы людей, в нее опускают тела умерших, трупы животных, пепел и останки после кремации, сбрасывают канализационные и промышленные отходы. Когда в парламенте страны обсуждался вопрос о сбросах промышленных предприятий в Канпуре, Хардваре и других городах, расположенных на Ганге, которые настолько загрязнили воду, что необходимо принимать экстренные меры, депутаты из числа ортодоксальных индусов заявили: подобная постановка вопроса возмутительна и недопустима, ведь о водах Ганга нельзя говорить, что они нечисты. Индусы верят, что бактерии быстро погибают в этой воде, а кости растворяются в считанные дни. Например, в городке Сорон на правом берегу Ганга есть водоем, который питает небольшая речушка, протекающая по старому руслу Ганга. В этом водоеме кости растворяются за трое суток, иначе он давно был бы заполнен до краев останками умерших. Из-за особых очистительных свойств моряки и путешественники предпочитали брать с собой в дальние странствия запасы питьевой воды из Ганга. В наши дни, как и много веков назад, индусы пьют ее и

готовят на ней пищу, а также совершают омовения и стирают в ней одежду.

Ганг занимает особое место в индуизме. Эта река настолько обожествлена и священна, что каждый человек, хотя бы раз в жизни совершивший ритуальное омовение в одном из святых мест на ее берегах, в Аллахабаде, Варанаси или Хардваре, особенно если оно совершено во время Мелы, обретает больше надежд на спасение, чем люди, проводящие всю жизнь, от рождения до смерти, в молитвах и медитации. Исключительную важность совершения омовения в святых местах каноны индуизма объясняют тем, что этот ритуал помогает человеку «пересечь океан жизни» и сбросить оковы земного существования.

Риши, ведийские мудрецы, верили, что слияние любых двух рек является священным местом. Много рек несут свои воды в Ганг, и устье каждой из них отмечено святым местом омовения. Об Аллахабаде индусы говорят, что здесь находится «истинная Праяга», потому что не две, а три священные реки смешивают свои воды: Ганг, Джамна и Сарасвати. Мифическая река Сарасвати у древних арьев обозначала южную границу «страны арьев» — Арьяварты. Теперь она считается невидимой для простых смертных. Место слияния трех рек в Праяге — наиболее подходящее для покаяния, медитации, очищения и совершения жертвоприношений.

Бхаттачария-брахман испытывал удовольствие, когда объяснял нам, как Праяга стала одним из самых святых мест для индусов. Первоначально жертвоприношение, или *яджну*, выполняли, помещая подношения богам в священный огонь под чтение мантр. Позднее утвердилось убеждение, что, чем значительнее жертва, тем больше заслуга принесшего ее. А что может быть ценнее собственной жизни? И самым достойным жертвоприношением стала смерть в Праяге. Но человек не всегда может умереть своей смертью в задуманное время и в желанном месте. Поэтому люди, которые опасались, что в момент естественной смерти будут не в Праяге, стремились избавиться от своей телесной оболочки на берегу Ганга. В древних религиозных текстах говорится: «Где две реки смешивают свои воды, люди, совершившие омовение, отправляются в рай, а отважные, лишившись тела, достигают бессмертия». Неправильное толкование этих строк служило не только оправданием, но и поощрением к самоубийству. Некоторые древние правители, мудрецы и махатмы покончили с собой в Праяге, хотя многие предпочитали благоразумно дожить до ста лет,

прежде чем следовать их примеру. Некоторые фанатичные верующие приносили себя в жертву, бросаясь вниз с Акшай Вата, древнего, неумирающего баньяна, а святые подвешивали себя на крюках к его ветвям.

В Аллахабаде явственнее, чем в других индийских городах, ощущается наложение разных культур. Чувствуется английское, мусульманское и индуистское влияние. Об англичанах в Аллахабаде напоминают государственные здания, верховный суд, университет, ипподром, прямые улицы, военные городки, в которых теперь размещаются части индийской армии. От мусульман в Аллахабаде остался форт Акбара, чьи бастионы высоко поднялись над Сангамом. О присутствии древней индуистской Праяги свидетельствуют запыленные, озаренные верой лица десятков тысяч паломников, которые прибывают по Джи-Ти-Роуд на машинах и велосипедах, повозках, запряженных волами, и двуколках, верхом на лошадях и даже на слонах и верблюдах, в поездах и автобусах. Но большинство людей устало бредут пешком с узелком на голове, в котором собраны необходимые в пути вещи. У них такой вид, будто они провели в дороге несколько лет.

Когда-то не существовало установленного особо благоприятного времени для паломничества в Праягу, но поскольку вторая половина года всегда считалась у индусов более благоприятной, чем первая, а месяц магх, когда солнце «уходит» в созвездие Водолея, особенно подходит для религиозных праздников, то эти ежегодные паломничества получили название «Магха Мела». Дату праздника определяют ученые-пандиты, астрологи и садху, шествия которых на Мелу являют собой яркое, впечатляющее зрелище. Если садху не согласны с предсказанием пандитов и не приходят на Сангам, Мела не празднуется.

Мы обратили внимание на то, что в туристическом проспекте дается лишь один телефон туристического бюро, но указаны несколько телефонов чиновников, отвечающих за проведение Мелы. Бхаттачария, как юрист, пояснил, что проведение этих праздников и вся деятельность, связанная с организацией Мелы, регулируется специальным законом, принятым в Уттар-Прадеш в 1938 году. На основании этого закона власти дистрикта создают комитет, в который входят юристы, известные жители города, представители различных религиозных общин. Совместно с комитетом власти устанавливают налог на животных и автомашины паломников, собирают плату за проведение процессий, выдают разрешение на фотосъемку, следят за размерами выделяе-

мых и арендуемых на Мелу участков, выявляют и наказывают нарушителей установленного порядка. Чем только не приходится заниматься комитету и властям во время Мелы! Они определяют маршруты для транспорта и пешеходов, прокладывают новые дороги и расширяют старые, открывают филиалы Государственного банка, магазины справедливых цен и справочные бюро, устанавливают контрольные башни, оснащенные телефонами и прожекторами, создают временные полицейские участки, пожарные команды и пункты скорой помощи. На этот период вводятся жестокие санитарные требования, и все, кто пребывает в Аллахабад и в прилегающие к нему районы, обязаны сделать прививку от холеры — несмотря на особые свойства воды Ганга, при проведении Мелы может вспыхнуть эпидемия холеры.

Мы решили побывать на Сангаме во время Мелы в сопровождении брахмана Бхаттачарии. Правда, еще было свежо чувство разочарования от того, что на Кумбха Мела в Насике начальник полиции не разрешил нам присутствовать на церемониях в день Амавасия, во время массового омовения паломников и шествия садху...

Насик, город и его окрестности, заполняли паломники, бесчисленные садху, откуда-то появились слоны и разукрашенные джипы, быстро росли палаточные городки. Мы уже присмотрели места, откуда лучше всего будет фотографировать. За несколько дней до начала празднования мы встретились с начальником полиции города и старались добиться для себя исключения, так как полиция объявила, что без специального разрешения в течение двух недель иностранцы в город допускаться не будут. Но начальник оставался непреклонен. Он мотивировал отказ тем, что не может гарантировать нам безопасность при таком скоплении людей. Конечно, начальник полиции был совершенно прав. Ведь в старой части города на узеньких улочках, ведущих к реке Годавари, приходилось буквально вжиматься в дверные проемы, когда навстречу шествовал буйвол, а что там творилось, когда прибыли три миллиона экзальтированных паломников!..

Начальник полиции знал, что может произойти, когда события выходят из-под контроля. В 1954 году, во время Пурна Кумбха Мелы, которая, по расчетам астрологов и пандитов, бывает раз в 108 лет, на Сангаме в Аллахабаде на узкой песчаной полосе собралось около пяти миллионов паломников. Процессия садху, вооруженных мечами и трезубцами, в составе которой двига-

лись слоны, машины, паланкины, столкнулась при входе на дамбу, ведущую от форта Акбара к месту омовения, с толпой прибывших на Мелу паломников, пытавшихся пробиться к воде, нарушив стройный ход процессии. За несколько минут около тысячи людей погибли в давке, утонули или были раздавлены слонами. Главный министр штата, почетные гости, полиция беспомощно наблюдали за этой сценой, не в силах что-либо предпринять. Страшно подумать, сколько погибло людей. Однако индусы по-другому относятся к трагедиям на Сангаме. Отправляясь на Кумбха Мелу, паломники говорят: «Если мы погибнем, мы достигнем спасения. Если останемся живы, вернемся домой и в любом случае будем в выигрыше. Те, кто умрет в таком святом месте и в такой благоприятный момент, будут очень счастливы. Мы желаем им удачи». Власти дистрикта и комитет Мелы старались сделать все, чтобы исключить ситуации, при которых могли бы погибнуть люди. Да и большинство индусов удовлетворяются совершением паломничества к святым местам, омовением в священных реках и раздачей пожертвований.

В то утро, когда мы приехали на Сангам, небо на востоке начало розоветь около шести часов. Зимой по утрам бывает очень холодно, но солнце быстро накаляется, становится красным, горячим и выкатывается на небосклон огромным, сверкающим шаром. Летом его восход будет предвещать начало еще одного дня беспощадной нестерпимой жары. Тому, кому не довелось пережить лето на просторах индийской равнины, хотя бы и с помощью спасительного кондиционера, никогда не понять, что это такое. Сейчас, зимой, восход солнца означал, что длинная холодная ночь миновала и настал новый великолепный день. Нет ничего прекраснее этих дней короткой индийской зимы.

Пока мы шли по широкой песчаной полосе к берегу, солнце поднималось все выше и становилось теплее. В его лучах грелись садху-шиваиты. Их тела были натерты пеплом и коровьим навозом. Они сидели на корточках возле едва тлеющих костров. Здесь же были вишнуиты-намадари, чьи намазанные глиной волосы напоминали вороньи гнезда. Эти садху бросаются в глаза при любом скоплении людей — на лбу у них три вертикальные полосы, белые по краям и ярко-красная посередине. В лучах солнца, ожидая клиентов, грелись парикмахеры-наи, весьма нужные на Меле люди, потому что они бреют головы, уши и ноздри паломникам перед тем, как те совершат ритуальное омовение. Наи

совершенно необходимы, так как считается, что тот, кто обреет голову над Сангамом, получит право на столько лет в раю, сколько его волосков упадет в реку. Бхаттачария сказал, что сбритые волосы затем вывозят на глубокое место ниже по течению и бросают в воду.

Солнце освещало ползающих по песку увечных нищих и прокаженных, собравшихся на берегу в надежде заполучить подавание от паломников, которые, как богатые, так и бедные, в равной степени считают, что раздача милостыни обеспечит им определенные заслуги в этом мире, а еще большие — в ином. При посещении святых мест принято раздавать монеты в десять пайса. Для обеспечения паломников достаточным запасом монет при больших храмах существуют специальные менялы. Очевидно, было еще слишком рано, и мы не заметили их на берегу среди огромного количества людей. А в Пури, вдоль улицы, ведущей от океана к храму Джаганнатха, сидят целые ряды менял. Перед ними на мешковине стоят столбики монет, по восемь штук в каждом. За размен менялы берут по двадцать пайса с рупии, или двадцать процентов комиссионных.

В утренних лучах грелись и довольно важные персоны, панды — подкаста довольно корыстолюбивых брахманов. Они служат как бы посредниками между паломниками и богами, составляют клиентам гороскопы, записывают их имена в свои книги в соответствии с кастой, выполняют обрядовую *гангапуджу* над головами паломников, еще мокрыми после омовения. Панды также имеют такие необходимые предметы, как масло, сандаловая паста и желтая глина, которыми они наносят паломникам отметки на лоб — *тилак*. По поверью, тилак охлаждает мозг. Считается, что подходящая глина есть лишь в Сомнатхе (штат Гуджарат). Такую славу пруд в Сомнатхе приобрел, когда в нем, согласно легенде, утопилось несколько жен Кришны после его смерти. Всего у Кришны было шестнадцать тысяч жен.

Как передать впечатление от атмосферы Мелы? Конечно, тот, кто когда-либо наблюдал этот фестиваль в Аллахабаде, никогда не забудет удивительное зрелище, когда в воду одновременно погружаются тысячи человек. Бхаттачария уверял нас, что в «особо благоприятные» дни их число достигает двух миллионов, и все это происходит на ограниченном пространстве Сангама. В зависимости от причуд Ганга размер песчаной полосы каждый год колеблется. И хотя на другой стороне реки песчаные берега намного шире, купание должно совершаться лишь возле правого берега.

От форта тянется сплошная стена из оранжевых палаток. Они вырастают здесь рядом с соломенными хижинами, хибарами, покрытыми рифленным железом, башнями из бамбука и бамбуковыми шестами, на которых развеваются флаги и символы бесчисленных сект садху. Это какое-то фантастическое зрелище, напоминающее ярмарку, средневековое поле битвы или лагерь полководца давних времен. Все покрыто толстым слоем пыли — и люди, и животные.

У палаток горят костры, возле которых сидят на корточках садху и паломники. Время от времени попадают слоны. Их спины украшают ковры и гирлянды из цветов. По пути к реке приходится пробираться сквозь нищих. Они держат в руках помятые металлические миски, куда паломники бросают монетку или горсточку риса. Нам встретились садху, одетые в дорогие одежды и совершенно голые, садху в дхоти и с гирляндами оранжевых цветов на шее. Мы видели, как один из них, чье тело было покрыто пеплом, бросал в священный огонь масло гхи и благовония. При этом он бормотал:

— Хари Рам, Хари Кришна, Хари Ом!

Другие садху звонили в колокольчики, пели или обращались к толпе, прибегая к помощи громкоговорителя, прыгали или, зацепившись за ветку дерева ногами, висели головой вниз. Был и такой, который возлежал на ложе, утыканном колючками кактуса. Повстречался и садху, закопанный по пояс в песок, видели и стоящего на одной ноге. Затем мы миновали людей, которые сидели, прижав палец к губам в знак молчания.

Пока мы пробирались к берегу, Бхаттачария рассказывал, что члены каждой секты-акхары посещают все Мелы, проводимые в четырех святых местах. И каждая акхара пристально следит за выполнением своих ритуалов и ревностно относится к другим сектам. Воинственный дух традиции этих садху уходит корнями в XV или XVI век, когда они организовывались в полувоенные секты, чтобы противодействовать мусульманским завоевателям, всячески пытавшимся запретить обряд ритуального омовения. С приходом англичан, которые не вмешивались в религиозные дела своих подданных, акхары утратили первоначальную цель, но сохранили воинственность.

Хотя садху, согласно индуистским священным писаниям, должны олицетворять свободу от эмоциональных привязанностей, быть воплощением добра, на деле они ценят физическую силу так же высоко, как и духовные достижения. Некоторые группы садху ранее ходили обнаженные, тем

самым символизировав самоотречение. Сейчас из тшеславия панимают за плату людей, которые шествуют в их процессиях раздетыми. И если обычные садху отправляются во время празднования Мелы пешком в одиночку или группами на Сангам, распевая по дороге гимны или читая мантры, эти акхары маршируют на Сангам строем, словно идут на войну. Многие садху и нанятые ими люди шествуют обнаженными, размахивая флагами, мечами, копьями и трезубцами, гремя железными щипцами. Процессия движется под грохот барабанов, удары гонгов, звуки труб, рожков и раковин. Некоторые садху величественно едут на слонах в раскрашенных хоудахах или на разрисованных лошадях и верблюдах, в паланкинах, украшенных золотом и серебром, или, как стало принято в последнее время, в джипах и «амбассадорах».

Из динамиков на хинди и английском раздавались призывы к паломникам совершить омовение и освободить место для других. Мы спустились к берегу, густо посыпанному хлоркой. Паломники входили в воду с длинной песчаной полосы в том месте, где сливаются темные воды Ганга и зеленовато-голубые Джамны. Протолкнувшись к берегу, мы с трудом нашли лодочника, который за подвоз к Сангаму заломил цену, превышающую стоимость его утлой лодочки. В разговор вмешался Бхаттачария. Он что-то сказал лодочнику, после чего тот согласился перевезти нас за умеренную плату.

Мы плыли туда, где в отблесках солнечных бликов покачивалась целая флотилия из различных лодок. Словно флагман, выделялась большая разрисованная барка, утыканная шестами с флагами. В ней находились главные брахманы Мелы. На лодках были устроены тенты, навесы или пологи для переодевания. Раздавались звуки раковин, гонгов и барабанов. Паломники, лбы которых были покрыты пеплом или сандаловой пастой, пускали вниз по течению половинки скорлупы кокосового ореха, положив внутрь цветок. В воду бросали подношения — фрукты, цветы и свои сбритые волосы, выливали молоко. Многие пили воду из ладоней, сложенных лодочкой. Если одни люди еще только пытались пробраться к реке, то другие уже выходили на берег, унося медные сосуды с водой. Они весело перекликались. Головы, словно поплавки, то погружались, то вновь появлялись на поверхности.

Как и в Варанаси, наш водитель не упустил возможности окунуться в святые воды Ганга, и Бхаттачария взялся руководить этой процедурой. Там, где наша лодочка остано-

вилась, было мелко, и водитель не смог сразу окунуться.

— Нет, не так,— закричал Бхаттачария.— Ты только сидишь. Надо окунуться полностью. Ложись в воду!

Месиво из взвешенных песчинок, кусочков фруктов, лепестков цветов и волос вряд ли можно было назвать водой.

— Не так! Перевернись в воде, твои волосы еще сухие. Набери в ладони воды и полей голову,— продолжал командовать Бхаттачария.

Водитель лил из пригоршни воду на голову, а Бхаттачария приговаривал:

— Хари Ом, Хари Ом, Хари Ом.

Как замороженные, смотрели мы по сторонам. И паломники, и прокаженные, и брахманы, и торговцы, и офицеры, и крестьяне — все окунались и пили воду, поднимали ее в сложенных ладонях и пропускали сквозь пальцы, молились. Эти люди делали одно и то же — здоровые и больные, богатые и бедные. Для них вода Ганга — это то, что смывает грехи и приносит очищение.

Мы приблизились к тому месту, где спокойные воды набирали скорость, слегка вздымались и, закручиваясь в воронки, распадались бурунами. Поражало фантастическое зрелище: темные воды Ганга, встречаясь со светлыми водами Джамны, становились многослойными, многоцветными, на несколько секунд завихрялись, окончательно смешивались и устремлялись дальше, вниз по течению. Вспомнились строчки Калидасы из поэмы: «Рагхуванша»: «Когда смешиваются воды Ганга и Джамны, кажется, что это нанизываются на нитку сапфиры и бриллианты, встречаются стаи белых и черных лебедей, переплетаются гирлянды белых и голубых лотосов, вспышки молнии проникают в ночную тьму, на чистом голубом небе появляются размытые легкие осенние облака». Гребцы подняли весла. Лодка покачивалась на волнах рядом с местом слияния.

Бхаттачария молился...

МАХАРИШИ МАХЕШ ЙОГИ

Бхаттачария долго хранил молчание. Он заговорил лишь тогда, когда мы вернулись на берег и, проложив себе дорогу сквозь толпу святых и паломников, наткнулись на палатки, над которыми висел плакат — «Организация движения духовного возрождения Индии». Будь мы одни, прошли бы мимо этой штаб-квартиры основателя движения Махариши

Махеш Йоги. Однако Бхаттачария заверил, что здесь, на Меле, можно подойти к любому человеку и заговорить о чем угодно. Шнурок брахмана, видимый в вырезе рубашки Бхаттачарии, придал нам уверенность. Основатель движения довольно популярен, но известно о нем немного. Говорили, что родился он примерно в 1920 году, а отцом его был налоговый инспектор. Махариши закончил аллахабадский университет, затем работал на фабрике. После этого несколько лет был учеником у джагадгуру в гималайском ашраме Бадрика. В отличие от большинства индийских мудрецов, которые носят один титул, он предпочитал употреблять два — Махариши, что на санскрите означает «великий провидец», и Йоги — «достижение».

В первой палатке, заваленной импортными банками с томатным соком, коробками с кукурузными хлопьями, мылом, зубной пастой и жевательной резинкой, к нам подошел индиец. На нем был бежевый европейский костюм, а лоб украшало ярко-красное пятнышко. Обычно его наносят брахманы при совершении пуджи. Он представился и сказал, что недавно вернулся из Америки, где учился в университете. У Гуруджи, так они называют Махариши, много учеников из разных стран. Он обещал посвятить этого индийца в члены движения после того, как прочтет ему мантры на берегу Матери-Ганги. После встречи с Гуруджи он оставил семью и детей, чтобы следовать за ним.

Поклонник Махариши Махеш Йоги повел нас на открытую площадку. Вокруг стола стояли челы. Среди них были европейцы и американцы. Они заканчивали трапезу. Девушка в европейской одежде протянула нам небольшие тарелки с макаронами, политыми желтым овощным соусом. Длинные ресницы и слегка скучающее выражение лица делали ее похожей на манекенщицу. Мы поинтересовались, откуда она родом.

— Из Канады, — ответила девушка. — Гуруджи — это реальность, и как реальность он предстал для меня в Канаде.

Когда мы попросили ее рассказать о движении духовного возрождения, она сдержанно ответила, что все вопросы следует задавать самому Гуруджи. К разговору присоединилась, как мы поняли, англичанка:

— Гуруджи семь раз объехал весь мир. Сейчас в Англии у нас около десяти центров движения духовного возрождения. В них учат простой технике медитации.

Мы вошли в палатку вместе с учениками, которые устроились на полу у ног Махариши. Так же когда-то сидел перед ним и Джон Леннон. Гуруджи оказался человеком

небольшого роста, с веселым выражением лица. В глаза бросились его резкие, грубоватые черты и гладкая кожа, длинные, смазанные маслом волосы. На полу возле учителя стояли три магнитофона, подобно тому как перед другими гуру лежали бы священные книги. Гуруджи предложил собравшимся задавать ему вопросы. Кто-то спросил о характере движения духовного возрождения. Махариши попросил этого человека представиться и только затем приступил к объяснению. У него был низкий и мягкий голос:

— Я учу простому методу медитации. Она развивает человека, в результате повышается трудоспособность. Высшая цель моего метода в его применении, в степени пользы людей для общества. С его помощью бедные могут стать богатыми, а богатые еще богаче. В Лондоне, выступая в «Альберт Холле», я говорил, что мой метод не означает отхода от обычной материальной жизни. Наоборот, он обогащает материальные ценности внутренним духовным светом и подобен соку апельсина, который можно получить, не разрушая внешней красоты плода.

Работали включенные магнитофоны, и Махариши продолжал разъяснять свой «простой метод медитации». У него был весьма своеобразный способ уходить от ответов на неудобные вопросы. С самого начала он исключил вопросы, касающиеся морали, теологии, философии, сказав, что человек свободен делать все, что хочет, совершать любые поступки, поступать как угодно по отношению к себе и другим, лишь бы с помощью метода медитации испытывать блаженство, которое заключено внутри самого человека.

Гуру задавали много вопросов, но он ушел от серьезного обсуждения. Слушая вопросы, он все время посмеивался и отвечал на них со смехом. Складывалось впечатление, что независимо от того, сколько времени будет длиться эта беседа, мы уйдем или с чувством досады, что нас высмеяли, или разочарованные тем, что нас просто подразнили. Махариши не дал убедительного ответа ни на один вопрос. На вопрос, почему бедные, предаваясь каждый день медитации, не становятся богаче, Махариши ответил, что они очень ленивы, чтобы освоить его «простой метод».

Мы ушли, не дождавшись конца. Бхаттачария скептически улыбнулся и сказал, что индусы к появлению таких гуру относятся спокойно, ведь с давних пор известно, что носящим маску подвижника не следует доверять.

Очевидно, не все так просто. Метод трансцендентальной медитации пользуется большой популярностью у поклонников Махариши, статьи о гуру появлялись в толстых

иллюстрированных журналах, к нему приезжали брать интервью репортеры радио и телекомпаний. Махариши тоже любил путешествовать, и, когда он был в Америке, восторженные поклонники восприняли его учение как немедицинский транквилизатор. Гуруджи заверял их, что трансцендентальная медитация поможет избавиться от внутренних конфликтов и противоречий не только отдельным личностям, но и всему обществу.

Постоянно растет интерес к культуре Индии. Для многих людей, словно колдовская музыка, звучат загадочные слова: гуру, медитация, ашрам, йога, махатма. Некоторых волнуют тайны тибетской медицины. Среди наших знакомых есть и такие, которые верят в земное существование Шамбалы и смотрят на нас с недоверием, когда мы говорим, что это символическое, а не географическое понятие.

БХАВАН ШРИ РАДЖНИШ

Особый интерес вызывают гуру, джагадгуру, свами и другие проповедники различных учений и движений. В связи с этим вспоминаются события, развернувшиеся на наших глазах, связанные с культом Свами Бхаван Шри Раджниша и его учениками, которым он пообещал короткий путь к нирване, если они примут его учение.

Раджниш обосновался со своим ашрамом в Пуне. Непонятно, почему именно этот небольшой городок в двухстах километрах от Бомбея был выбран для центра, где он решил проповедовать свое учение, ведь от Пуны до вод священного Ганга далеко. Возможно, его привлекла близость большого города, Бомбея, и международного аэропорта, ведь основную часть учеников составляли иностранцы. Появление ашрама на окраине тихой Пуны вызвало многочисленные жалобы жителей города. Своим поведением ученики Раджниша бросали вызов строгим моральным принципам индийцев, особенно оскорбляли жителей публичные любовные сцены учеников, одетых в красные и шафрановые одежды индийских отшельников.

Ученики, европейцы и американцы, пересекали моря и континенты в надежде услышать голос «живой истины». Их учитель, человек лет пятидесяти, лысый, с густой, ухоженной, но начинающей седеть бородой, величественно называл себя Бхаван Шри Раджниш. На хинди *бхаван шри* означает «преподобный господь бог». Этот гуру новой

формации не был полностью отрешен от удовольствий земной жизни. Кроме иступленных, доводящих до экстаза танцев он проповедовал секс как метод расщепления личности. «Просветление» Раджниш определял как отсутствие собственного «Я». С помощью этого метода он держал под контролем тысячи своих последователей в сорока странах. Ашрам в Пуне считался самым святым центром культа Раджниша. Гуру хотел, чтобы его воспринимали как «воплощение Христа», и наиболее восторженные последователи искренне считали, что он был Христом в своей предыдущей жизни.

Перед тем как стать членами общины, ученики проходили курс «интенсивного просветления», где их призывали посвятить свою жизнь Раджнишу. Те, кто соглашался на следующий шаг и оставался жить в ашраме, должны были передать все свои средства и собственность Раджнишу и лишь после этого получали право называться «саньяси». Правда, некоторые бывшие ученики, порвавшие с культом, говорили, что сначала это было похоже на обещанный рай, а закончилось организацией с политической иерархией. Раджниш был полон парадоксов, так же как и его «духовное просветление», которого он достиг, по его заверениям, когда ему исполнился двадцать один год. Сам гуру как-то охарактеризовал ритуалы своего культа как «бессмыслицы» и «забавы». Ссылаясь на болезни — диабет и радикулит — и на то, что неприятные запахи вызывают у него приступы астмы, Раджниш сеансов сам не проводил. Саньяси слушали магнитофонные записи его учения, в которых он проповедовал кратчайший путь достижения нирваны.

Вокруг Раджниша и его ашрама в Пуне постоянно ходили какие-то сенсационные слухи. Складывалось даже впечатление, что все это специально планируется и распространяется для создания ореола вокруг культа Раджниша. Впоследствии выяснилось, что в ашраме действительно имелся специальный представитель по связям с прессой.

Очередной скандал разразился тогда, когда Раджниш приехал в Дели получать реактивный самолет «Лиар», купленный им в Америке. Церемония приемки длилась несколько дней. Гуру совершил пуджу, а в заявлениях журналистам говорил, что подумывает, не открыть ли ему ашрам в Дели, где он будет устраивать сеансы для столичных политических деятелей. Там они смогут также получать советы по сложным вопросам политической обстановки и внутрипартийной борьбы в стране. Но вместо большого числа политиков, стремящихся приобщиться к его учению,

на гуру обрушились неприятности. Правительство заинтересовалось, как ему удалось заполучить разрешение государственного банка на покупку личного самолета, если процедура получения лицензии на приобретение авиалайнера для государственной компании «Эр Индия» затягивается порой на несколько лет; каким образом у Раджниша оказалось так много валюты и куда смотрит налоговое управление; кто дал ему разрешение на ввоз в страну двух автомашин «Мерседес-600»?

Испугавшись, Раджниш решил удалиться из негостеприимной столицы в свой ашрам под Пуной. Вскоре события приняли, как говорится, драматический оборот. Как-то ночью загорелся один из складов ашрама, а в помещении «Центра здоровья» взорвалась зажигательная бомба. Полиция, которую местные жители давно уже донимали жалобами на учеников Раджниша, воспользовалась пожаром и приступила к расследованию деятельности ашрама и самого гуру. Там было чем заняться — доходы ашрама от продажи книг, магнитофонных записей с проповедями, памятных сувениров, фотографий гуру составили несколько десятков миллионов долларов в год, с которых Раджниш ухитрялся не платить налогов. Для ашрама наступил период неопределенности. Гуру объявил, что переходит на общение посредством «многозначительного молчания», а затем вообще исчез, бросив своих учеников без денег на произвол судьбы.

Вскоре Раджниш появился в Америке, в штате Орегон, куда были предварительно доставлены его два «Мерседеса-600». Через подставных лиц он приобрел там участок земли в шестьдесят четыре тысячи акров, за который внес первый взнос в полтора миллиона долларов наличными. Пока велось строительство нового ашрама, гуру поселился в штате Нью-Джерси, в огромном особняке Монтлаир, скромно названном им «Замок Раджниша». Там находился деловой и рекламный центр его движения. Беспокойство жителей округа сменилось страхом, когда они узнали, что среди учеников гуру Шаннон Райян — дочь бывшего члена Конгресса. Его застрелили в Гайане сектанты «Народного храма», когда он попытался расследовать деятельность их общины. Перед тем как появиться в новом ашраме, она ездила в Индию и там встречалась с Раджнишем. При встрече Шаннон передала ему деньги, полученные по страховке за смерть отца.

Тем временем у гуру начались неприятности с иммиграционной службой США, подходил к концу срок действия въездной визы, которую ему отказались продлить. Когда

закончилась виза, Раджниша выслали из Америки, а единственной страной, которая согласилась его принять, оказалась Колумбия, и то при условии, что он не будет проповедовать свое учение и за ним не последуют его ученики. В Индию он побоялся вернуться — там его ждала полиция, от чьих рук он в свое время сумел убежать. Воспользовавшись тем, что в США законы не разрешают иностранцам открывать личные счета и владеть собственностью, его ближайшие помощники Ма Йога Лакшми и Свами Шакьямуни присвоили себе все средства ашрама, и даже обращение в суд не помогло Раджнишу вернуть деньги.

ВНИЗ ПО ГАНГУ

Мы возвращались в светскую часть Аллахабада, и нам уже трудно было представить, что всего в нескольких километрах от живущего деловой жизнью современного города, на посыпанных хлоркой песчаных берегах Сангама продолжается фантастическая пуджа. Приняв светлые воды Джамны, Ганг устремляется вниз по течению. Очищая души миллионов людей и наполняя благоговением их сердца, эта река несет свои священные воды мимо гхатов религиозной столицы индусов Варанаси — города полутора тысяч храмов, где, согласно легенде, Брахма совершил жертвоприношение десяти коней, мимо бесчисленных деревень и городов Уттар-Прадеша, Бихара и Западной Бенгалии.

В нижнем течении Ганга много мест религиозного поклонения. Там к чувству святости примешивается восхищение красотами природы. На границе Бихара и Бенгалии, где климат более влажный, поля зеленее, а растительность более густая, из воды на двадцать метров поднимается остров Джахангира. Это ошеломляющее своим видом необычное нагромождение гладких, округлых скал, в трещинах которых зеленеют корявые деревья с переплетенными кронами. На скалах высечены фигуры богов, древние изображения Будды, Парашурамы — шестого воплощения Вишну. Остров венчает храм Шивы.

Еще ниже по течению, там, где ширина реки около километра, а от деревни к деревне плавают лодки под большими красными парусами, стоит другой большой остров — Колгандж. Сейчас на нем в джунглях живут несколько святых — баба. Когда-то на этом острове укрывались раз-

бойники, промышлявшие на реке, покровительницей которых считалась Черная мать, богиня Дурга. Поклонники богини-разрушительницы посещают храмы на Колгандже.

В гигантской дельте Ганга на юг от основного русла течет небольшая река Хугли. Ее путь проходит по владениям бывшего наваба Бенгалии, мимо прудов, поросших гиацинтами, мастерских по окраске тканей, дворцов навабов, старинных голландских и английских кладбищ, полуразрушенных и поросших кустарником военных казарм и заброшенных допотопных фабрик. На всем протяжении Хугли не меняет своего облика. Это река с низкими зелеными берегами, по которой снуют парусные и весельные лодки, плывут плоты из бамбука для перевозки грузов, баржи, доставляющие сено и потому похожие на плавающие стога. Облик Хугли-труженицы дополняют многочисленные джутовые фабрики. Но вот наконец и гигантский мост Хоура, соединяющий районы Калькутты, самого большого по численности населения города Индии.

КАЛЬКУТТА

Для нас Калькутта навсегда оказалась связанной в воспоминаниях с небольшой гостиницей «Фаэрлон», где мы чаще всего останавливались, когда приезжали в столицу Бенгалии. Расположенная в центре города, эта гостиница привлекала гостеприимством хозяев и хорошим рестораном с европейской кухней. «Фаэрлон» стоит на Саддар стрит, которая выходит на центральную улицу, по привычке называемую Чоуринги. Главной достопримечательностью Чоуринги по праву считается дворец, построенный в псевдоитальянском стиле, где расположился Индийский музей. Среди жителей Калькутты он больше известен как Джаду Гхар («Волшебный дом»). Говорят, сто лет назад он был продан за смешотворную, по нынешним временам, сумму в сто сорок тысяч рупий, а сейчас только аренда этого дворца обошлась бы значительно дороже. В залах Индийского музея собрана уникальная коллекция экспонатов, которые относятся к культуре долины реки Инд (III—II тысячелетия до нашей эры). В галереях дворца находятся каменные колонны с эдиктами императора Ашоки, резные перила ступы из Бхархута (север Уттар-Прадеша) — одной из древнейших каменных построек. В камне представлены сценки из предыдущих рождений Будды, тончайшей резьбой выполнен каждый листочек, каждый завиток, но сам Будда нигде не изобра-

жен. Он представлен лишь символами: деревом пипал, колесом закона, отпечатками ступней, «солнечными» животными — лошадью и слоном.

На противоположном конце короткой Саддар стрит расположен один из самых больших кондиционированных кинотеатров, «Глоуб», куда вечерами мы часто отправлялись на последний сеанс, а если фильм долго не менялся, то можно было пройти чуть дальше в «Лайтхауз». По пути в «Лайтхауз» нужно было миновать главный рынок города — «Нью Маркет». Жители Калькутты говорят, что это самый большой крытый рынок в Юго-Восточной Азии. В это легко поверить, глядя на яркие сари различных расцветок, огромный выбор сувениров, собранных со всех концов страны, дорогие ювелирные магазины, бесконечные лавки со специями и сладостями, горы экзотических фруктов. Здесь можно купить буквально все — от флакона восточных благовоний и детеныша леопарда до японского магнитофона последней модели и новейшего медицинского препарата. У бокового входа в здание рынка со стороны «Лайтхауза», прямо на тротуаре, окружив себя пирамидами стеклянных баночек, в которых в причудливом свете неоновой рекламы и бликов ярких керосиновых фонарей невероятными красками переливались диковинные аквариумные рыбки, устроились торговцы.

Гостиница «Фаэрлон» удобна во всех отношениях. И если утром до отъезда по делам выпадало свободное время, можно было прогуляться до дворца из ослепительно белого джодхпурского мрамора — «Викториа Мемориал». Портреты, статуи, оружие, мебель, литографии напоминают о викторианском периоде имперского величия. В картинной галерее можно увидеть огромную, под стать размерам дворца, картину русского художника В. В. Верещагина «Въезд принца Уэльского в Джайпур».

Вечером, пройдя мимо ипподрома, или Форта Уильяма, уникальной крепости, со стен которой никогда не было сделано ни единого выстрела, но где все напоминает о тех временах, когда англичане появились в Восточной Индии, можно выйти на берег Хугли. Если не отпугнет ненадежный вид утлой лодочки у берега, можно даже отправиться вверх по реке в сторону вокзала и проехать под знаменитым мостом Хоура.

Большое удовольствие доставляли нам прогулки по старому центру города. Там расположены и фешенебельные магазины готовой одежды, и знаменитые ателье, основанные, как гласят вывески, в 1847 году с разрешения Ее Величества

королевы Англии, и совсем новые мастерские, готовые за сутки выполнить любой заказ, и известные на всю страну кондитерские, такие, как «Флари», где делают лучшие в Индии пирожные, и дорогие кондиционированные рестораны, и тележки, с которых уличные торговцы продают горячие, жареные орешки и острые, обжигающие рот лакомства, и передвижные кантины, где можно купить и тут же, не отходя, съесть любимое блюдо простых калкутцев — рыбу-тулси.

Бенгальцы большие гурманы. Большинство мужчин-бенгальцев считают себя искусными поварами, хотя их кулинарные способности ограничиваются приготовлением блюда из козлятины, куриного карри или тушеного мяса. Они любят демонстрировать свои способности во время пикников. Глядя на знакомых бенгальцев, мы пришли к выводу, что тушеное мясо они готовят так же, как и цыпленка карри, только с меньшим числом приправ, но с большим количеством воды, а репчатый лук и помидоры варят целиком. Для блюда, называемого «карри», на пикниках обычно использовали множество специй. Вокруг костра разгорались споры, что лучше — выдавить сок имбиря, чеснока и лука или употребить их в более привычной пастообразной форме. У каждого был свой рецепт маринада, но все сходилось на том, что для этой цели лучше всего подходит кислое молоко.

Однажды, возвращаясь из аэропорта, мы уступили настояниям старого знакомого Банерджи и заехали в «Суручи» на Эллиот роуд — ресторанчик, специализирующийся на приготовлении бенгальских блюд. Он не очень-то доверял нашим заверениям, что мы уже хорошо знаем индийскую кухню. Именно в «Суручи» мы поняли, что такое настоящее куриное карри. Банерджи рассказал, что секрет его приготовления был позаимствован у моряков, которые ходили на линиях Восточной Бенгалии. Оказывается, лучшими поварами в Индии всегда считались бенгальцы из восточной части штата. Они готовили махараджам, англичанам, «командовали» в клубах, армейских офицерских столовых. Их нанимали даже иезуитские священники. Бенгальским поварам принадлежит последнее слово в вопросах англо-индийской кухни. «Пароходный» цыпленок в ресторане «Суручи» был неотразим. Спросите любого, кто бывал в Калькутте, и он подтвердит, что нет ничего вкуснее куриного карри с душистым ароматным рисом. Жители Калькутты не испытывают такого пристрастия к острой пище и чили, как обитатели юга Индии. На ужин они

предпочитают вместо риса взбитые, воздушные *лучи* — маленькие белые пушистые шарики из муки, поджаренные в масле гхи.

Если пройти в сторону от гостиницы по Фри Колледж стрит, то, покопавшись в лавках и магазинчиках букинистов, можно отыскать журнал или книгу, уже распроданные в более солидных книжных магазинах, а иногда даже какую-нибудь старую редкую книгу. Там же в многочисленных кафе, «Ти хаузах» или «Коффи шопс» собираются студенты. Более денежная и респектабельная публика приходит на пересечение с Парк стрит отведать блюда китайской кухни в «Золотом драконе» или «Валдорфе».

Иногда мы останавливались в одной из самых старых гостиниц — «Грейт Истерн». Некогда она знала лучшие времена. В наши дни огромная, с множеством коридоров и переходов «Грейт Истерн» отпугивает своим холодным равнодушием и безразличием, но в ней положено останавливаться сотрудникам государственных предприятий, и калькутский представитель Корпорации, если обращались к нему, бронировал номер в этом отеле.

После «Грейт Истерна» особенно ощущалось радушие хозяйки маленького «Фаэрлона», куда можно было устроиться без предварительной телеграммы о бронировании номера. Так сложилось, что вот уже много лет здесь останавливались советские специалисты, работавшие в восточной части страны и приезжавшие в Калькутту в командировку. Небольшой двухэтажный особняк, отгороженный от улицы каменной стеной, больше походил на частный дом, чем на гостиницу. Во дворе, где можно оставить на ночь машину, — небольшой садик, в тени его деревьев стояли белые легкие столики и плетеные стулья. На время мансуна их убирали, и вечерами гости собирались под огромным балконом комнаты хозяев гостиницы.

Как правило, хозяйка никому не отказывала в гостеприимстве. Если не оказывалось свободного кондиционированного номера, она обещала предоставить его на следующий день и обычно свое обещание выполняла. В Калькутте нелегко найти номер в гостинице. За последнее время в городе построены только «Хиндустан Интернешнл» и «Ашок Аэропорт», все остальные гостиницы в основном маленькие и сооружены давно, до начала туристического бума. Рядом с «Фаэрлоном» стояла еще меньшая гостиница — «Литтон», но туда, несмотря на то, что в ней предоставляли лишь завтрак, нельзя было попасть без предварительного заказа номера. Чуть дальше расположи-

лась гостиница «Астория». Однажды мы решили там остановиться, так как в других гостиницах не было свободных мест. Портье посмотрел на нас, на багаж и спросил:

— Вы оставите багаж в гостинице, когда пойдете в город?

Мы сказали, что собираемся поступить именно так, и тогда он посоветовал поискать другую гостиницу. Если нам не удастся это сделать, то к вечеру можем вернуться сюда, ведь в «Астории» оставлять вещи в номере не принято.

Владельцами «Фаэрлона» были супруги Смит. Правда, хозяйку редко кто из постоянных гостей называл официально «миссис Смит», в основном — «мадам». Веселая, энергичная женщина, сумевшая сохранить эти качества в жесточайшем калькуттском климате (это не всегда удается европейцам, долго живущим в Индии), принадлежала к большой армянской общине, которая давно обосновалась в Калькутте. Много лет назад она вышла замуж за англичанина. Мистер Смит занимал ответственный пост в компании, обеспечивающей электроснабжение города. Потом эта компания стала совместным англо-индийским предприятием и в 70-е годы, значительно позднее других частных фирм, вместе с трамвайной компанией перешла под государственный контроль.

Трудно сказать, как этот переход отразился на движении трамваев, но электроснабжение города резко ухудшилось. Об этом писали все калькуттские газеты, да и мы сами испытали, что это значит — отключенные в жару кондиционеры, прерванный сеанс в кинотеатре, погруженные в темноту кварталы города. Менялись часы работы предприятий, магазинов, закрывались киностудии и фотоателье, ведь без электричества нельзя ни отснять, ни проявить пленку, а крупные промышленники, такие, как Бирла, переносили свои предприятия на западное побережье страны.

Когда электрокомпания перешла под контроль правительства штата и министерства энергетики, мистер Смит подал в отставку и стал больше времени уделять гостинице, хотя было время, когда хозяева даже подумывали, не продать ли ее и уехать к дочери в Англию. Правда, это было до начала туристического бума в Индии. Хозяйка жаловалась, что содержать гостиницу становится все труднее, цены растут, все больше надо платить прислуге. Да и мистер Смит часто поговаривал, что «пора собираться домой». Месяца три они пожили в Англии и вернулись назад, твердо решив не продавать гостиницу и из

Индии не уезжать. Как-то вечером, сидя с хозяином на веранде, мы поинтересовались, что послужило причиной такого решения:

— Дороговизна, девальвация, хулиганство, да и вообще жизнь в Англии уже не та, что была раньше,— сказал Смит.

Так они и остались в Калькутте, компенсируя местную дороговизну периодическим повышением стоимости номеров. Но раз в году мистер Смит обязательно ездил «домой», в Англию, обновлял гардероб, который обычно состоял из рубашек и брюк светлых тонов. Хозяйка гостиницы изредка навещала свою вторую дочь, жившую в Гонконге, а однажды побывала у родственников в Армении.

Жизнь в «Фаэрлоне» шла обычным чередом. Рано утром хозяева отправляли повара с кем-то из прислуги на «Нью Маркет» за продуктами. После завтрака, когда гости расходились по своим делам, хозяева завтракали на втором этаже в своем люксе под номером 1. Потом мистер Смит садился в светло-серый «Амбассадор» и, прихватив двух белых болонок, отправлялся по делам, чаще всего в клуб на Парк стрит. Удивительно, но за долгие годы жизни в Индии он нисколько не загорел — его лицо всегда было бледно-розовым. Хозяйка спускалась вниз — на ней лежала вся работа по управлению гостиницей. По существу, она была менеджером, контролировала прислугу, знала, не заглядывая в журнал, кто в каком номере живет, какая комната свободна, день отъезда постояльцев, принимала оплату за проживание. Клиенты у супругов Смит были постоянные, в основном англичане или другие европейцы. Хотя индийцы любят путешествовать, они были довольно редкими гостями «Фаэрлона».

Правда, понятие о путешествии для удовольствия появилось у индийцев сравнительно недавно. Раньше были поездки по торговым делам, но большей частью они совершали путешествия с целью паломничества. Путешествия же ради путешествия, из любопытства, для открытия новых мест, для удовольствия и приятных впечатлений пришли в Индию позднее. Появление длинных отпусков на предприятиях, летних каникул и праздников, введенных в школах, колледжах и государственных учреждениях, принесло из английского языка такое понятие, как «чендж», то есть «разнообразие». Это слово в своем определенном смысле вошло даже в бенгальский язык. Поездка «для разнообразия» не означает просто путешествие или перемену обстановки. У бенгальцев, например, она предполагает «путешествие,

предпринимаемое с целью поправить здоровье». Люди, которые могут позволить себе путешествовать, теперь выезжают в горы, на юг, к побережью океана. Даже если бенгалец совершенно здоров, он уверен, что здоровье можно не только поддерживать, но и улучшать. Когда бенгальцы говорят о поездке в горы, они имеют в виду Дарджилинг. Отсюда открывается прекрасный вид на гималайские вершины Канченджангу и Эверест, изредка видимые летом, но особенно хорошо обозреваемые осенью. Здесь все радует путешественника: красивые деревья, посаженные еще при англичанах, превосходные овощи, большие красные сочные кардамоны, нежные свиные отбивные, ветчина, бекон, свежее масло и творог. Для европеизированных бенгальцев нет ничего лучше Дарджилинга, где поездки верхом и изумительные пешие прогулки улучшают аппетит. Если кто-либо говорил, что собирается в горы, окружающие поглядывали на него с завистью.

Со временем страсть к путешествиям превратилась в манию и сейчас распространилась не только на средние классы, но и на семьи рабочих Дургапура и Асансола. Бенгальцы с радостью тратят с трудом заработанные премиальные и сверхурочные на путешествия. Сейчас поездки упорядочены, организованы, появились комплексные туры и специальные поезда, в которые включены рестораны с особой кухней для капризных вдов, с вегетарианской и невегетарианской пищей. Хотя бенгальцы не останавливаются в роскошных пятизвездных гостиницах с европейской кухней и баром, можно часто встретить древних старушек на ярмарке в Кулу, увидеть полных замужних матрон, катающихся верхом на пони в Дарджилинге и шумную детвору в пещерах Аджанты. Но мало кто путешествует по своему штату. Наверное, это свойственно всем людям — мы готовы объехать весь мир в поисках прекрасного, но не остановимся взглянуть на чудо, если оно рядом.

Вечерами в плетеных креслах в саду «Фаэрлона» любили посидеть гости, которые жили в гостинице по две-три недели. Иногда к ним присоединялся хозяин. Изредка в гостинице останавливались «чистые» туристы, но хозяйка обычно старалась не принимать хиппи и искателей наркотиков. Она рекомендовала им поселиться в гостинице для молодых католиков на Чоуринги или в общежитии «Красный щит», где цены намного ниже. Одно время в «Фаэрлоне» находили приют армянские семьи, покинувшие Иран. Хозяйка помогала этим беженцам. Они подолгу жили у нее,

пока не находили пристанища у каких-нибудь дальних родственников в разных уголках земного шара.

Гости собирались на лужайке перед гостиницей и, лежа в креслах, лениво переговаривались, перелистывали старые журналы, изредка прикладываясь к стаканчику джина с тоником или виски со льдом. Хотя у хозяев не было разрешения на продажу спиртных напитков, они смотрели на нарушителей закона сквозь пальцы, а в «сухой день», четверг, хозяйка сокрушалась, что гостям трудно: ведь тогда в городе закрывались винные магазины, приходилось довольствоваться пивом или отправляться в «Парк отель», «Риц» или «Оберой» на Чоуринги, где в барах нет ограничений для иностранцев. Здесь же, за каменной стеной гостиницы, ни гости, ни хозяйка не боялись полиции. Занятая более важными делами, калькуттская полиция не интересовалась, где, когда и сколько пьют иностранцы.

«ОСКОЛКИ ИМПЕРИИ»

В «Фаэрлоне» большинство постояльцев были чем-то неуловимо похожи друг на друга. В основном здесь останавливались пожилые англичане того же возраста, что и хозяин гостиницы. Они приезжали, как правило, с женами, реже одни. В чем заключалось это сходство, нам не удалось определить до тех пор, пока не пришла догадка — да ведь это же своего рода клуб, в котором собираются разные люди, чья жизнь была связана с этой страной, те, кто когда-то работал или служил в Индии! И тогда по-другому стали восприниматься их воспоминания о «старых, добрых временах», неизменный стаканчик виски или джина в конце дня. Они говорили не только о годах своей молодости, но и об удивительной, интересной Индии, которая сохранилась лишь в воспоминаниях, навсегда наложив отпечаток на их дальнейшую жизнь.

Здесь собирались те, которые некогда взяли на себя «бремя белого человека», люди с непоколебимой уверенностью, что принадлежат к расе, рожденной покорять, править и оказывать благодеяния. Тогда они верили, что их империя будет существовать вечно. Они говорили о тех временах, когда лихой офицер в кивере с плюмажем отважно скакал верхом во главе отряда сипаев в ярких форменных тюрбанах, отправляясь на задание, чтобы «по-отечески усмирить дикие окраинные племена», когда правительственный служащий колониальной администрации, обладая не-

ограниченной властью, решал судьбы людей целого дистрикта, затерянного где-то в засушливых равнинах Декана. Сейчас, сидя на лужайке перед «Фаэрлоном», они вспоминали о пышных роскошных балах в гостиных лучших домов Калькутты.

— А какие приемы устраивались летом в Симле! — добавлял кто-нибудь, и все одобрительно кивали, даже те, кто там никогда не бывал.

Вспоминали крикетные матчи на ухоженных лужайках Бенгальского клуба. Кстати, клуб так и остался на Рассел стрит, горожане уверяли, что стать членом клуба сейчас не легче, чем в колониальные времена, хотя официально требуются лишь две рекомендации уважаемых членов клуба и вступительный взнос.

Отставной майор из полка «Бенгали Райфлз» рассказывал, как он охотился на тигров в Ассаме. Тогда можно было охотиться только на опасных зверей, к которым относили еще и пантеру, и диких слонов. Охота на всех остальных животных считалась «спортом». Жизнь казалась полной приключений. Конечно, им не довелось пройти полностью весь путь — приехать молодыми лейтенантами или юными служащими колониальной администрации в возрасте девятнадцать-двадцати лет, сойти с парохода в Бомбее или Калькутте и покинуть страну через тридцать пять-сорок лет с чувством исполненного долга, с погонами полковника или генерала, со следами боевых ран и увечий от лап пантеры или травмы, полученной после падения с лошади во время игры в поло. Англичане, собиравшиеся в «Фаэрлоне», были довольно молоды, когда Индия получила независимость. Они неохотно, с чувством большой личной потери покидали бывшую колонию, передавая дела индийцам.

Тем не менее клиенты супругов Смит, безусловно, успели пройти в Индии жесткую школу жизни, прослужив в дальних гарнизонах или заброшенных дистриктах. К месту назначения они зачастую добирались по грунтовым дорогам, по тропинкам в джунглях. Бывший судья Питер Ричмонд вспоминал, как он переезжал от деревни к деревне с караваном слуг, клерков и охранников, когда получил назначение на работу в Индию. На повозках, запряженных волами или ишаками, везли его офис-палатку, спальную палатку, палатку-столовую, палатку-ванную, запас продуктов. Он был единственным белым человеком во всем дистрикте. В конце дня, перед заходом солнца, судья отдавал распоряжение разбить лагерь, принимал ванну. Она была шита из козлиных шкур, а воду слуга согревал на костре.

Освежившись, судья надевал пиджак, галстук и ужинал один в палатке, освещенной керосиновой лампой... На землю опускалась ночь, слышались крики лесных птиц и отдаленный рев тигра.

После суровой жизни в кочевых условиях Ричмонда перевели под Нагпур, где находилось англ йское поселение-кантонмент. Для молодого человека это было событие огромной важности. Он попадал в заветное место, оазис цивилизации, английский городок в миниатюре, где были парк, магазины, банк, церковь. Но, главное, там имелся клуб — символ английского образа жизни. Во второй половине дня, когда становилось прохладнее, англичане из кантонмента собирались играть в теннис или в крикет. Когда наступал священный час захода солнца, они располагались на лужайке или на веранде, а слуги в белоснежной форме скользили с подносами, на которых стояли стаканы с виски. После захода солнца они выпивали традиционную порцию алкоголя, выполняя один из основных неписаных законов жизни в колонии. Они твердо соблюдали и главное условие местной жизни — нельзя никогда поддаваться климату. Даже в самые жаркие дни англичане всегда появлялись на службе в европейском костюме и галстук.

— Индийцы говорили, что только англичане и бешеные собаки выходят на улицу в полдень, правда, мы при этом обязательно надевали на голову солнцезащитный шлем,— вспоминал отставной полковник Патрик Фармер.

— Вчера мы заезжали в Бенгальский клуб и на правах бывших членов получили разрешение поиграть в гольф. Конечно, лужайки сейчас не в том состоянии, как раньше, да и порядка в клубе нет. А ведь гольф появился в Калькутте еще в начале прошлого века!— сетовал какой-то клиент.

Они вспоминали об интересных теннисных матчах, травяном хоккее, но, глядя на них, думалось, что тогдашняя веселая жизнь обошлась им впоследствии довольно дорого. Свидетельство тому — два английских кладбища в Калькутте в конце Парк стрит. Англичане не выдерживали климата Индии. К тому же они умирали от эпидемий малярии, холеры, тропической лихорадки (на английском языке название последней болезни звучит намного романтичнее, но более зловеще — «джунглевая лихорадка»). Их смерть в Индии, так же как и жизнь, часто была окружена ореолом легенд. Как рассказывали артиллеристы из «Роял Лансерс», полка королевских уланов, один из офицеров умер от ран,

нанесенных ему пантерой. Случалось, что охотники погибали в схватке с диким буйволом. Иногда их затапывали слоны во время преследования. Беднягу-клерка строительного департамента убил тигр в лесу Сандарабада, а этот город расположен всего в ста пятидесяти километрах от Калькутты. Здесь рассказывали еще и о том, как однажды генерал-майор королевских саперов упал с хоудаха и разбился насмерть. Ему надо было въехать во дворец на слоне через арку, но, несмотря на то что по образованию он был инженером, правильно рассчитать разницу в высоте между аркой и слоном не сумел. Слон под аркой прошел, а генерал на хоудахе в нее не вписался.

Лица англичан, прошедших испытание Индией, на всю жизнь сохранили следы жгучего тропического солнца и большого количества выпитого виски. Их кровь навсегда отравлена теплом. Они плохо переносят туманы и холод Альбиона. С радостью, в которой боятся признаться даже самим себе, англичане всякий раз возвращаются в Индию, чтобы вновь вдохнуть влажный жар Востока, сбросить десяток лет, вновь оказаться в кругу старых друзей и вспоминать, вспоминать... Глядя на них, в памяти невольно возникали слова, которые мы где-то слышали: «Англичане, живя в Индии, проклинали ее, а возвращаясь домой, умирали от тоски по ней».

Ничего нет удивительного в том, что люди, прошедшие годы в Индии, навсегда остались связанными с этой страной. Они невольно соизмеряют события своей жизни с теми катаклизмами, свидетелями которых стали за Гималаями. Те годы совпали с кануном предоставления независимости Индии, то было время, когда англичане чувствовали себя здесь властелинами, способными полностью реализовать свои амбиции, удовлетворить честолюбие.

Удивительно другое. Индия не оставляет равнодушным никого, кто хотя бы раз в жизни имел возможность вдохнуть ее воздух, пройти улицами ее городов, проехать в машине по ее дорогам, заглянуть в выразительные глаза индийцев, увидеть оранжевые закаты. Индия поражает, завораживает, подчиняет, притягивает даже опытных путешественников, повидавших мир. Встреча с ней — это встреча с тайной. Может, поэтому существует столько волнующих повествований о загадочном чуде Индии. Человеку, побывавшему в этой стране, хочется поделиться своими впечатлениями с родными, знакомыми и друзьями. Сначала его слушают с глубоким интере-

сом, потом из вежливости, и, наконец, наступает момент, когда рассказчика уже не слушают, а он все говорит и говорит... Он не может молчать, хотя понимает, что сжигающий его душу огонь не смог согреть того, кто не видел, не бывал, не чувствовал этой страны.

Того, кому посчастливилось жить какое-то время в Индии, потом еще долго преследуют воспоминания. В памяти всплывают сценки, мимо которых когда-то прошел в Индии, не обратив внимания. Тысячи мелочей, которые он перебирает в памяти, как бусинки четок, становятся сокровищами. И теперь уже больше не хочется другим навязывать свои воспоминания, начинаешь жить прежней жизнью в родной стране. Но тут наступает ностальгия — болезнь, приступы которой не прогнозируемы. Их могут вызвать любые ассоциации, особенно музыка и запахи. Иногда такого человека принимают за чудака, а его влечет к тем, кто соприкоснулся с Индией. Такие люди собираются вместе и подолгу говорят об этой стране. Не о себе в Индии, а об Индии в себе.

Такова сила притяжения многоликой Индии, земли тысячи богов, древних философов и мыслителей, поэтов, строителей прекрасных мавзолеев, восхитительных храмов.

СНОВА БОКАРО!

Наш самолет Москва — Ханой пролетал над территорией Индии. Монотонный гул работающих двигателей нарушил мелодичный голос стюардессы:

— Уважаемые пассажиры! Через несколько минут наш самолет совершит транзитную посадку в международном аэропорту Калькутта. Просим вас привести в вертикальное положение спинки кресел и пристегнуть привязные ремни.

Пассажиры, разбуженные объявлением, щелкали замками ремней. Тяжелая ночь с двумя посадками в Ташкенте и Карачи осталась позади. Внизу, сквозь стекла иллюминатора, все отчетливее просматривалась земля.

Вдруг сквозь утреннюю дымку проступила высокая гора, а затем большой завод в разноцветных дымах, ТЭЦ с черным шлейфом копоти, разбросанные секторы современного города, расплывшиеся кварталы старого города на узкой реке, джунгли, широкая река с двумя мостами, скалистые горы... В считанные минуты растаяли Параснатх,

Бокаро, Час, Дамодар. Это был не мираж, самолет действительно пролетал над теми местами, где мы прожили годы, где остались друзья и где нас еще помнят.

Мы посмотрели на часы — восемь часов утра. Там на земле, за прозрачной дымкой, кипит жизнь — катят на велосипедах к заводской проходной рабочие утренней смены, свиперы заканчивают уборку кабинетов, открылись кассы в «Девы», разносчики газет раскладывают утренние газеты, черной тучей роятся дикие пчелы вокруг дерева у развалин дворца махараджи... Наверное, Шарма давно уехал в Визакхапатнам, а дом Панчалара украсили новые охотничьи трофеи... Интересно, жив ли еще Старик?.. А как Хиралал! Какой праздник или митинг завлечет в этот день многодетного посыльного? Наверное, Чиббар, закончив утренние дела, неторопливо садится в машину и едет на завод... Миссис Чиббар хлопчет по хозяйству, поторапливает младшую девочку в школу... Хотелось бы знать, как сложилась судьба их средней дочери, счастлива ли она? Генерал Чоудхури спешит на маленький завод... Начались занятия в «Йогода Сатсанга Брахмачария Видьялая»... Брат Аджана скоро откроет свой магазин, зажжет сандаловые палочки и совершит утреннюю пуджу... А на Параснатхе паломники идут в храмы, аскеты-дигамбары выполняют взятые обеты, и среди них, хочется верить, и Аджана-старший, все еще идущий по Тропе спасения души... Где-то в Гае паломники совершают подношение пинди, журчит вода в древних купальнях Раджгира, бьют в барабаны монахи-японцы на Вишва Шанти, археологи освобождают из земли сокровища Наланды, мирно покоится в своей величественной гробнице мужественный воин Шер Шах Сур... Адвокат Бхаттачария готовит речь для выступления в суде... Датта и Мурти прибыли на белом джипе на встречу с крестьянами какой-то отсталой деревушки... Там, внизу, оставались джунгли Хазарибагха, Земля прозрения, Бокаро, мир наших друзей... Собираются на службу члены «послеобеденного клуба»... Интересно, о чем будут спорить сегодня в кабинете Нараяна? Но ни в одной газете они не прочитают, что в то утро мы были так близко, заглянули в мир своего прошлого. И если уж кто-нибудь подумал о нас в эти минуты, то это, конечно, был астролог Рой...

СОДЕРЖАНИЕ

День первый	3
Красавец завод	14
Бихар и его драгоценное ожерелье .	18
«Послеобеденный клуб» .	18
Бастует заводская охрана	20
В Бокаро открывается кинотеатр .	21
Утренние газеты	24
Нараян вспоминает	24
Благотворительный концерт .	28
Немного о штате Бихар	37
Хазарибагх	39
Угольные карьеры	43
Джи-Ти-Роуд, или Великая дорога .	44
Деревни, деревни	48
Сасарам	48
Бодх Гая, или «Земля прозрения» . .	54
Будда	56
Дерево Бодхи .	59
Алмазный трон .	60
Маха Бодха	61
Европейцы в Индии .	65
Пури	65
Кришнаиты	69
Иностранцы в Бодх Гае	72
Тибетский храм	74
Таиландский и японский храмы .	79
Гая	79
Вечер в Гае .	83
Раджгир	84
Древние купальни	85
Вишва Шанти, или «Земля мира» .	89
Наланда	93
Проблемы деревни и «престижные» заводы .	97
«Одетые в белое» и «одетые в небо» . . .	101
Маленький городок Час .	101
Сын аскета .	106

Параснатх	109
Подарок брату	112
Снова Параснатх	115
Посвящение — дело семейное	116
Храмы джайнов	119
Аскет и его обед	124
К вершине Параснатха	126
Шравана Белгола	127
Павапури	132
Дивали — фестиваль огней	134
Будни и праздники, люди и святые	137
Чиббар — человек дела	137
Глава «домашнего департамента»	138
Семейный астролог	143
Дом — это жена	148
Дочери-дочери	150
«Только для членов клуба»	151
Двое посыльных	155
Дассехра — праздник победы добра над злом	161
Ранчи	163
Школа йоги	164
Сай Баба	178
Цементный завод в Райгархе	185
Басанта Мела	188
Будни городского парка	190
Делийский зоопарк	191
Рева	192
Багхелы	194
Вассальные княжества	198
Дворец в Реве	200
Джамшедпур	210
Аллахабад	214
Махариши Махеш Йоги	230
Бхаван Шри Раджниш	233
Вниз по Гангу	236
Калькутта	237
«Осколки империи»	244
Снова Бокаро!	248

Научно-художественное издание

**Побережнюк Ольга Ивановна
Побережнюк Владимир Лазаревич**

БИХАРСКАЯ МОЗАИКА

**Зав редакцией Л. Ш. Рожанский
Редактор Э. О. Секар
Младший редактор Н. А. Скачко
Художественный редактор Э. А. Эрман
Технический редактор М. Г. Гушина
Корректоры Т. А. Куанцова, В. Н. Багрова**

ИБ № 18730

Сдано в набор 26.04.90. Подписано к печати 14.02.91. Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Иллюстрации отпечатаны на мелованной бумаге. Гарнитура «Академическая». Усл. п. л. 13,44+0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 15,33. Уч.-изд. л. 15,98. Тираж 5000 экз. Изд. № 6879. Зак. № 198. Цена 2 р.

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Отпечатано в 3 типографии издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

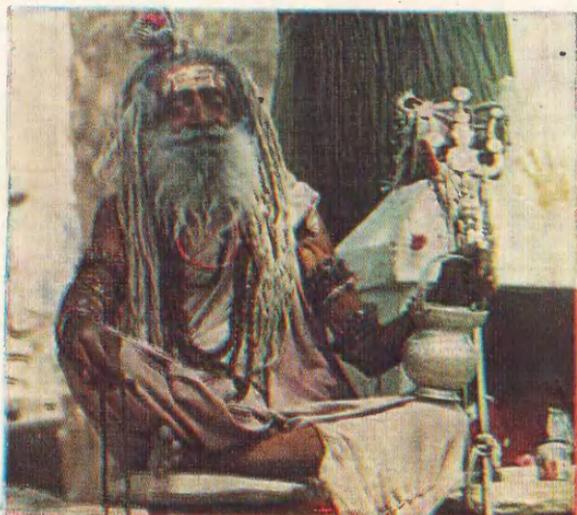
ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ КНИГА

Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II.
17 л.

Для настоящего издания отобраны тексты, содержащие важную информацию по географии, этнографии, культуре стран Востока в XVIII в. Вместе с тем они запечатлели яркие и неординарные личностные качества русских людей екатерининской эпохи, волею судеб втянутых в невероятные приключения, — унтер-офицера Ефремова и «мещанина Нижнего Новгорода» Василия Баранщикова. Читатель впервые познакомится с «Объяснениями греческого митрополита Хрисанфа Неопатрасского» — описанием путешествий последнего по Ближнему Востоку, Индии, Персии и Средней Азии, составленным для фаворита Екатерины II — графа Платона Зубова.

*Заказы на книги принимаются всеми магазинами книго-
торгов и «Академкниги», а также по адресу: 117393 Москва,
ул. академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин № 3 («Книга —
почтой») «Академкниги».*

БИХАРСКАЯ МОЗАИКА

Удивителен мир Индии, мир множества богов, родина древних философий, последователи которых и в наши дни погружены в размышления о судьбах душ, о сущности добра и зла, желаний и страданий. Это и гигантский мир, где жизнь каждого человека свидетельствует о непрекращающемся поиске средств избавления от трудностей бытия, о стремлении к высшему существованию. Традиционная и современная, загадочная и открытая Индия околдовывает самобытностью, волнует многообразием даже самого подготовленного, просвещенного путешественника, порой заставляя его почувствовать себя дилетантом.